

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА» И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

*Л. Я. Бляхер, А. Т. Григорьян, Б. М. Кедров,
Б. Г. Кузнецов, В. И. Кузнецов, А. И. Купцов,
Б. В. Левшин, С. Р. Микулинский, Д. В. Ознобишин,
З. К. Соколовская (ученый секретарь), В. Н. Сокольский,
Ю. И. Соловьев, А. С. Федоров (зам. председателя),
И. А. Федосеев (зам. председателя),
Н. А. Фигуровский (зам. председателя), А. П. Юшкевич,
А. Л. Яншин (председатель), М. Г. Ярошевский.*

Л. А. Гольденберг

**Михаил Спиридонович
ГВОЗДЕВ**

Начало XVIII в. — после 1759 г.

**Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. И. ЮХТ**

**МОСКВА
«НАУКА»
1985**

91(09)

91(092)Гвоздев

Г-63 Гольденберг Л. А. Михаил Спиридонович Гвоздев (Начало XVIII в.—после 1759 г.).—М.: Наука, 1985 г.—176 с., ил. 12.—(Серия «Научно-биографическая литература»).

Книга содержит научную биографию участника Камчатских экспедиций первой половины XVIII в., открывшего Аляску со стороны Тихого океана во время плаваний в Беринговом проливе — картографа, геодезиста и навигатора М. С. Гвоздева.

16.1

Рецензенты:

доктор исторических наук

А. И. АЛЕКСЕЕВ,

доктор исторических наук

А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

От автора

В истории великих русских географических открытий и изучения Сибири, Дальнего Востока и Тихого океана в XVII—XVIII вв. особое место занимает выдающийся подвиг петровского геодезиста Михаила Спиридоновича Гвоздева. Под его командованием русское судно «Св. Гавриил» первым из европейских судов подошло к северо-американскому побережью со стороны Тихого океана, положив тем самым начало всем последующим открытиям в этом регионе, которые увенчались освоением Аляски и Алеутских островов. По сравнению с Первой Камчатской экспедицией В. Беринга был достигнут значительный прогресс в обследовании северной части Тихого океана. С именем Гвоздева связаны и другие исследования Восточной Сибири (Иркутская провинция), Камчатки, Курильских и Шантарских островов, Сахалина, Чукотского полуострова, Охотского и Берингова морей, имеющие важное значение для истории наук о Земле.

На протяжении более двух столетий вокруг открытий М. С. Гвоздева и его соратников развернулась не только острая научная полемика, но и идеологическая борьба. Ряд зарубежных буржуазных ученых, умаляя значение русских исследований новых территорий, не останавливались перед фальсификацией событий реального процесса освоения, либо умышленно замалчивая русский приоритет в географических открытиях, либо присваивая его себе.

Ценнейшее научное наследие оставил нам М. С. Гвоздев. Но о выдающемся его плавании к Аляске в 1732 г. из-за отсутствия полных источников в историко-географической литературе существует множество нерешенных общих и частных вопросов. До сих пор, например, не прекращаются научные споры относительно истинного главы морского похода, а также действительной роли в нем Гвоздева. Гвоздев прежде всего был геодезистом, но не найдены созданные им карты; он был командиром корабля, но не отыскан оригинал вахтенного журнала исторического плавания к

Аляске; он жил и трудился в Сибири более 30 лет, но до сих пор не создано достоверное и детальное его жизнеописание. Так, историкам XIX в. принадлежит ошибочное утверждение, что Гвоздев в 1754 г. будто бы поступил учителем в Морской шляхетский кадетский корпус (51, с. 402; 59, с. 85); и в современных работах можно встретить указание на то, что Гвоздев был учителем Морского корпуса в 1734 г. (30, с. 159; 29, с. 170; 27, с. 257), тогда как сам корпус образован спустя 19 лет; что Гвоздев учился в Славяно-греко-латинской академии (25, с. 11; 52, с. 274), что в 1727 г., после экзамена, он якобы получил чин прапорщика (2, с. 36), и т. д. и т. п.

Обычно научно-биографические произведения создаются о видных представителях науки и культуры, крупных государственных и общественно-политических деятелях, выдающихся полководцах и других общеизвестных лицах. С этой целью исследователи, как правило, изучают обширную изданную литературу, а при определенной настойчивости и прилежании в обращении к историческим архивам находят свежие дополнительные материалы. В отношении рядового и скромного труженика М. С. Гвоздева отечественная историография в большом долгу. Имя Гвоздева хорошо знакомо лишь узкому кругу специалистов, в то время как его главные свершения по своему значению для отечественной и мировой науки XVIII в., несомненно, стояли на одном уровне с широко известными открытиями Колумба, Васко да Гама и Магеллана. За полтора столетия опубликованы лишь несколько рапортов и челобитных геодезиста и небольшой небезошибочный очерк о нем (25). Нелегкий жизненный путь Михаила Гвоздева известен в самых общих чертах, особенно слабо изучены ранний период его жизни, его руководство Камчатским отрядом экспедиции Шестакова—Павлуцкого и морским походом.

Расширение документальной базы позволило восполнить пробелы в освещении основных этапов деятельности квалифицированного картографа и навигатора. Научная биография М. С. Гвоздева основана на критическом прочтении отечественной и зарубежной литературы, а главное — на новых, ранее неизвестных архивных материалах, выявленных автором в исторических архивах преимущественно Москвы и Ленинграда (20). Несколько сот документов с автографами

Гвоздева или адресованных ему позволяют теперь по-новому, объективно судить о вкладе М. Гвоздева в исследование Северо-Востока Азии. Совершенно иначе, чем представлялось до сих пор, рисуются отношения между главными героями исторического плавания к берегам Америки, совсем иными предстают характеры и образы первооткрывателей. Особое внимание привлекают неизученные материалы, составленные перед плаванием к берегам Аляски; среди них в первую очередь переписка между подштурманом И. Федоровым, штурманом Я. Генсом и М. С. Гвоздевым, дневник Я. Генса, распоряжения капитана Д. И. Павлуцкого.

На фоне изучения стремительного восхождения молодой русской науки периода петровских преобразований и ее дальнейшего становления, хода освоения Северо-Востока Азии и Тихого океана в первой половине XVIII в. предпринята попытка осуществить объективный анализ научных достижений М. С. Гвоздева, результаты которого нацелены на борьбу с фальсификаторами истории отечественной науки. Жизнь и труды петровского геодезиста и мореплавателя М. С. Гвоздева — ярчайший пример проявления таких прекрасных человеческих качеств, как трудолюбие, мужество и стойкость, настойчивость и удивительная целеустремленность, преданность служебному долгу и любовь к Родине.

Солдатский сын Михаил Гвоздев

Полное отсутствие каких-либо сведений о родословной и начале жизненного пути Михаила Спиридоновича Гвоздева натолкнуло на один, как оказалось, ложный след научного поиска. В своих челобитных Гвоздев пишет об учебе в Московской академии с 1716 по 1718 (1719) гг. и в Санкт-Петербургской академии с 1719 г. Памятуя о том, что детище Петра I Морская академия в Петербурге была в своем роде привилегированным учебным заведением, и имея собственные удачные примеры находок сведений об учениках-дворянах, автору естественно было обратиться вначале к документальным материалам, хранящим генеалогические известия о дворянских родах. И действительно, несколько дел из огромного архива герольдии посвящались роду Гвоздевых-дворян, о них же имелись сведения среди «портфелей» историографа Академии наук Г. Ф. Миллера. Но ни о Спиридоне Гвоздеве, ни о его сыне Михаиле никаких данных не было обнаружено.

Позднее поиск шел по пути изучения документов Приказа Морского флота, Адмиралтейств-коллегии и подведомственных им учреждений. Отправным источником явился найденный автором список, составленный 9 июля 1753 г. в связи с образованием Морского кадетского корпуса. В список внесены все геодезисты (34 человека), числившиеся к тому времени за Адмиралтейств-коллегией, с указанием их социального происхождения, основных «служб», занимаемой должности и последнего места деятельности. В этом перечне вслед за офицерами геодезии раздел «геодезисты» первым по старшинству открывает «Михайло Гвоздев из разночинцов». Стало понятным теперь отсутствие фамилии Гвоздева в списке 1743 г., представленном его начальником М. П. Шпанбергом по запросу Адмиралтейств-коллегии о дворянах — участниках Камчатских экспедиций¹. Со времени отправления Гвоздева в экспедицию (1727 г.) Адмиралтейств-коллегия, по-видимому,

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 99, л. 374.

не имела достаточно определенных сведений о нем, отмечая, что он «в каком ныне (1753 г.— Л. Г.) состоянии находится — неизвестно», а «по присылаемым от бывших в Камчатской экспедиции командиров о находящихся в той экспедиции морских служителей списках значит, что... посланной в Сибирскую губернию геодезист Гвоздев определен и обретается во оной Камчатской экспедиции»². По этой же причине в очень краткой его характеристике отмечены служебные занятия только по 1728 г.: «В 716-м году определен в Московскую школу в учение навигацких наук. И из оной школы в Санкт-Петербургскую академию прислан в 719-м году и определен в науку геодезию в ученики. В 721-м году по требованию Военной коллегии отослан был означенной Гвоздев в команду генерала маэора Волкова для описания в Новгородском уезде под строение драгунскому и пехотному полкам дворов мест и был при том деле по 725 год и прислан возвратно во Академию. В 727 году по присланному из Правительствующаго Сената в Адмиралтейскую коллегию указу представлен оной Гвоздев в Правительствующий Сенат и послан в Сибирскую губернию для описания и сочинения ланкарт геодезистом»³.

Известны две челобитные — автобиографии геодезиста, поданные им по инстанции 24 августа 1743 г. и 10 июня 1758 г. на имя императрицы. О своих службах до 1728 г. он сообщал:

в 1743 г.:

«...В прошлом 1716-м году указом в.и.в. определен я, нижайший раб ваш, в службу для науки в Московскую академию и был при той Академии в науке по 719 год. А во оном 719-м году послан я, нижайший раб ваш, в Санкт-Петербургскую академию и определен был в той Академии в геодезию. И был по 721 год. А в 721-м году послан я был в Новгород в команду господина генерала Михайла Волкова для описания мест под селение штабных дворов и был у того дела во оной команде по 725 год по сентябрь месяц. И во оном же сентябре от вышереченного генерала Волкова послан я паки в Санкт-Петербургскую академию. А в прошлом 727-м году по поданной моей в.и.в. челобитной экзамирован я был бывшим тогда во оной Академии профессором Фарх Фарсоном в геодезисты. И в том же 727-м году отправлен я, нижайший раб ваш, из Высокоправительствующаго Сената в Сибирь в партию в команду капитана Павлуцкого и казачья головы Шестакова...» (25, с. 43).

² Там же, ф. 212, д. 27, л. 121 и об.

³ Там же.

«...Во-первых, был определен в 716-м году навигацких наук в Московскую академию и находился в той Академии по 718 год. А в том году послан был в Санкт-Петербургскую академию, в которой в 719-м году и определен в науку геодезическую учеником, и был при той науке по 721 год. А в том году отправлен был в Новгород в команду генерала-маэора и гвардии маэора и кавалера Михайла Яковлевича Волкова для описывания рек к поселению драгунских и пехотных полков и был при оном деле по 725 год. А в оном году паки отправлен в Санкт-Петербург в Академию и по прибытии моем, по знаемости мною науки, пожалован геодезистом. А в 727-м году в силу присланного из высочайшего Верховного Тайного Совета указа определением государственной Адмиралтейств-коллегии отослан был в Правительствующий Сенат, а от Правительствующаго Сената отправлен в Тобольскую губернскую канцелярию...» (52, с. 157).

Официальные данные Адмиралтейств-коллегии и сведения, сообщенные геодезистом о себе, совпадают, различаясь лишь некоторыми подробностями и деталями. Но глухое упоминание о его социальной принадлежности («разночинец») требовало дополнительных разысканий.

Специальное учебное заведение, в которое поступил М. С. Гвоздев для обучения математическим и навигацким наукам, — Московская математико-навигационная школа была учреждена Петром I в 1701 г. В цепи петровских преобразований значительное место отводилось подготовке русских специалистов для вновь рожденного флота и регулярной армии. Ускоренный рост производительных сил, экономическое и политическое развитие России в начале XVIII в. потребовали решительных мер борьбы с отсталостью в различных областях государственного управления, хозяйства, военного и морского дела, культуры. Успешное решение внешнеполитических задач, развитие промышленности, создание бюрократического аппарата, реформа армии и организация флота подчеркнули острейшую необходимость скорейшего появления квалифицированных кадров для занятия командных постов в государственном аппарате управления и офицерских должностей в армии и флоте.

Навигацкая школа готовила главным образом специалистов-мореплавателей и кораблестроителей, но ее воспитанники успешно работали и инженерами, артиллеристами, картографами (геодезистами), архитекторами и в других областях, преимущественно связанных с точными науками. Преподавание в ней «навигационных

наук» возглавили приглашенные Петром I на русскую службу английские учителя: Андрей Фарварсон, астроном и математик, профессор Эбердинского университета, и его помощники Степан Гвин и Ричард Грейс. Математическим отделением руководил талантливый русский ученый и педагог Леонтий Филиппович Магницкий, автор математической энциклопедии того времени «Арифметика, сиречь наука числительная» (1703 г.).

Ученики изучали арифметику, геометрию, сферическую тригонометрию («сферику»), географию, геодезию, рисование и черчение. Они обучались ведению «диурнала» (корабельного журнала), основам картосоставления и навигации. Вершиной школьного обучения было освоение теоретических основ навигационной науки и практика кораблевождения. Навигация как учебная дисциплина подразделялась на «плоскую» (кораблевождение на незначительные расстояния), «меркаторскую» (кораблевождение с помощью морских карт, составленных в проекции Меркатора) и «круглую» (кораблевождение по дуге большого круга) (58, с. 151—159). Теоретические курсы сопровождались практическими занятиями в астрономической обсерватории Сухаревой башни, ученики приобретали необходимые навыки обращения с геодезическими и астрономическими инструментами (буссоль, астролябия, секторы, градштоки, квадранты, ноктурналы).

Продолжительность занятий в первой (низшей) математической школе во многом зависела от уровня общей подготовки и способностей ученика. Будущий известный картограф и гидрограф Ф. И. Соимонов обучался в ней с 1708 г. около трех лет, после чего Л. Ф. Магницкий передал его «в другую школу к иноземцам, к Андрею Фархварсону с товарищи», где к концу 1711 г. он значился «в навигации плоской» (21, с. 24—25). Поступивший в школу вместе с Соимоновым будущий геодезист Игнатий Чичерин достиг класса «навигации плоской» только к 1715 г. Тогда же обучались в классе «сферики» и известные впоследствии геодезисты Корней Бородавкин (в школе с 1710 г.), Петр Чичагов (с 1710 г.), Василий Яковлев (с 1710 г.), «в навигации меркаторской» — Тихон Лодыженский (с 1711 г.), Архип Герасимов (с 1710 г.), «в навигации плоской» — Василий Леушинский (с 1712 г.), Никита Сумароков (с 1709 г.).

В том же 1715 г. учителя школы отметили тех учеников, которые «в практику годны». Среди намеченных к практической работе указаны будущие геодезисты князь Иван Шехонский, Иван Хрущов, Федор Молчанов⁴.

С открытием Санкт-Петербургской Морской (Адмиралтейской) академии в 1715 г. функции Московской математико-навигационной школы заметно сужаются, хотя в частной переписке, обиходной речи и даже в официальных документах последнюю стали часто неправильно именовать «Московской академией»⁵. Профессора А. Фарварсона переводят в Петербург, а вслед за ним туда же переводится и навигационное отделение. В 1716 г. с капралом И. Быковым из школы в академию отправились 149 учеников, окончивших учебные курсы геометрии и тригонометрии⁶. Постепенно московское специальное учебное заведение становится более похожим на математическую школу. В 1727 г. все 247 школьника обучались только арифметике (131 ученик) и геометрии (96); в 1732 г.: тригонометрии — 2, геометрии — 20, арифметике — 77 (41, ч. III, с. 417—419). К этому же времени схема обучения в Морской академии приняла устойчивую форму. Сложившаяся система подготовки геодезистов, узаконенная Петром I, просуществовала до учреждения Морского шляхетского корпуса.

К 1727 г. в Морской академии обучалось 229 учеников; в цыфирной и русской школах при ней занималось соответственно 29 и 158 детей солдат и мастеровых людей, которые после учения распределялись Адмиралтейств-коллегией на разные работы, учениками и писарями. Ученики академии обучались по классам (наукам). Перевод их из класса в класс осуществлялся в любое время, но строго индивидуально, в соответствии с успехами каждого. Начальный класс — «наука арифметика», высший — «большая астрономия». Между ними — классы геометрии, навигации, круглой навигации, сочинения ландкарты и межевания земель. 229 учащихся распределялись по наукам следующим образом:

⁴ ЦГАВМФ СССР, ф. 176, д. 106, л. 1344—1347; д. 115, л. 1069; ф. 233, д. 104, л. 213.

⁵ ЦГАДА, ф. 243, кн. 1072, л. 136; ААН, ф. 3, оп. 1, д. 2332, л. 34. Иногда ошибочно называют оба учебных заведения школами (65, с. 81, 83).

⁶ ЦГАВМФ СССР, ф. 176, д. 115, л. 1125, 1199.

3 ученика русской школы из недорослей, которые по обучению русской грамоте «определяются в науку арифметику»; 58 учеников арифметики; 30 учеников геометрии; 108 учеников обучаются навигации, артиллерии, фортификации, «живописного рисования и на рапирах», достойные из которых переводятся в очередной класс; 4 ученика — круглой навигации, после изучения которой они получают назначения во флот гардемаринами и штурманскими учениками; 5 геодезистов и 17 геодезии учеников, обученные сочинению ландкарт и межеванию земель, посылаются на работу в провинции; наконец, 4 ученика большой астрономии, после освоения которой они производились учителями и подмастерьями академии (33, с. 51).

Преподавательский состав академии и московской школы был весьма стабилен. Неутомимые А. Фарварсон в Петербурге и Л. Ф. Магницкий в Москве почти за 40 лет воспитали сотни высококвалифицированных специалистов, создали ряд учебников и учебных пособий. Этот педагогический подвиг начального периода становления светского профессионального образования, к сожалению, не получил еще достойного освещения и должной оценки в отечественной литературе. Если в Москве по штату предусматривался всего только один учитель, то в Морской академии, помимо профессора, занятия проводили учитель Федор Алфимов и 9 подмастерьев (по навигации — 4, артиллерии — 2, фортификации — 2, геодезии — 1). По справке Адмиралтейств-коллегии, А. Фарварсон с 1715 по 1739 г. обучал учеников «наукам арифметики, геометрии, тригонометрии, навигации плоской, меркаторской, диурнала, сферики, части астрономии, географии, круглой навигации, геодезии, эвклидовых элементов, алгебры, большой астрономии, архимедовы теоремы и прочим математическим частям. И денежного жалованья производилось ему по 960 рублей 33 копейки в год»⁷. Ученики Фарварсона, выдержавшие специальный экзамен у профессоров Академии наук Г.-В. Крафта, Х.-Н. Винстейма и И.-Г. Гейнзюса, были назначены учителями математических и навигационных наук: с 1734 г. — Василий Ушаков, Алексей Кривов, с 1737 г. — Автамон Шишков, а Михаил Четвериков, Петр Костюрин, Петр Бильшов, Яков Бухарин и Алек-

⁷ ЦГАДА, ф. 248, кн. 1205, л. 444 и об.

сей Исупов — подмастерьями⁸. С 1732 г. учителем в академии был Семен Салтанов, получивший в 1740 г. «мазорский ранг». По решению коллегии 13 декабря 1739 г. В. Ушаков получил назначение в московскую школу на место умершего учителя Л. Ф. Магницкого.

Число учеников не было постоянным. В 1710 г., например, в школу записалось всего 111 человек. С 7 июня 1714 г. по 1 февраля 1715 г. было принято 447 учеников. К донесению 26 января 1716 г. военной канцелярии о повелении царя иметь в академии школьничков-недорослей «полный комплект 300 человек, да сверх оного в геодезию 30 человек» адмирал Ф. М. Апраксин приписал: «Содержать указное число всегда, которые лучше пожитками и персонами, а что будет лишних и бедных, отпущать в московскую школу с указами и провожатыми» (41, ч. III, с. 330—331). Трудно точнее сформулировать сословно-классовый принцип отбора учащихся. Вместе с присланными из Санкт-Петербурга в 1717 г. в математико-навигационной школе в 1717 г. оказалось «в учении налицо» 498 человек, в том числе 99 учеников без жалованья⁹. В 1719 г. подтверждалось повеление «о комплекте» в 300 человек дворянских детей из недорослей в Петербурге, в Москве — 500, «а принимать всякого чина людей, кроме дворянских. А за которыми дворянскими детьми по 5 дворов и меньше, тех из Санкт-Петербурга отсылать в Москву» (41, ч. III, с. 350). В 1727 г. соответственно обучалось 229 и 247 учеников. К 1732 г. в академии учились 129 человек, в том числе геодезии учеников 22, в навигации плоской 30, в геометрии 21, в арифметике 56 учеников¹⁰.

Принудительное комплектование школы и академии учащимися из дворянских недорослей натолкнулось на упорное сопротивление многих дворян, их дети любыми средствами стремились уклониться от учебы. Постоянная нехватка «полного комплекта» учеников способствовала зачислению в эти учебные заведения детей «разных чинов людей». При известных возрастных ограничениях (12—20 лет), обусловленных правилами приема, дети из шляхетства поступали в учение, как правило, значительно позже, чем выходцы из

⁸ Там же, л. 335—336; кн. 794, л. 201 и об.

⁹ ЦГАВМФ СССР, ф. 233, д. 149, л. 85.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 21, кн. 52, л. 1—5.

непривилегированных слоев населения. Отчасти это обстоятельство можно объяснить и тем, что дворянские дети большей частью имели возможность получать начальное образование в домашних условиях. По нашим подсчетам, средний возраст поступающих в академию из дворян — 17,5 лет, из разночинцев — 15,3 года.

В разные годы соотношение дворян и разночинцев существенно менялось. Если в 1710 г. из 111 учеников 11 были солдатскими детьми, а дворянскими недорослями — 41, то в 1714—1715 гг. среди 447 человек находилось солдатских детей 141 и недорослей 116, в 1717 г. из 498 учеников школы было 294 дворянина, 11 — «подьяческого чину», лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков солдатских детей — 113, 10 — «посацкого чину», 23 — «из людей боярских», 4 — «польской породы», 4 — «конюшенного чину», 17 — «церковного чину», солдатских детей разных полков — 22¹¹. Из 22 геодезии учеников Морской академии в 1732 г. 6 были дворяне. В 1735 г. среди 118 учеников академии обучалось 64 человека из дворян и 54 — из разночинцев; в Московской школе из 95 учащихся (арифметику изучали 70 человек, геометрию 13 и тригонометрию 12) принадлежали к дворянам 24 и 71 — к разночинцам (68, с. 56—57).

24 декабря 1715 г. царским указом предписывалось «лейб-гвардии Семеновского полку салдатского сына Михайла Гвоздева ис Преображенского приказу отослать в школу математико-навигационных наук. А как он, Михайла, выучен будет и его прислать в Преображенской приказ к ближнему столнику князю Федору Юрьевичу Ромадановскому с товарищи попрежнему. А без указа великого государя ис Преображенского приказу никуда его, Михайла, не посылать»¹². Отмечалось также, что в Приказе М. Гвоздеву «государева жалованья не даетца ничего». Получив царское повеление, президент Адмиралтейского приказа Ф. М. Апраксин 31 декабря 1715 г. отдал распоряжение Адмиралтейской канцелярии, «записав в книгу», отослать юношу в школу; «и по сей помете вышеписанной салдацкой сын Михайло Гвоздев отослан в школу с указом генваря в 2 день 716 году»¹³.

¹¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 233, д. 149, л. 82—84 об.

¹² Там же, ф. 176, д. 115, л. 250.

¹³ Там же.

Упомянутые в указе Преображенский приказ и его глава князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский оставили по себе страшную память у современников. Созданный Петром I в 1686 г. в подмосковном селе Преображенском вначале для управления «потешными» (позднее гвардейскими) Преображенским и Семеновским полками Преображенский приказ использовался царем в борьбе за власть против царевны Софьи. Затем функции Приказа расширились, он получил право следствия по делам о политических преступлениях («государево слово и дело»), ведал полицией Москвы, двумя гвардейскими полками. Под непосредственным ведением Петра I деятельность Приказа как центрального государственного учреждения России направлялась на борьбу с противниками петровских преобразований, на подавление народных антикрепостнических выступлений. Даже упоминания о застенках Преображенского приказа вселяли ужас. Участник воинских забав и учений юного царя Ф. Ю. Ромодановский был беспредельно предан Петру I и пользовался безграничным его доверием. Наделенный огромной властью, он при производстве следствия и розысков отличался необыкновенной жестокостью.

Сохранились прошения учеников Навигацкой школы, одно из которых на гербовой бумаге следует привести полностью как наиболее ранний из документов с автографом Гвоздева:

«Державнейший царь, государь милостивейший!

По твоему, великого государя, указу учимся мы, нижеименованные рабы твои, в школе математико- навигацких наук, а твоего, великого государя, жалованья нам, рабом твоим, ис Преображенского приказу сиротского жалованья не даетца, а в математической школе нам не определено ж. Всемиловейший государь, просим вашего величества, вели государь, нам, рабом твоим, определить свое, великого государя, жалованья против нашей братьи. Вашего величества нижашие рабы математической школы ученики Федор Апушкин, Михайло Гвоздев. Генваря в 30 день 1716 году. К сему прошению Федор Апушкин руку приложил. К сему прошению Михайла Гвоздев руку приложил»¹⁴.

Адмиралтейский комиссар А. А. Беляев подготовил пространную выписку с изложением существа прошения и материалов для обоснования решения. Он определил установить челобитчикам «кормовые деньги» по

¹⁴ Там же, л. 247.

...
 Аграфимовичи убо Дурь Мотыльвичи
 Протрвова Мелиного Дурь сома ибидя
 мы Анисимовичи рабѣ свои видѣв
 Матвеевичи Акимовичи Асидь отцово
 Мелиного Дурь Акимовичи ибидя
 Писемки Мотыльвичи Писемки
 Фадеевичи Александровичи Александровичи
 Кисе ибидя Асидь Александровичи

Мелиного Дурь Писемки Мелиного
 Кисе ибидя Дурь Асидь рабѣ свои
 Мотыльвичи Писемки Мотыльвичи
 Александровичи Александровичи Александровичи
 Александровичи Александровичи Александровичи

Всехъ Мелиного Александровичи рабѣ свои
 Матвеевичи Мотыльвичи Мотыльвичи
 Александровичи Александровичи Александровичи
 Александровичи Александровичи Александровичи
 Александровичи Александровичи Александровичи
 Александровичи Александровичи Александровичи
 Александровичи Александровичи Александровичи

Прошение 30 января 1716 г. учеников Математико-навигационной школы Ф. Апушкина и М. Гвоздева о назначении жалованья

4 деньги на день (в месяц 20 алтын, а обоим 1 руб. 6 алтын 4 деньги) на основании приказа Ф. М. Апраксина от 19 апреля 1712 г., в котором предусматривалось 65 солдатским детям, присланным в школу из Семеновского и Преображенского полков, платить жалованье по 4 деньги на день, а как они «наукою повысятца и им давать по шти денег на день, а больше не давать»¹⁵.

Указом 6 февраля 1716 г. Адмиралтейский приказ установил солдатским детям Семеновского полка Ф. Апушкину и М. Гвоздеву выплачивать жалованье — «кормовых денег против их братьи в арифметике по четыре деньги человеку на день». Решено выдавать деньги с 16 февраля и о том «для ведома» послать указ к учителю Л. Ф. Магницкому. Под указом второй школьный автограф Гвоздева: «И по сей помете указ в школу к учителю Михайло Гвоздев взял и расписался»¹⁶. Если в классе арифметики школьники с установленным жалованьем получали по 4 деньги, то с повышением образовательного уровня и «кормовые деньги» выдавались «им по наукам их».

В списке 498 учеников Навигацкой школы 1717 г. Михаил Гвоздев вместе с будущими геодезистами Семеном Чичаговым и Алексеем Жихмановым показан в числе 113 солдатских детей лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков¹⁷.

На основании самых ранних документально зафиксированных упоминаний о М. С. Гвоздеве можно определенно сказать, что он, подобно другим выходцам из народа, как М. В. Ломоносов или солдатские дети геодезисты А. Д. Красильников, П. И. Чичагов, Т. Лодыженский, В. Яковлев, Н. Сумароков и другие, не принадлежал к привилегированному сословию. Как известно, Петр I, человек весьма энергичный и деятельный, в интересах укрепления аппарата управления часто привлекал к многочисленным и разнообразным государственным делам «разных чинов» людей, пренебрегая их недворянским происхождением. Сирота, сын солдата гвардейского Семеновского полка, вероятно, погибшего в одном из сражений Северной войны, М. С. Гвоздев воспитывался в полку, не получая жало-

¹⁵ Там же, л. 247 об.— 248 об.

¹⁶ Там же, л. 249.

¹⁷ Там же, ф. 233, д. 149, л. 82 об.

ванья, и по достижении определенного возраста был направлен Преображенским приказом в Навигацкую школу. Важно, что указом предусматривалась в какой-то степени и его будущность: после выучки он должен был вернуться в Приказ в распоряжение Ф. Ю. Ромодановского и без специального на то царского повеления не разрешалось его куда-либо посылать. Последнее обстоятельство, по-видимому, связано с тем особым расположением Петра I, которым, как отмечают историки, пользовались офицеры и солдаты Семеновского и Преображенского полков.

Затруднительно (без прямых указаний источников) назвать год рождения Гвоздева. Только по аналогии со сверстниками и «однокашниками» по школе, чей возраст нами определен точно, можно сказать, что к моменту зачисления учеником (январь 1716 г.) М. С. Гвоздеву было, очевидно, не более 14—16 лет. Принимая во внимание его сиротское положение, нельзя игнорировать возможность и раннего поступления его в школу (в 12 лет). Таким образом, косвенные признаки позволяют высказать предположение о том, что М. С. Гвоздев родился в начале XVIII в., но не позднее 1704 г. По другим, менее вероятным, на наш взгляд, ориентировочным подсчетам, возраст Гвоздева ко времени сдачи им экзаменов на геодезиста (1727 г.) определялся от 28 до 33 лет, следовательно, предполагаемый год рождения — между 1694 и 1699 г. (37, с. 142).

В автобиографиях Гвоздева не упоминаются изучавшиеся им конкретные науки. Представляется, что это были те же учебные дисциплины, о которых вспоминают его соученики по академии Петр Скобельцын и Иван Свистунов. Поступившие «для обучения математических и навигацких наук» учащиеся после усвоения арифметики, геометрии, тригонометрии, плоской и меркаторской навигации и сдачи экзамена профессору Фарварсону получили первое звание — геодезии ученика. Второе звание — геодезист — пожаловано им после обучения геодезии, рисованию и «сочинению лант- и зейкарт»¹⁸. И. С. Свистунов обучался наукам 5 лет, П. Н. Скобельцын — 8. И в среднем по школе и академии продолжительность учебы обычно не пре-

---

¹⁸ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 52, л. 489; ЦГАДА, ф. 248, кн. 287, л. 1.

вышала 5—8 лет. Так, пять лет обучались И. Ф. Ханьков, Д. А. Мордвинов, А. Толубеев, Ф. А. Зубов, Иван и Леонтий Исаковы, А. Д. Красильников, шесть — Ф. И. Теглев и Е. Ф. Сафонов, семь — М. С. Гвоздев, С. А. Арсеньев, восемь — В. М. Зуров, М. Игнатъев, П. Н. Скобельцын. Иногда учеба прерывалась служебными «командировками» на практическую работу, как это случилось с Ф. Ф. Кучиным (учеба с перерывами в 1708—1721 гг.) или с самим Гвоздевым. 16 ноября 1726 г. Адмиралтейств-коллегия утвердила представленный А. Фарварсоном и Ф. Д. Алфимовым проект распределения времени обучения по отдельным учебным дисциплинам в Морской академии. Общая продолжительность учебы определена в 6 лет 9 месяцев, из них «на арифметику — 1 год, геометрию — 8 месяцев, тригонометрию — 3 месяца, навигацию плоскую — 3 месяца, навигацию меркаторскую — 5 месяцев, диурнал — 1 месяц, тригонометрию сферическую — 3 месяца, часть астрономии, которая принадлежит к сфере, — 4 месяца, географию — 1 месяц, навигацию круглую — 1 месяц, геодезию — 4 месяца, артиллерию — 1 год, фортификацию — 1 год, живописную и на рапирах — 1 год» (67, с. 109).

Геодезисты и геодезии ученики выполняли самые разнообразные поручения по картографированию географических объектов, межеванию земель, демаркации границ, устройству укрепленных линий, строительству дорог и каналов и т. д. Обычно по запросам коллегий, особенно Военной, Вотчинной и Иностранных дел, дворцового ведомства и других центральных государственных учреждений, Сенат особыми указами предписывал Адмиралтейств-коллегии обеспечить выполнение определенных работ силами специалистов-геодезистов из Морской академии. В числе таких «посылок в разные места» отметим, например, отправление в 1717 г. «навигатора» Ф. А. Молчанова в Сибирь, в 1719 г. Михаила Игнатъева и Федора Балужева с посольством Л. Измайлова, «к канальному делу» в Кронштадт геодезистов Якова Ведрина, Константина Зиновьева, Данилу Похвиснева, Степана Юренева, «к работам Ладожского большого канала» геодезии учеников Якова Радищева, Семена Лыкова, Григория Кудрина, Афанасия Мыпецкого, Никона Косточкина, Исаака Пустышкина, «к строению прешпективной дороги» в 1721 г. Ивана Балашева. Но самое значитель-

ное одновременное отправление геодезистов и учеников «для описания и сочинения ландкарт» в губернии и в провинции произошло в начале 1721 г., когда началось в широком масштабе осуществление петровского плана первой государственной инструментальной съемки России (50, т. 6, № 3682, 3695).

14 марта 1721 г. были посланы «ради описания мест и сочинения ландкарт» геодезисты с жалованьем по 6 руб. в месяц из губернских доходов: в Московскую губернию — Тихон Лодыженский и Степан Игнатьев, в Киевскую — Иван Хрущов и Борис Батурия, в Казанскую — Исай Крапивин и Степан Кучин, в Нижегородскую — Иван Шехонский и Степан Орликов, в Архангелогородскую — Архип Герасимов и Яков Филисов, в Смоленскую провинцию — Федор Кучин и Василий Яковлев, и в другие губернии и провинции. В каждый регион обычно отправлялись два геодезиста, что, по объяснению историков картографии, вызывалось необходимостью разделения труда, при котором один из картографов был младшим (чаще геодезии учеником) и выполнял функции помощника (65, с. 83). К июлю 1727 г. в различных командировках находились 44 геодезиста и 26 геодезии учеников; 24 января 1732 г. в них значилось 111 человек (68, с. 48).

После трех лет занятий в Навигацкой школе М. С. Гвоздев, в конце 1718 г. переведенный в Морскую академию, продолжал в ней учебу с 1719 по 1721 г. Надо полагать, что в Петербурге он получал, как и все ученики, с вычетом «на инструмент» жалованье, определенное с 1719 г. начальником Морской академии Г. Г. Скорняковым-Писаревым, «по наукам», а именно: в классе геометрии — по 1 руб. 45 коп. в месяц, в навигации круглой — по 2 руб. 13 коп., навигации плоской — по 2 руб. 88 коп. и в геодезическом классе — по 2 руб. 88 коп. (67, с. 107). В звании геодезии ученика Гвоздев получил в 1721 г. первое практическое задание и по запросу Военной коллегии был откомандирован в распоряжение генерал-майора М. Я. Волкова, возглавившего проведение ревизии (проверки) итогов подушной переписи 1719—1721 гг. в Санкт-Петербургской губернии. Местопребывание его канцелярии «свидетельства душ» — Новгород. Ревизия проводилась в соответствии с инструкцией, опубликованной в качестве указа в марте 1722 г. Офицерская канцелярия занималась также конфискацией земель за

утайку «душ», решением местных конфликтных дел, размещением военных подразделений. В доношении¹⁹ из Новгорода в Сенат 21 сентября 1721 г. М. Я. Волков сообщил о начальном этапе работ, и в частности о составлении ведомости «по данной мне инструкции (при указе от 30 августа 1721 г.— Л. Г.) расположение драгунского и пехотного полков на души», ссылаясь на сенатский указ 5 марта 1721 г., по которому «велено в Новгородском уезде армейские драгунской и пехотной полки росписывать по душам мужеска полу по 32 алтына по 2 деньги с каждого человека...»²⁰.

Около четырех лет в команде Волкова работал М. С. Гвоздев, призванный «для описания» в Новгородском уезде рек и различных мест «к поселению» и «под строение» дворов драгунского и пехотного полков, а также «под селение» полковых штабных дворов. В сентябре 1725 г. он возвратился для продолжения прерванных занятий в Морскую академию, где, успешно сдав экзамены А. Фарварсону, «по знаемости» наук и профессорскому «удостоинству» (представлению) весной 1727 г. был произведен в геодезисты.

Обер-секретарь Сената И. К. Кирилов, возглавлявший картографирование России и систематически проводивший проверку выполнения геодезистами съемочных и картосоставительских работ, приказал московской сенатской конторе срочно прислать сведения о ряде геодезистов. Его интересовало, «не праздно ль живут» и «у какого дела обретаютца» геодезисты А. Сипягин, С. Кашинцов, Ф. К. Ежевский, К. Бородавкин, Н. Сумароков, «зачем столько долговременно продолжается» сочинение московского плана (так называемый мичуринский план Москвы, опубликованный в 1739 г.), где находятся А. Я. Кротков и Ф. Д. Лавров, ранее посланные для межевания земель дворцового села Софьино. Он распорядился проверить сообщение Адмиралтейств-коллегии о посылках ею И. Балашева в 1721 г. для межевания земель в Почеп с полковником Давыдовым, а в 1726 г.— Федора Балужева и Михаила Гвоздева в Дворцовую канцелярию для

¹⁹ Доношение — вид документа в коллежском делопроизводстве, докладная записка или отчет, направляемые непосредственному начальству подчиненным.

²⁰ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 1—1 об.

межевания дворцовых вотчин — «у тех ли дел ныне обретаютца или свободны». Сенатская контора, составившая подробную справку о работах и местонахождении каждого геодезиста, послала в дворцовое ведомство запрос о Гвоздеве. Как оказалось, известие Адмиралтейств-коллегии о нем было ошибочным. По данным Дворцовой канцелярии, в Тамбовских дворцовых селах Воронежской губернии «для розводу земель» и составления карт находились три геодезиста: И. Балашев, Ф. Балуев и М. Стромиллин, двум из которых было повелено прибыть в Москву, чтобы «праздно не жили и жалованья напрасно не брали»; «а геодезиста Михаила Гвоздева в Дворцовую канцелярию ниоткуда в присылке не имелось»²¹. Таким образом, ясно, что мнимое отправление М. Гвоздева в 1726 г. для межевания дворцовых вотчин явилось плодом бюрократического недоразумения.

В то время как Гвоздев заканчивал учебу в Морской академии, высшими правительственными органами в 1724—1727 гг. был тщательно рассмотрен и утвержден проект организации экспедиции на Дальний Восток якутского казачьего головы Афанасия Федотовича Шестакова. Отличное знание особенностей суровой жизни, местных условий, всех тонкостей нелегкой службы русских гарнизонов с центром в Якутске позволило Шестакову предложить ряд мер, направленных на упорядочение взаимоотношений с местным ясачным населением, «приискание новых земель», поиски сухопутных, речных и морских коммуникаций, регламентацию деятельности служилых людей, укрепление русских острогов. Он четко наметил районы поисков — Охотское море, острова у северных берегов Азии, «земли против Анадырского носу», Курильские острова. Таким образом, в отличие от целей Первой Камчатской экспедиции, отправленной из Санкт-Петербурга в начале 1725 г., А. Ф. Шестаков придавал первостепенное значение совершенно иному характеру планируемой экспедиции. Замыслы якутского казачьего головы попали на благодатную почву и, совпав с общеполитическими чаяниями окружения Петра I и Екатерины I, отразили решительное стремление абсолютистской империи расширить территориальные владения России, ускорить продвижение

---

²¹ Там же, кн. 528, л. 400.

на Северо-Восток, получить дополнительные источники пополнения государственной казны, изучить новые возможности для торговли²². Предлагалось о походе Шестакова известить В. Беринга, и когда обе экспедиции «будут в действе», то друг другу помогать. Здесь следует упомянуть о суждении археографа А. А. Покровского, который объяснял неточностями географических представлений того времени то обстоятельство, что почти в одно и то же время и по инициативе одних и тех же государственных учреждений были организованы две, по его мнению, аналогичные экспедиции — Беринга и Шестакова. Причиной этого странного дуализма он называет карту Шестакова с изображением «Большой земли» против устья р. Колыма, полагая, что в соответствии с подобным представлением одна экспедиция (Беринга) должна была выполнять задание на Тихом океане, а другая (Шестакова) — на Северном (69, с. 12—13). Подобное утверждение противоречит широко известным задачам, которые возлагались на ту и другую экспедицию. Для Шестакова, как и оказалось, исследование северного побережья Азии и прилежащих островов явилось в конце концов предприятием второстепенным, а главные события развернулись на Чукотке, Камчатке, в Охотском и Беринговом морях, где первостепенное значение придавалось проблемам отнюдь не научного характера — упорядочению сбора ясака, восстановлению старых и строительству новых острогов и зимовий.

Осуществление планов А. Ф. Шестакова зависело от степени географической осведомленности об огромном регионе Якутск—Колыма—Чукотка—Камчатка, сведений об ареалах обитания коренных народностей, состояния коммуникаций, снабжения и численности служилых людей. В период обсуждения проекта всюду демонстрировалась «особливая карта» А. Ф. Шестакова, которая при всей своей картографической наивности представляет собой ценный исторический источник, отражающий определенное видение окружающего мира. Вместе с серией других якутских чертежей первых десятилетий XVIII в. она представляет древнерусскую народную картографическую традицию, в целом счастливо миновавшую этап гипотетических изображе-

---

²² Там же, кн. 690, л. 249. См. также 50, т. VII, № 5049; 56, с. 4—6.

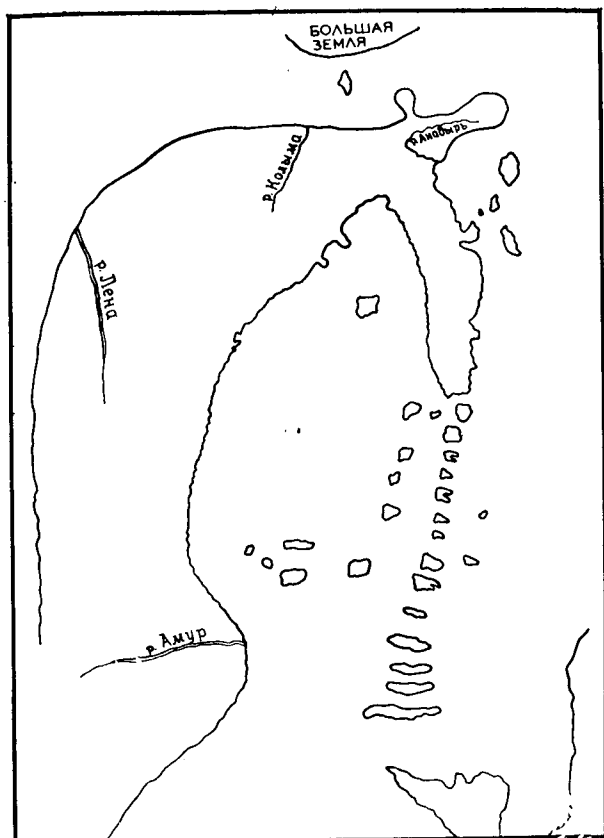

Схема карты Северо-Восточной Азии А. Ф. Шестакова 1724 г.

ний, пережитый западноевропейской картографией. Непреходящее значение подобных карт — в их практическом назначении и при всем несовершенстве — в относительной достоверности (19, с. 137–160). В простой и наглядной форме А. Ф. Шестаков выразил устремления якутских служилых людей, о которых сибирский губернатор А. М. Черкасский еще в 1722 г. докладывал, что они и «мореходцы самохотно в вышеозначенные места для сыску новых земель и островов... позволения и отпуску себе просят»²³.

²³ Там же, л. 275 об.

Приведенные схемы карт Шестакова, Кирилова, «Камчадалии» и анадырского чертежа не нуждаются в особых пояснениях. Их отличия между собой весьма заметны потому, что основные источники для каждой совершенно различны. Влияние источников, использованных Кириловым, ощутимо только на его карте 1724 г. Неповторимы очертания огромной земли против Камчатки, островов в Ламском море, двух островов и неограниченной земли (Аляски) против Чукотского полуострова на русской карте «Камчадалии» из атласа И. Гомана. Отличаются друг от друга на всех картах изображения и местоположение Курильских островов. Все эти картографические материалы служили справочными пособиями при решении задач, поставленных перед экспедициями В. Беринга и А. Шестакова. Несхожие изображения северного побережья Азии, Чукотки и Камчатки, Курильской гряды, островов в Охотском и Беринговом морях на этих картах объясняются различными и нередко противоречивыми местными сведениями, положенными в основу того или иного чертежа (карты). Представления колымских, анадырских, камчатских и якутских служилых людей тех лет о Северо-Востоке Азии имели значительные расхождения.

В проекте Шестакова никаких наметок научного содержания не выдвигалось и вопрос о посылке в экспедицию геодезиста вообще не ставился. Необходимость командировать специалиста — составителя карт и планов исследуемых районов на суше и море подчеркнута лишь указаниями 23 марта и 3 мая 1727 г. Уже 14 апреля Адмиралтейств-коллегия вынесла решение о присылке геодезиста в Сенат, а в начале мая, вслед за массовым отправлением геодезистов из Морской академии для работы в губерниях, был сделан выбор и судьба Михаила Спиридоновича Гвоздева определена. Высококвалифицированный специалист, он был не односторонне развитым сухопутным геодезистом, а картографом, профессионально подготовленным к съемке и составлению в равной степени карт и суши и моря (ланд- и зейкарт). В школе и академии Гвоздев приобрел определенную морскую выучку, командные навыки строевого офицера, обучился основам кораблеводства, ведению вахтенного журнала, обращению и работе с геодезическими и навигацион-

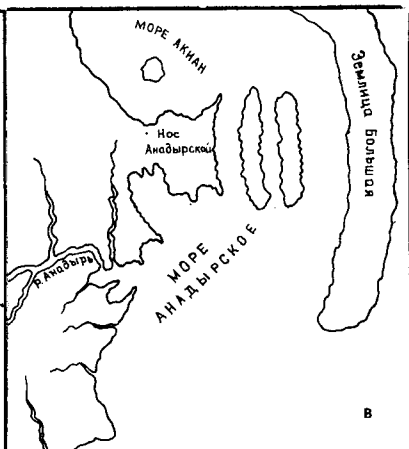
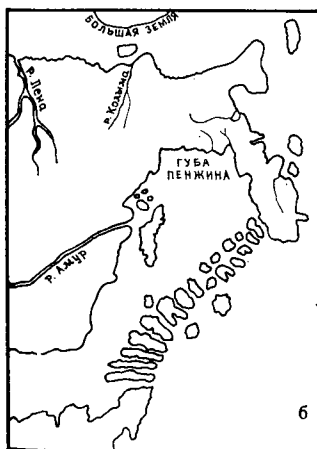
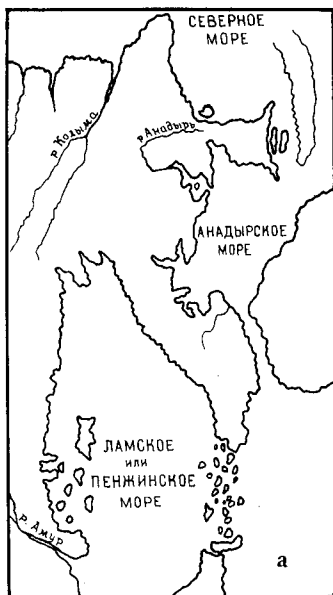
ными приборами и мог в случае необходимости справиться с обязанностями штурмана корабля.

20 мая 1727 г. М. С. Гвоздев был «взят» из академии. В тот же день Адмиралтейская контора сообщила в Камер-коллегию, что М. Гвоздев на 1727 г. жалованья не получал и просила в связи с его «посылкой» выдать годовой оклад за счет конторы с вычетом за прибавку жалованья в размере месячного оклада. Коллегия определила геодезисту Гвоздеву выдать из Санкт-Петербургской рентерии (казначейства) 66 рублей на 1727 г. (72 руб. годовой оклад и 6 руб. вычет за прибавку)²⁴.

²⁴ Там же, л. 294 и об.

Схемы карт Северо-Восточной Азии

а — карта «Камчадалии» 1722 г. (из атласа И. Гомана 1725 г.);
 б — карта И. К. Кирилова 1724 г.;
 в — «анадырский чертеж» не ранее 1727—1728 гг.

9 июня морское ведомство выслало в Сенат с «надлежащими» инструментами всех «адмиралтейских служащих», назначенных в экспедицию Шестакова,— геодезиста, 10 матросов, подштурмана Ивана Федорова и голландца на русской службе штурмана Якова (Якоба) Генса. Матросы получили обмундирование и жалованье хлебное (за первую половину 1727 г.) и денежное (по 1728 г.) из расчета (в месяц) муки по полосмине, круп по малому четверику, соли 2 фунта, по 1 руб. 50 коп., а «за вычетом мундир» по 30 алтын (для матросов 2-й статьи соответственно 1 руб. и 20 алтын). Штурману полагалось по 12 руб. в месяц и за «прибавочный» 13-й месяц, подштурману — по 7 руб. Обоим для работы были выданы штурманские «припасы»: два пель-компаса, 8 ординарных компасов, две получасовых, одна минутная и одна полуминутная склянки, по 6 дестей александрийской и картузной бумаги, 1,5 стопы писчей бумаги, две большие зрительные трубы²⁵. М. С. Гвоздеву выданы: железная «мерительная» цепь для измерения линий, теодолит и азимут-компас для измерения румбов ходовой линии, квадрант для определения астрономических широт по Солнцу или по Полярной звезде, а также инструменты, употребляемые при камеральных работах, в том числе готовальня с принадлежностями, циркуль «большой хартиной» (по-видимому, штангенциркуль), циркули простой и треножный, линейка с делениями, «таблицы, хартины плоская и меркаторская»²⁶.

Тщательно и придирчиво присматривался А. Ф. Шестаков к будущим участникам экспедиции. Обо всех своих сомнениях и опасениях он неоднократно докладывал Сенату, но ни единым словом не обмолвился по поводу молодого геодезиста. Зато о других морских «служителях» он составил определенное и категоричное мнение. Так, настойчивый казачий голова, считая, что не все требования о командировании выносливых, опытных и здоровых матросов были выполнены, доносил 16 июня: «А которые матрозы в Сенат и присланы и те, тамошнего обыкновения не знающие, от которых я опасен, что в пути не разбежались»²⁷.

²⁵ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 5, л. 96. Десть, стопа — меры счета писчей бумаги; соответственно 24 и 480 листов.

²⁶ ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 298 об., 306 об.

²⁷ Там же, л. 300—301.

Не менее суровая оценка дана им физическому состоянию Я. Генса и И. Федорова: «А штурман и подштурман к означенной посылке и быть не надлежат, понеже штурман без ног и русского языка мало знающей, а подштурман болен; и кроме их можно изыскать тамошняго моря обывателей в городе Якуцку»²⁸. Историк А. Сгибнев, в целом отрицательно относившийся к личности Шестакова, писал о том, что казачий голова ненавидел грамотных людей и старался от них избавиться. С этим нельзя согласиться. Опасения Шестакова были вполне обоснованными — он отлично знал тяжелейшие условия жизни и работы на Северо-Востоке, связанные с постоянными лишениями и трудностями. И естественно, он стремился заполучить к себе в команду людей не только знающих, но сильных телом и душой. В июле 1732 г., перед отправлением в новую экспедицию, В. Беринг вспомнил о встрече в 1729 г. с шестаковским штурманом, который «был обдержим болезнью, от которой не надеюсь, что б был жив»²⁹. Забегая вперед, отметим, что ни Генс, ни Федоров не выдержали испытаний и выпавших на их долю тягот.

Сенатским указом 19 июня предписывалось немедленно отправить всю команду Шестакова из Санкт-Петербурга в Сибирь. Но на другой же день и штурман, и геодезист потребовали предоставления им необходимых для будущей работы материалов и инструментов. Для «морского ходу» Я. Генс просил к «преждеданным» из коллегии «для дальнего разстояния... еще в добавку»: циркулей 2 (в 9 и в 7 дюймов), бумаги александрийской 6, а картузной 7 десятей, писчей 1,5 стопы; одну часть магнита для починки компасов, один сундук под материалы (размером 5×3,5×2 фута), 2 подзорные трубки и 2 радиуса. Гвоздев также подал в Сенат доношение с обоснованием невозможности быстрого выполнения поручаемых ему работ и необходимости дополнительной выдачи различных материалов. Геодезист отметил, что посылается он в Сибирь «для описания Восточного и Северного моря и некоторых островов и сочинения лант-карты один. А при описании оног моря и островов одному ему в скорости исправитца невозможно, ибо и

²⁸ Там же, л. 301.

²⁹ Там же, кн. 664, л. 102 об.

в ближния места посылаютца геодезистов по 4 и по 2 человека, и чтоб в оную посылку определить ему в помощь геодезии учеников двух человек»³⁰. Доводы Гвоздева имели серьезные основания. Обращаясь с просьбой о командировании с ним в дальнюю экспедицию учеников, он опирался на хорошо известный ему опыт сложившейся к тому времени практики проведения съемочных и картосоставительских работ. Многие близко знакомые Гвоздеву по совместному обучению в Москве и Петербурге выпускники в 1718—1726 гг. «ради описания мест и сочинения ландкарт» обычно посылались морским ведомством по два или по четыре человека. Реестры коллегии 2 января 1725 г. и июльский 1727 г. отмечают также посылки петровских геодезистов и геодезии учеников (68, с. 46—47). Отправлены из коллегии в Сенат для работы:

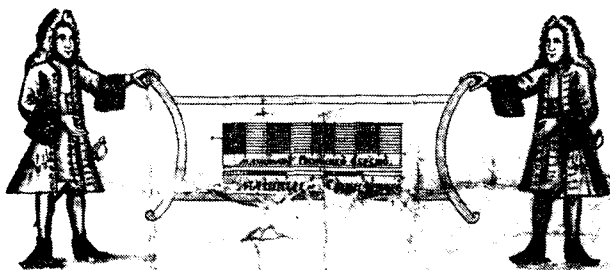
в Сибирской губернии 31 мая 1718 г. Ф. Ф. Лужин, И. М. Евреинов, 4 февраля 1719 г. И. Захаров, П. И. Чичагов, 19 февраля 1724 г. геодезист П. Н. Скобельцын и ученики И. С. Свистунов, Д. Баскаков, В. Д. Шетилов; в Астраханской губернии 19 сентября 1720 г. И. Чичерин, А. Толубеев, А. А. Сипягин, Г. Макаров; в Низовой экспедиции 15 марта 1722 г. С. Кашинцов, Ф. И. Теглев, Г. Окулов, И. Лебедев; в Воронежской губернии в 1718 г. К. Бородавкин, Н. Сумароков; «для свидетельства мужеска полу душ» Московской губернии в 1722 г. В. Суворцов, С. Дьяков и др.³¹

Чаяния Гвоздева удачно выразил безымянный автор одной из карт первой половины XVIII в. На ней линейный масштаб (в минутах и российских верстах) заключен в рамку, за концы которой держатся два картографа.

В доношении 20 июня 1727 г. М. С. Гвоздев, получивший инструменты для полевых работ, потребовал также предоставить необходимые ему для этих работ материалы. Приложенный при этом обширный список очень интересен для истории картографии. Гвоздев, уже побывавший на практической работе, со знанием дела составил подробную ведомость, характеризующую потребности геодезиста в различных материалах для составления карт. На основании рассказов геодезистов, работавших в Сибири, он совершенно справедливо

³⁰ Там же, кн. 690, л. 308.

³¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 212, д. 29, л. 364—366; ЦГАДА, ф. 248, кн. 50, л. 393—394 об.

Художественный картуш линейного масштаба карты первой половины XVIII в.

ЦГАДА, ф. 192, Черниговская губ., № 2

предусматривал и невероятные трудности в снабжении отдаленного края.

М. С. Гвоздев требовал выдать ему: бумаги александрийской — 4 и полуалександрийской 5 дестей, книжной — 2 и писчей 4 стопы; красок «бакану турецкого» и «бакану венецейского» (багряная.— Л. Г.) по 24 золотника, киновари 32 золотника, «яри венецейской» (ярко-зеленой.— Л. Г.) 1 фунт, «голубцу — 20, гомгегуту (желтой.— Л. Г.) — 48, пурпuru — 7, кормин роту — 10, крутику (синей.— Л. Г.) — 48, жижгелю светлова — 24 и темнова — 36, лазори берлинской — 15, гутермарин — 8 золотников»; «камору-ашкуру (камер-обскуру.— Л. Г.) коженою со стеклами с рисовальными», «дракоглуту» 12 золотников, 2 ящика чернил китайских, подзорную трубку морскую, карандашей (в дюжинах) «в кипарисе» толстых — 1 и тонких — 3; кистей (в дюжинах) тушевальных — 2 и рисовальных — 1, клея и белил по 48 золотников, по фунту сургуча и камеди, по 24 золотника квасцов, нашатыря и туши, фунт чернильных орешков. Кроме того, в реестр занесены «плитка каменная, па чем краски ростирать», и 4 ящика для упаковки квадранта, астролябии, бумаги, красок и прочих материалов³².

³² ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 307—308.

В числе срочных и важных государственных дел 28 июня Сенат рассмотрел причины задержки отправления экспедиции Шестакова. 14 июля было принято решение: послать в Адмиралтейств-коллегию указание о присылке двух геодезии учеников в помощь Гвоздеву; у геодезиста и штурмана «взять известие: оные припасы и материалы на что им имянно надобны и что чему цена»; все необходимые «прибавочные» материалы требовать от коллегии. На другой же день М. С. Гвоздев был призван в Сенат, где дал подробные объяснения о всех нужных ему дополнительно материалах. Сохранился оригинал «скаска» геодезиста. Он внес некоторые количественные поправки в свою первоначальную заявку и обосновал целевое назначение всех «припасов»: *«для сочинения ланткарт и для планов точных островов»* (курсив наш.— Л. Г.) необходимы александрийская и полуалександрийская бумага; *«для рисования черных чертежей и для записки реэстров и журналу и для постилки и оклейки карт»* — бумага книжная и писчая, а также «картузная» 7 дестей; краски *«для рисования ланткарт и островов и для разделения и означения земель»* — перечень сохранен с небольшими изменениями: «пурпуру» 3, «кормин роту» 4, «лазори берлинской» 7, «гутер марин» 4, «драгоглу» 6 золотников; уменьшено до 15 золотников количество потребного «сергуча»; чернила китайские и карандаши — *«для рисования карты»*; *«для тушевки и рисовки красками и чернилами»* — кисти; трубка подзорная — *«для присмотру на море и для дальнего виду на острова для знатных мест»*; камер-обскура — *«для лутчаго снятия прешпекту знатных мест и для неприступных»*; «плита каменная с курантиком» — *для растирания красок.*

«А по какой цене вышеозначенные материалы покупаютца, о том ему, Гвоздеву, окуратно (точно.— Л. Г.) сказать невозможно» — так заключил свои показания в Сенате геодезист, заверив их своей подписью³³. Но представление о ценах на некоторые геодезические инструменты и материалы в первой половине XVIII в. дает сенатский экстракт из требований геодезии прапорщиков Василия Сомова и Петра Лупандина, посланных в 1740 г. на русско-турецкую границу. Сле-

³³ Там же, л. 309 об.— 311.

Третья подзорная для приимоту на море ^и для
 уакого виду ^и наострела для змилед ^и лветов

наклад ^и Ашнот ^и наостров ^и Степанаши ^и Ашнот
 мо 2: для Ашнот Снятия ^и Прешпективну ^и Зно
 мод ^и лветов: для наострелов.

Пятая Дамешув ^и сиратинд ^и для ростур
 нид ^и наострел

Ашнот ^и наострелов ^и наострелов ^и в
 наострелов ^и наострелов 4:

Ашнот ^и наострелов ^и наострелов ^и наострелов
 наострелов ^и наострелов ^и наострелов ^и наострелов
 наострелов ^и наострелов ^и наострелов ^и наострелов

Показания М. С. Гвоздева 15 июля 1727 г. в Сенате о назначении требуемых для работы геодезиста материалов и инструментов. Фрагмент

ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 311

дует при этом иметь в виду, что стоимость «припасов» в разные годы несомненно менялась.

Справки Академии наук, Морской академии, Фортификационной конторы о ценах на «приторгованные» Лупандиным и Сомовым инструменты и материалы служили основанием для составления общей сметы расходов. В ней указаны следующие цены: астролябия 20–30 руб., квадрант 50 руб., 10-саженная цепь 7 руб., «трубка прешпективная зрительная разных рук» длиной 1–2 фута от 2 до 20 руб., причем Лупандин «приторговал» 3 трубки по 5 руб. каждая, 1 десть бумаги александрийской «французского сорту» 1 руб. 40 коп., 3 стопы книжной бумаги 8 руб., 1 стопа «расхожей» бумаги 1 руб. 20 коп., ящик китайских чернил 2 руб.,

дюжина карандашей тонких «в белом дереве» 1 руб., дюжина кистей 5 коп., кусок бумажного клея 5 коп., фунт «яри венецейской» 2 руб. 40 коп., 48 золотников «гамигуту» 60 коп., 1 золотник кармина 2 руб. 50 коп., 1 золотник «ультермарина» 5 руб., четверть фунта лазури берлинской 3 руб. 84 коп., полфунта «лавры или крутику» 30 коп., 100 штук перьев гусиных 60 коп., 48 золотников камеди 10 коп.³⁴

17 июля Сенат направил в Адмиралтейств-коллегию копию «скаски» Гвоздева вместе с требованием прислать двух геодезии учеников и выдать «к прежним в прибавку» инструменты и материалы. Однако 24 июля коллегия известила Сенат о том, что, по ее мнению, в экспедицию с Гвоздевым двух учеников отправлять не следует, а «подлежит назначенное дело исправлять одному геодезисту одному», придав ему «для вспоможения» отправляемых с ним служителей, «сколько человек, по делу смотря», так как геодезии учеников в академии налицо имеется «не довольное число, и ежели впредь потребуются к другим делам, то и послать будет некого». Также отрицательно коллегия отнеслась к присылке ею материалов, мотивируя свой отказ отсутствием средств на их приобретение, и, в свою очередь, рекомендовала Сенату все необходимое купить в торговых рядах. Доводы Адмиралтейств-коллегии были приняты Сенатом во внимание. 31 июля в Камер-коллегию послан сенатский указ от 28 июля, повелевающий «потребное число означенных инструментов и материалов» купить в Петербурге или в Москве и отдать геодезисту Гвоздеву «с роспискою немедленно, а сколько оных по цене куплено будет, о том репортовать»³⁵.

С этого времени в списках геодезистов первой половины XVIII в., составленных в Сенате и в Адмиралтейств-коллегии для учетных целей, почти постоянно встречается фамилия Гвоздева. Так, уже в июльском списке 1727 г. в разделе «Геодезисты обретаютца в посылках в разные места» он отмечен как отправленный «в Высокий Сенат для посылки в Сибирь ради учинения тамо на море и в протчих тамошних местах ландкарты» (68, с. 48, 50), в мартовском реестре 1732 г. неточно указал год отправления (1726 г.) Гвоздева в

³⁴ Там же, кн. 1072, л. 359—361 об.

³⁵ Там же, кн. 690, л. 312—312 об.

Сенат «для прочих посылок»; в сенатской справке 8 марта 1733 г. помета: «... да в посылке на Камчатку с Шестаковым Михайло Гвоздев», реестр коллегии 22 марта 1734 г. отмечает пребывание геодезиста в Камчатской экспедиции, о том же свидетельствует сенатский список того же года с пометами И. К. Кирилова — «Михайло Гвоздев в Камчатке с Шестаковым»; в коллежском списке 10 ноября 1735 г. — «обретается Михайло Гвоздев в Камчатке»; списки 1735 и 1736 гг. фиксируют фамилии геодезистов, взятых в Сенат для разных командировок, среди них — «в 1727-м Михайло Гвоздев»³⁶.

Сам же Гвоздев в автобиографии 1743 г. записал об отправлении его в Сибирь из Сената в 1727 г. в партию А. Ф. Шестакова и Д. И. Павлуцкого, при которой он находился на Камчатке по 1735 г.

В экспедиции на Северо-Восток Азии

В первых числах августа 1727 г. команда Шестакова тронулась в путь. В Москве были закуплены товары, инструменты и материалы. В Казани 6 сентября к экспедиции присоединился ботовых дел подмастерье Иван Спешнев.

Начиная с историков Г. Ф. Миллера и А. Сгибнева, все исследователи обычно называют А. Ф. Шестакова начальником экспедиции, назначенного Сенатом главным командиром всего северо-восточного края Сибири. Но это утверждение совершенно неверно: ни в одном из законодательных актов не обозначено подобное звание, фактически же Шестаков возглавил всю экспедицию единовластно только на этапе ее подготовки в Петербурге и Москве и в пути до Тобольска. В столице Сибири губернатор назначил капитана Сибирского драгунского полка Дмитрия Ивановича Павлуцкого возглавить поход «общее» с Шестаковым, поручив им решать все дела с «общего согласия»¹. Таким образом, с самого начала оказался подорванным разумный принцип единоначалия. Но властный и самолюбивый

³⁶ ЦГАДА, ф. 248, кн. 779, л. 58 об.; кн. 664, лл. 177, 326 об., 388, 402, 410; кн. 7716, л. 379 об.

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 32.

якутский казачий голова часто по-своему трактовал правительственные указы.

Подготовка к очередному походу на восток, а также комплектование экспедиции людьми и снаряжением в Тобольске, куда М. С. Гвоздев вместе с командой прибыл осенью 1727 г., заняла более двух месяцев. В Тобольске в распоряжение Шестакова и Павлуцкого поступил 41 человек. Расширение состава экспедиции проходило и по мере ее продвижения: в Енисейской провинции к ней присоединилось 83, в Иркутске — более 30, в Якутске — 426 человек². Из Киренского и Чечуйского острогов и Кривоулицкой слободы Шестаков отобрал 94 илимских крестьянина, полагая, что «в партии без таких набранных крестьянских детей быть невозможно, понеже они к службам заобычайны и к приуготовлению пути лыжи, нарты и лотки зделать умеют и всякого зверя промыслить могут и будут содержать новонаборных из гулящих и ис каторжных, обретающихся ныне при партии в службе»³. Я. Генс и И. Федоров дополнительно получили от Тобольской губернской канцелярии различные штурманские и шкиперские материалы, в том числе 150 аршин холста, 160 фунтов парусных нитей, 50 игл парусных⁴.

В Тобольске М. С. Гвоздев познакомился с замечательным исследователем Курильских островов и Камчатки монахом Игнатием (Иваном Петровичем) Козыревским. Сибирский губернатор «отдал» его в экспедицию «ради показания от Камчатской земли в северной стороне новой земли и островов и народов, о которых он сведом...»⁵.

Из Тобольска экспедиция 28 ноября 1727 г. направилась к Енисейску, затем, преодолев Ангарский и Лено-Ангарский кряжи, вышла на Ленско-Ангарское плато, где южнее Усть-Кута построила суда и поплыла по Лене в Якутск. Помимо морского судна «Эверс», построенного под руководством Игнатия Козыревского и доставившего из Илимского уезда в Якутск на жалованье служилым людям 280 четвертей провианта, Шестаков за свой счет соорудил небольшое судно, которое 9 мая 1728 г. направил по Алдапу, Мае и Юдоме к

² Там же, кн. 731, л. 771—772 об.

³ Там же, л. 1339; кн. 690, л. 340 об.

⁴ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 5, л. 96.

⁵ ЦГАДА, ф. 248, кн. 781, л. 707 об.—708.

Восточному морю (Тихому океану). Были сооружены также 12 больших и малых дощаников.

Серьезную озабоченность Тобольской губернской канцелярии, а затем и Сената вызвали сложившиеся с самого начала напряженные отношения между Шестаковым и Павлуцким. 26 апреля 1729 г. вице-губернатор И. Болтин подготовил для И. К. Кирилова экстракт из доношений обоих руководителей, свидетельствующих «о непорядочных их поступках»⁶. Не было единства также и среди начальствующего состава экспедиции. Ближайшее окружение Шестакова составили матросы и И. Козыревский. В пути казачий голова приблизил к себе матроса Л. Петрова, наделил его правами своего непосредственного помощника. На стороне Д. Павлуцкого находились Я. Генс и И. Спешнев. Отсутствуют какие-либо данные о позициях И. Федорова и М. Гвоздева, хотя геодезист, судя по его автобиографии 1758 г., в Тобольске был также «определен в команду драгунского полку капитана Павлуцкого при партии Анадырской» (52, с. 156).

Распри и ссоры командиров, конечно, серьезно отразились на своевременном выполнении различных заданий. По мере поступления в Тобольск сведений о продвижении экспедиции Шестакова—Павлуцкого сибирский губернатор стремился оперативно оценить сложную ситуацию с руководителями, наметить организационные меры, определить необходимые санкции. Но большинство так называемых подтверждающих указов (29 июля, 6 сентября, 16 сентября, 3 октября 1728 г.) доходило до адресатов — в Енисейск, Илимск, Иркутск, Якутск — со значительным опозданием, когда основные положения указов уже не отвечали оперативным нуждам быстро меняющейся обстановки. Недаром поэтому и Шестаков, и позднее Павлуцкий обычно принимали самостоятельные решения по конкретным вопросам, не дожидаясь одобрения или утверждения своих действий.

Семь месяцев длилось путешествие М. С. Гвоздева по земле сибирской и ее рекам. 29 июня 1728 г. флотилия прибыла в Якутск. Спустя десять лет в своих показаниях Сибирской губернской канцелярии геодезист неточно вспоминает даты: «в 728-м году отправ-

⁶ Там же, кн. 690, л. 330—345; кн. 731, л. 1335—1341.

лен из Тобольска с подптурманом Иваном Федоровым и в 729-м году прибыли в Якуцк»⁷.

Немногим более года М. С. Гвоздев находился в Якутске, центре размещения экспедиции и окончательного ее комплектования. Здесь уже через полтора месяца после прибытия были подготовлены к походам «на разные тракты» свыше 200 человек. Первым выступил из Якутска отряд из 23 человек по летним сухопутным дорогам к Удскому острогу. На 8 дощаниках поплыли до Юдомского креста и далее до Восточного моря два матроса и 159 новонаборных и якутских казаков со всеми припасами. А. Ф. Шестаков сам выехал 11 октября 1728 г. для контроля за действиями «отправленных от партии служилых людей, которые отпущены были летним временем на рекошлавных судах в Охочкой острог»⁸. 12 якутских служилых людей во главе с пятидесятником В. Шипициным отправились в Зашиверский острог, колымские зимовья, а затем в Анадырский острог. Важные гидрографические работы — изучение режима четырех главных устьев Лены и промеры глубин в дельте в суровое осеннее время (конец сентября) — провел морской отряд из 24 казаков под командованием И. Козыревского, матросов М. Турнаева и Г. Беляева⁹.

Помимо отправления из Якутска отрядов в августе—сентябре 1728 г., А. Ф. Шестаков продолжил комплектование экспедиции, основное внимание уделив при этом снабжению продовольствием, инструментами и материалами, а также обеспечению служилых людей жалованьем и снаряжением. Правда, нередко он смешивал воедино свои функции руководителя похода и казачьего головы, чем вызывал серьезные нарекания якутских властей. Представляется, что ряд исследователей все же необъективно считают пребывание Шестакова в Якутске малополезным (56, с. 9—10; 23, с. 48). В действительности благодаря энергичным и целеустремленным усилиям якутского казачьего головы формирование экспедиции в Якутске продвигалось хотя и медленно, но успешно, несмотря на бюрократи-

⁷ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 24, л. 587 и об.

⁸ ЦГАДА, ф. 248, кн. 731, л. 1303 и об., 1339 об.; кн. 690, л. 341 и об.

⁹ О работах морского отряда см.: *Гольденберг Л. А. Первопроходец Иван Козыревский в устье Лены.* — Полярная звезда, 1983, № 4, с. 119—126.

ческие препоны, равнодушие, самодурство и безнаказанность представителей местных властей. Ревниво следивший за всеми проявлениями малейшего пренебрежения к интересам экспедиции со стороны престарелого якутского воеводы И. Полуэктова и его административного аппарата А. Ф. Шестаков в то же время постоянно вмешивался в различные дела, часто выходящие за пределы его полномочий и компетенции. Одна за другой возникали конфликтные ситуации, особенно частые при комплектовании нарядов служилых людей, выплате им жалованья, рассмотрении жалоб коренного населения, удовлетворении различных требований экспедиции. При оценке затянувшихся столкновений следует иметь в виду, что Шестаков безусловно сам расширил круг собственных прав и обязанностей. В то же самое время Полуэктов не мог отделить функций Шестакова на посту якутского казачьего головы от его же деятельности в качестве руководителя большой государственной экспедиции, ошибочно считая неоспоримым в любом случае подчинение якутскому воеводе. Все это в известной мере предопределило затяжной характер подготовительного этапа экспедиции Шестакова—Павлуцкого или, как констатировал сибирский губернатор, «в делах е.и.в. чинитца великая оставка».

По данным историка А. С. Сгибнева, А. Ф. Шестаков весной 1729 г. с частью команды отправился в Охотск, а другую часть послал со своим любимцем Л. Петровым туда же водою; в Якутске несколько задержались с отправкой в Анадырский острог Д. Павлуцкий и в Охотск — Я. Генс, И. Федоров, М. Гвоздев и И. Спешнев. Сведения эти пуждаются в некоторых поправках. А. Ф. Шестаков отправился в Охотск из Якутска не весной, а 22 июня 1729 г.¹⁰ В Тобольске 13 июня 1738 г. М. С. Гвоздев показал, что по распоряжению Павлуцкого он вместе с И. Федоровым был послан из Якутска в Охотск 7 июня 1729 г. (25, с. 46). В автобиографии 1758 г. геодезист записал: «и по прибытии в Якуцк от оного капитана Павлуцкого в 729-м году отправлен был в Охоцк для описания и сочинения ланкарты» (52, с. 156). Сам Павлуцкий в дописании 26 ноября 1730 г. трижды вспоминал об отъезде из Якутска. Вначале он сетовал на отсутствие

¹⁰ ЦГАДА, ф. 248, кн. 731, л. 1297.

у него каких-либо точных сведений о всей «подарочной и товарной казне», материалах и инструментах, принятых Шестаковым. Затем капитан подчеркнул, что и в 1729 г. Шестаков «общего согласия в партии» с ним «не возымел», а отправился в Охотск «без согласия». Важно замечание командира Анадырской партии об отправлении вместе с А. Ф. Шестаковым из Якутска в Охотск штурмана, подштурмана, геодезиста и подмастерья, гренадеров, солдат и служилых людей, которое не увязывается с традиционным представлением, что Гвоздев отправился вместе с Павлуцким¹¹. И все же ордер (письменное распоряжение) Д. Павлуцкого 11 июля 1729 г. Я. Генсу, И. Федорову и И. Спешневу наиболее точно, по-видимому, называет сроки и последовательность выступления отрядов экспедиции. В Охотск А. Ф. Шестаков со служилыми людьми отправился 22 июня, а штурман и подмастерье с матросами получили предписание к 20 июля быть в готовности к походу на Восточное море для соединения с Шестаковым (69, с. 73).

3 июля Генс и Федоров составили перечень необходимых штурманских и шкиперских материалов и инструментов для одного морского судна, а 22 июля представили на съезжий двор обоснованный расчет на потребное им количество подвод. Наконец, 5 августа 1729 г. Д. И. Павлуцкий отдал распоряжение выехать «без всякого умедления» в Охотск к А. Ф. Шестакову или где он в дороге «будет обретатца»¹².

В пути, не доезжая Юдомского креста, 12 августа произошла встреча команды А. Ф. Шестакова с возвращающейся Первой Камчатской экспедицией (11, с. 84). В Беринг вспоминал в 1732 г. не только об этой встрече, но и о некоторых ее подробностях. Особенно его поразило тяжелое состояние Я. Генса, болезнь И. Спешнева, отсутствие М. С. Гвоздева («а геодезиста я там не видал, и отправлен ли в своем деле, о том я неизвестен»). Осведомлен был Беринг и о посылке Шестаковым матросов «на три части, а именно на Колыму, к устью Ленскому и на Удь реку, а живы или нет, о том я признаваю, что и (Адмиралтейств.— Л. Г.) коллегия неизвестна»¹³.

¹¹ Там же, кн. 666, л. 28—32 об.

¹² ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 10; д. 4, л. 7, 10—11, 50, 109—110; д. 5, л. 32.

¹³ ЦГАДА, ф. 248, кн. 664, л. 102 об.

27 августа Д. Павлуцкий выслал на двух дощаниках 60 казаков во главе с подпрапорщиком В. Макаровым по Лене, а затем в Анадырск и вскоре отправился вслед за ними.

Таким образом, летом 1729 г. основные отряды экспедиции Шестакова—Павлуцкого, разделившись на две крупные партии, отправились из Якутска к своим главным опорным пунктам — в Охотский и Анадырский остроги.

К осени 1729 г. Охотск стал главной базой для развертывания поисковых операций экспедиции на материке, Камчатке, в Охотском и Беринговом морях. До прибытия снаряжения из Якутска А. Ф. Шестаков надеялся использовать запасы продовольствия и материалов, заготовленные для Первой Камчатской экспедиции и оставленные в Охотске Берингом. В течение августа—октября стали прибывать и якутские «припасы». Основной заботой казачьего головы было создание в Охотском порту морской флотилии. В его распоряжение поступили суда В. Беринга — шитик «Фортуна», построенный под руководством гардемарина П. Чаплина и спущенный на воду в Охотске 8 июня 1727 г., и двухмачтовый бот «Святой архангел Гавриил», который был заложен капитан-командором В. Берингом 4 апреля 1728 г. в Нижнекамчатске, построен под его наблюдением учеником ботового дела Ф. Козловым и спущен на воду 9 июня 1728 г. В переписке обычно употреблялась форма — «Святой Гавриил», «Гавриил» и даже просторечное «Гаврила» и «Гаврил». Судно имело в длину по килю около 18,3 м, ширину 6,1 м, на высоте 5 м над уровнем моря возвышался капитанский мостик. Бот был оборудован трюмом для грузов, кубриком для команды, офицерскими каютами и камбузом. Два судна были построены в Охотске в 1729 г. — большой бот «Восточный Гавриил» и малый бот «Лев».

В морских исследованиях центральная роль отводилась головному боту «Св. Гавриил». Именно на нем предполагалось составить опись западного побережья Ламского (Охотского) моря и всех впадающих в море рек на участке Охотск—Удский острог, а также осмотреть Шантарские острова и осуществить плавание вдоль Курильской гряды до Большерецка, оттуда в Нижнекамчатск и далее до Большой земли (американского континента). «Фортуна» должна была выполнять роль основного транспортного судна, курсируя между

Охотском и Камчаткой. На «Восточном Гаврииле» Шестаков намеревался плыть до Пенжинского залива и, построив на реках Пенжина и Олютор остроги, заняться урегулированием ясачного сбора и «примирением» оседлых коряков, после чего направиться к Анадырскому острогу по сухопутному маршруту.

Большинство историков, в той или иной степени коснувшихся оценки выполнения экспедиционной программы, считают (на наш взгляд, неверно), что все планы Шестакова окончились неудачей (23, с. 48; 56, с. 17). Несмотря на тяжелейшие условия походов и плаваний, русские моряки и служилые люди с честью решили множество важных местных заданий. В ходе выполнения наказов и инструкций сухопутными и морскими отрядами экспедиции проводились значительные историко-географические обследования и описания.

Летом 1730 г. сын казачьего головы Василий Шестаков и служилый человек Андрей Шергин возглавили морской поход на «Фортуне» из Большерецка к устью р. Камчатка, первым четырем Курильским островам и составили описание посещенных мест, а 16 июня 1730 г. на боте «Св. Гавриил» отправился также из Большерецка его племянник Иван Шестаков. Возглавляемый им отряд провел осмотр устья р. Уда и Шантарских островов, заходил в устье Амура, где проводил гидрографические измерения, описал западную часть Охотского моря и сделал чертежи (23, с. 48—49). Участники плавания матрос Л. Петров и служилый человек И. Ф. Скурихин только спустя несколько лет сообщили властям в Петербурге и Иркутске ценные подробности об этом походе¹⁴.

Из Охотска осенью 1729 г. отправился вдоль западного побережья Охотского моря на «Восточном Гаврииле» и сам А. Ф. Шестаков с мореходом Н. Треской и командой из 93 человек. С трудом добравшись до Тауйского острога и узнав там о прибытии в Охотск из Якутска в начале октября матроса Л. Петрова с грузами для экспедиции, а также Гвоздева, Федорова и Спешнева, А. Ф. Шестаков вызвал геодезиста к себе в Тауйск. Он назначил Петрова квартирмейстером и 15 октября приказал ему подготовить к весне 1730 г. судовое снаряжение, построить в устье Урака суда и

---

¹⁴ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 24, л. 485—487 об., 596—598; ЦГАДА, ф. 248, кп. 1102, л. 1435—1438.

лодки (островки)¹⁵. Однако Петров, не дожидаясь ордера, направился в Тауйский острог, но с Шестаковым уже там не встретился. Позже всех (25 октября 1729 г.) в Охотске появился Я. Геис. Из-за болезни он вынужден был «учинить немалую остановку» у Юдомского креста, где оставил часть груза¹⁶.

Казачий голова возглавил сухопутный поход по Корякской земле, выйдя из Тауйского острога 17 ноября 1729 г. В его партии находилось 107 человек, в том числе 17 служилых людей, «для письма» казак Осип Хмылев, 30 оленных ламутов, 30 охотских пеших тунгусов, 10 якутов и 19 коряков. Вслед за «Восточным Гавриилом» в море вышел бот «Лев» под командой пятидесятника Ивана Лебедева. Разминувшись с головным судном и не застав А. Ф. Шестакова в Тауйске, Иван Лебедев в остроге принял на бот авангардную группу сухопутной партии Шестакова во главе с урядником Иваном Остафьевым, которому предписывалось: «записывать в книги по статьям имянно — какие имеютца реки и сколько велики, от реки до реки коликое число расстоянием, и в которых местах бывает какое довольствие рыбных и других кормов, и какие звери в промыслу бывают», а также «смотреть всяких вещей, в раковинах жемчюгу, руды, камня, краски и кости мамонтовой и рыбей, и где что сыщется, ради опробацыи при репортах в партию присылать»¹⁷.

Отряд А. Ф. Шестакова, соединившийся с передовой группой И. Остафьева, около шести педель жил вблизи устья р. Гижига, дожидаясь прибытия казаков из Анадырского острога. Не получив подкрепления, он отправился в путь, 9 марта 1730 г. перебрался через р. Парень и достиг р. Вахла. Отряд остановился и «стоял на стану» до 13 марта. Между реками Парень и Пенжина на р. Эгаче (Егаче) 14 марта 1730 г. Шестаков погиб.

Оценивая замыслы, планы и усилия Шестакова с самого начала организации экспедиции, нельзя не вспомнить справедливые, но забытые ныне слова В. Берха о действиях казачьего головы, которые «открывают, что он был действительно умный и предприимчивый человек и мог бы быть весьма полезен для

¹⁵ Там же, д. 4, л. 30—30 об.

¹⁶ Там же, л. 8—9; д. 5, л. 32, № 526; д. 24, л. 600.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 32 об.—33, 39 об.

того отдаленного края. Г. Миллер называет его шарлатаном и безграмотным, но ... предприятия неученого были умнее распоряжений многих и весьма грамотных людей» (12, с. 7).

Из лагеря в районе р. Тылка 11 марта Шестаков послал в Тауйск свое последнее распоряжение по экспедиционным делам. В нем подтверждалась необходимость идти партии на Камчатку, к р. Большая, затем к Анадырскому устью и к Большой земле. Особо подчеркивалось, что, «ежели прибудет Гвоздев, взять его на судно и всякое к нему чинить благодеяние» (56, с. 15). Академик Г. Ф. Миллер в кратких комментариях к ордеру Шестакова 11 марта 1730 г. с сожалением констатировал отсутствие каких-либо известий об исполнении указаний казачьего головы. Но в отношении Гвоздева он заметил, допустив хронологический сдвиг событий, что геодезист якобы уже в 1730 г. был неподалеку от Чукотской земли между 65 и 66° с. ш. «на берегу чужестранной земли, которая находится напротив жилищ чукотских... нашел там и людей, но за неимением толмача говорить с ними не мог» (43, с. 404). Эта первая публикация о морском походе 1732 г. с упоминанием фамилии Гвоздева появилась в печати почти одновременно с завершением служебной карьеры геодезиста. Неточности, допущенные историографом при описании событий 25-летней давности, объяснимы лишь тем, что академику Г. Ф. Миллеру, как и всей Академии наук, не были достоверно известны материалы Сената и Адмиралтейств-коллегии по экспедиции Шестакова—Павлуцкого. И в русских, и особенно в зарубежных изданиях второй половины XVIII в. эта хронологическая ошибка часто повторялась.

Перед выступлением в поход по Корякской земле А. Ф. Шестаков оставил в Тауйском остроге наряд служилых людей «на заячьи промыслы и строения шерхбота и починки судна», которые находились под командой казака Трифона Крупышева и гренадера С. Селиванова. Прибывший в Тауйск матрос Л. Петров также пытался командовать. Таким образом, в зимний период 1729/1730 гг., в тауйском отряде воцарились многовластие (приказчик Тарабыкин, Петров, Крупышев, Селиванов) и вместе с тем безначалие. Гибель А. Ф. Шестакова, известие о которой было получено в апреле 1730 г., осложнило обстановку. Петров,

самочинно объявивший себя главным командиром, боясь ответственности за своеволие и другие злоупотребления, пытался бежать к корякам, а затем стал вместе с Крупышевым уговаривать казаков уйти на Камчатку. Геодезист Гвоздев, проявив в этой ситуации мужество и благоразумие, «восстал против них, увещевал казаков жить в согласии и идти в Охотск, но мятежники прогнали Гвоздева с совещания» (56, с. 22).

Доношение из Тауйска с подробностями о походе Шестакова и его смерти было отправлено в Охотск для Якутской губернской канцелярии. Оно поступило в Якутск одновременно с рапортом 24 мая 1730 г. Я. Генса и И. Федорова, который привез И. Спешнев. Печальные вести и отсутствие какой-либо связи с Павлуцким побудили штурмана и подштурмана обратиться с просьбой о назначении нового главы всей экспедиции. В рапорте они подчеркивали: «Ныне в партии без главного командира, во многих командирах правления нет, но только помешательство и остановка в делах, а во многих статьях прят. Всяк желает себе большину, и не было б между ними какого непорядочного обстояния»¹⁸. Генс с помощником настоятельно просили отдать в их ведение всех матросов «по-прежнему», прислать из Якутска командира, чтобы все были «под одной командой», а также отстранить от руководства всех не по праву назначенных, в первую очередь Ивана Шестакова, с тем, чтобы он, «отмещая злобу дяди свою, и протчие командиры чего над нами не учинили»¹⁹.

Однако как только весть о смерти А. Ф. Шестакова настигла медленно продвигавшегося по Анадырскому тракту Д. И. Павлуцкого, он тотчас же приказал сосредоточить главные силы экспедиции в Анадырске. Генсу, Федорову, Гвоздеву и Спешневу с командой предписывалось немедленно плыть к устью Анадыря. Распоряжения Павлуцкого внесли определенную ясность, и последующие действия командного состава экспедиции отличает ббльшая целеустремленность.

Штурман Генс в Охотске, узнав о гибели Шестакова, сразу же послал в Тауйский острог к приказчику Андрею Тарабыкину и геодезисту М. Гвоздеву ордер, «чтоб на Восточном судне («Восточный Гавриил». —

¹⁸ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 31, 103—104.

¹⁹ Там же.

Л. Г.) быть в Охоцком и со служилыми людьми, понеже на Ламе другого судна не имеа, чтоб итти на Камчатку»²⁰. О том же писал охотский приказчик Стыжнев Тарабыкину и Петрову. Он сообщил, что «Восточный Гавриил» должен направиться не на Камчатку, а сначала в Охотск для перевозки на полуостров казенного имущества, снаряжения и направленного из Якутска с П. Шестаковым продовольствия; командиром этого маршрута назначался М. Гвоздев при мореходе Н. Треске. В Тауйске же на судне 27 июня в присутствии М. Гвоздева и Н. Трески перед собравшимися казаками Л. Петров зачитал старый ордер Шестакова о следовании на Камчатку. Михаил Гвоздев, который приобрел несомненный авторитет у служилых людей и с чьим мнением считались, сумел убедить всех в необходимости похода в Охотск и доказал невозможность морского плавания на Камчатку и далее к Большой земле без штурмана, подштурмана и судового подмастерья, ожидавших тауйскую команду в Охотске. Наконец, 1 июля «Восточный Гавриил» вышел из Тауйской губы и 6 июля вошел в устье р. Охота. Позднее в подробном рапорте Павлуцкому Генс донес, что геодезист Гвоздев прибыл из Тауйска в июле на «Восточном Гаврииле», командиром которого оказался Петров. «И я,— продолжал штурман,— вшед к нему на судно, данное мне от вашего почтенства в Якуцку ордер вслух ему, матрозу Петрову, и служилым прочитал и спросил его, матроза Петрова, хочет он по оному ордеру мне быть послушен. И он, Петров, мне отказал и со служилыми людьми, что де я этово ордера не слушаю, а есть де у меня ордер от головы Шестакова. И для того в Охоцку долгое время стояли, ожидали позволительного указа»²¹.

3 сентября 1730 г. Я. Генс принял по списку у шестаковских командиров Л. Петрова и С. Селиванова под свое командование всех «оставших» от А. Ф. Ше-

²⁰ Там же, д. 5, л. 33.

²¹ Описывая «неурядицу», А. Сгибнев отметил, что экспедиция жила на Охотской кошке (коса на взморье), не занимаясь делами. Сдружившиеся Спешнев, Селиванов и Гвоздев, не слушая увещаний охотского приказчика, запугали его, разбив охотскую таможду. Старший по должности штурман Я. Генс занялся курением вина и сбытом его эвенкам, удалившись с этой целью от взморья за 30 верст. Он возвратился лишь в начале сентября с прибытием с Камчатки «Св. Гавриила». — Там же, л. 33 и об.

стакова служилых людей. 5 сентября Л. Петров доложил о проверке наличия всех «приемных припасов». Прибывший в тот же день из Большерецка И. Шестаков начал передачу корабля «Св. Гавриил». Прием судна продолжался около недели. В рапорте Генса Павлуцкому о деятельности в 1730 г. сохранились и другие любопытные сведения²². Среди них, например, тщательное описание и характеристика судна «Св. Гавриил», жалобы на Гвоздева, Спешнева и других лиц, с которыми у него установились неприязненные отношения.

Так, 4 сентября Генс отметил, что геодезист и подмастерье без него «учинили служилым людям смотр и, отменяя свои прежние реванжи, служилых людей безвинно под караул садили», а он, «видя такие их на служилых людей напатки, от команды им отказал», чтобы «не могло б произойти что злое», 11 сентября при приеме судна Гвоздев и Спешнев ему «говорили: дай де нам на боту место, а ежели не дашь, мы де поедем в город» (Охотск.—Л. Г.)²³. Спешнев и Гвоздев свою деятельность в Охотске основывали на инструкциях, полученных от А. Ф. Шестакова, и неоднократно игнорировали распоряжения штурмана. Особое недовольство последнего вызвал отказ геодезиста и подмастерья выделить подчиненных им служилых людей на работу по ремонту «Восточного Гавриила». По этому поводу в рапорте-дневнике, который превратился в своего рода кондуит, появились новые записи: «...геодезист Гвоздев отказал и на работу не отдал, а говорил, мне надобны свои инструменты чистить, а при Охоцку жил лето, а инструментов не изготовил, а как приспело время к надлежащей работе, тогда он чинит тракту продолжение. А подмастерье Спешнев також людей на работу и на караул не дал и поныне. Означенные служилые никакой работы не робят и караулов не стоят, а чрез их, Спешнева и Гвоздева, науки чинят многие непорядки»²⁴.

К 18 сентября «Св. Гавриил» под командой штурмана Генса и «Восточный Гавриил» во главе с подштурманом Федоровым приготовились к отплытию. В этот день штурманский дневник заполнялся дважды.

²² Там же, л. 34—44, 137—140 об.

²³ Там же, л. 43—44.

²⁴ Там же, л. 39.

Вначале — о том, как казак Иван Зуев, получивший сполна жалованье за 1730 г., не хотел «в партии служить», «учинил при отвале немалое возмущение, чтоб всю партию остановить», объявил на Генса и Федорова «слово и дело». По объяснению Генса, Зуев и ранее неоднократно собирал служилых людей, отвергал право штурмана на командование кораблем, считая, что «команду иметь» должны «обще» штурман, подмастерье и геодезист²⁵. Вторая запись вновь касалась Спешнева и Гвоздева, которые на борту «Гавриила» бранили штурмана, «бесчестили и мало не прибили»²⁶.

После того как под конвоем в оковах И. Зуева отправили в Якутскую канцелярию, 19 сентября оба судна вышли в море. В тот же день Спешнев и Гвоздев объявили Генсу, что ему не следовало бы командовать ботом. А «на них глядя, — жаловался штурман, — и служилые люди Илья Скурихин и Василий Яцкой спрашивали ордера, за что ево, Скурихина, наказывали кошками, а Яцкова Спешнев и Гвоздев наказывать не дали». И на следующий день появилась очередная меланхолическая запись: «Будучи в морском тракте означенной Спешнев и Гвоздев называли меня, штурмана, вором и бранили всякою неподобною бранию»²⁷.

Об охотском периоде весьма лаконичны сведения, сообщаемые М. С. Гвоздевым. О себе он заметил в автобиографии 1758 г., что в «1730-м году по ево ж, капитана Павлуцкого, присланному ордеру находился я при морской команде со штурманом Генсом». В Тобольске в 1738 г. геодезист показал: «...и были к Охоцке по 1730 год. В 1730 году по ордеру Павлуцкого ходили на Камчатку через Ламское море на боте «Гавриил» при штурмане Якове Генсе в Большерецкой острог...».

Тем временем Анадырская партия экспедиции Шестакова—Павлуцкого, вышедшая из Якутска в «анадырский тракт», прошла по суровым и «пустым» местам. Преодолев хребты Верхоянский и Тай-Хаяхта, Алазейские горы и Халерчинскую тундру, реки Лену, Алдан, Яну, Индигирку, Алазею и многие малые реки и речки, Д. И. Павлуцкий с командой в апреле 1730 г. достиг Нижнеколымского острога. Здесь 25 апреля он

²⁵ Там же, д. 4, л. 118 и об.

²⁶ Там же, л. 181—182.

²⁷ Там же, д. 5, л. 44 об.

получил весть о смерти Шестакова. Это были не «частные слухи», как думал А. Сгибнев, а официальное и достоверное сообщение из Анадырского острога от начальника авангардного отряда Анадырской партии подпрапорщика В. Макарова. Не ожидая каких-либо указаний, Д. И. Павлуцкий принял на себя все полномочия и таким образом стал единоличным и полномочным руководителем экспедиции. Уже 26 апреля с курьером он послал в Якутск к Петру Шестакову распоряжение принять в воеводской канцелярии депежную казну, на Анаторской переправе — провиант, ехать в Охотск и, собрав в остроге всех оставшихся от А. Ф. Шестакова служилых людей, мастеров и солдат, «артиллерные всякие припасы», следовать в Анадырский острог «без всякого замедления» (61, с. 132). Второй ордер 26 апреля был адресован начальствующему составу адмиралтейской группы экспедиции. Генсу, Федорову, Гвоздеву и Спешневу предписывалось со служилыми людьми на любом судне добраться до Камчатки и оттуда — в Анадырский острог «в самой скорости». Капитан разрешил Генсу «иметь команду» над матросами и обещал из Анадырска выслать на Камчатку свои подробные инструкции (69, с. 73—74).

В отличие от А. Ф. Шестакова, пытавшегося одновременно решать множество задач (поиски Большой земли к северу от устья Колымы, «разведывание» морских островов к югу от «Курильской земли» и т. п.), Павлуцкий совершенно точно определил основные цели возглавляемой им Анадырской партии, преемственно сохранившей ряд функций бывшей экспедиции Шестакова—Павлуцкого. Он сразу же попытался ускорить концентрацию участников экспедиции в районе Анадырского острога и в устье р. Анадырь «ради проведения морских островов и Большой земли». При этом, вне сомнения, глава партии и ее морская группа на этом этапе отбросили прежние географические представления о Большой земле против устья Колымы (карта Шестакова 1724 г.) и руководствовались теми картографическими произведениями, согласно которым Большая земля размещалась на востоке от Чукотского полуострова, а также свежими сведениями, полученными от Первой Камчатской экспедиции В. Беринга и в Анадырском остроге (30, с. 142—152), куда они прибыли 3 сентября 1730 г.

Несмотря на распоряжение 26 апреля 1730 г. о прибытии в Анадырский острог всех, кто отправлялся с казачьим головой в «охоцкой тракт», — штурмана, подштурмана, геодезиста, подмастерья, гренадеров, солдат и служилых людей, спустя семь месяцев, судя по докладу Павлуцкого в Тобольск, «никого в приезде не имеетца»²⁸. 9 октября капитан послал на Камчатку новое распоряжение, категорически предписывая на этот раз Ивану Шестакову немедленно, взяв на морское судно Генса, Федорова, Гвоздева, Спешнева, матросов, солдат и служилых людей, прибыть к устью Анадыря²⁹.

Первая экспедиция (15 марта — 21 октября 1731 г.) Д. Павлуцкого внесла значительную лепту в изучение труднодоступного и отдаленного Чукотского полуострова, в особенности его гидрографии и географии (14, с. 117—118; 10, с. 175—176; 34, с. 158—160).

Представления русских людей 30-х годов XVIII в. о северо-востоке Сибири в целом и в особенности о Чукотке отражены в замечательных документах, которые составил исследователь региона Яков Иванович Линденау (3, с. 286—310; 62, с. 316—317; 21, с. 244—247). Эти материалы — описание (79, с. 238—244; 4, с. 156—157) и чертеж (15, с. 52—54; 47, с. 129) поступили в Сенат 15 января 1743 г. из Иркутска. В доношении 15 сентября 1742 г. иркутский вице-губернатор Лоренц Ланг сообщил в Петербург о посылке полученного им 2 августа 1742 г. от охотского командира Анто́на Девиера чертежа с описанием региона³⁰. Работу Я. И. Линденау по картографированию Чукотки продолжил талантливый самородок Тимофей Перевалов.

После Чукотского похода 1731 г. Д. И. Павлуцкий в марте 1732 г. возглавил экспедицию на р. Гижига к Паренскому корякскому острогу. В 1734—1739 гг. находился на Камчатке, а в 1740—1742 гг. служил якутским воеводой. В 1744—1747 гг. он организовал несколько походов, которые принесли новые и существенные географические данные о северо-востоке Сибири и прилегающих районах.

---

²⁸ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 22.

²⁹ Там же.

³⁰ ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, кн. 1552, л. 1; кн. 1558, л. 151.

Суда экспедиции Д. И. Павлуцкого достигли берегов Камчатки 30 сентября 1730 г. В составе экипажа судна «Св. Гавриил» М. С. Гвоздев высадился в устье р. Большая. В Большерецком остроге, как показал он в 1738 г., «с ними, штурманом и подштурманом, по 731 год по июль месяц дожидались от него ж, капитана Павлуцкого, ордеру, куды им велено будет итти». Оттуда, «получа ордеры, ходили на том же боту морем до Камчацкого устья». «Восточный Гавриил» приблизился к устью р. Кыкчиг, но бурей корабль отнесло в море, нанеся при этом ему неисправимые повреждения. 4 октября разбитый бот был выброшен на берег в 30 верстах севернее устья р. Большая вблизи устья р. Утка. Тревожные доношения растерявшегося Федорова следуют одно за другим: «Кормов нет, служилые просят в острог», «много медведей к судну и припасам приходят», «не знаю, как и попасть к вам в острог» и т. п. В сложной ситуации Федоров не смог справиться с подчиненными. 19 октября он сообщил Генсу о бегстве двух человек, которые «ушли самовольно», а остальные служилые люди «в работе ослупны»³¹.

В Большерецком остроге морская партия экспедиции Павлуцкого осталась зимовать «до летнего пути». Самыми жизненно важными проблемами зимой 1730/1731 г. для нее оказались вопросы снабжения продовольствием и подготовка к морскому походу для соединения с Анадырской партией³². Гвоздев и Федоров возглавили организацию рыбной ловли и охоты. «Для промыслу зверей» часть отряда получила дополнительно порох и свинец. В заготовке «рыбного корма» приняла участие почти вся команда, так как, помимо лова, необходимо было изготовить рыболовные снасти, добыть (выварить) соль, подготовить улов к разделке в зависимости от последующих видов обработки — сушения, соления, копчения, вяления.

Жизнь партии в остроге постепенно налаживалась, Гвоздев и Спешнев получили квартиру в доме большерецкого приказчика И. Герасимова. Под наблюдением И. Спешнева на боте «Св. Гавриил» начались ремонтные работы, а сам подмастерье провел несколько

³¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 38 и об., 155—156; д. 4, л. 72 и об.

³² Там же, д. 3, л. 81—82, 131; д. 4, № 237; д. 5, л. 65, 70—71, 86—88, 149, 173.

рекогносцировочных походов в поисках «угодных лесов». В сложных условиях Я. Генс пытался единолично решать все вопросы и, считая себя полным преемником казачьего головы, затребовал у Петрова «семь пакетов за печатью», адресованных А. Ф. Шестакову³³. Среди начальствующего состава партии не было единства. Недаром Спешнев от себя и от имени геодезиста говорил Генсу: «Коли б ты, штурман, с нами жил в совете, тот Бельшерецкий острог не так стоял, как ныне»³⁴. Весьма серьезно заболел подштурман И. Федоров. С 12 марта 1731 г., докладывая он, «заскорбел тяжко ногою правою, что не токмо ходить, но и с места сам собою встать не могу»³⁵.

Благодаря находке своеобразного дневника штурмана за 1730 г. в виде рапорта Павлуцкому из 89 пунктов, в котором скрупулезно отмечались все даже самые незначительные события, сохранилось множество ранее неизвестных подробностей. В рапорте день за днем фиксировались различные факты поведения Гвоздева и Спешнева, рисуемого самыми мрачными красками. Он просил у Павлуцкого «обороны» от двух друзей, в заключение самым отрицательным образом характеризую каждого: «А подмастерье Спешнев живет праздно, а в строении бота никакого старания не предлагает, а геодезист Гвоздев, как из Якуцка до Ламы, так из Ламы до Большерецкого устья по указу ни верстам присмотрения, ни ландкарту не сочинял и доньше ничего не учинил»³⁶. Как мы увидим далее, обвинения не были верными: в самых сложных критических ситуациях и Гвоздев и Спешнев, пренебрегая опасностью, находились в самой гуще событий, вели себя мужественно и достойно, в то время как сам Генс под разными предлогами уклонялся от выполнения трудных и связанных с известным риском заданий.

Перед Новым годом 28 декабря 1730 г. солдат Клим Полежаев привез из Анадырска в партию октябрьский ордер Д. И. Павлуцкого. Не имея длительное время известий о судьбе камчатской партии, руководитель экспедиции сурово предупреждал своих подчиненных о важности их своевременного прибытия к устью

³³ ЦГАДА, ф. 1002, д. 1, л. 6.

³⁴ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 5, л. 47 об.

³⁵ Там же, д. 3, л. 89.

³⁶ Там же, д. 5, л. 51 об.

р. Анадырь для последующего «проведывания морских островов»³⁷.

Долгожданный ордер ускорил подготовку к выступлению партии из Большерецкого острога. В начале 1731 г. в камчатских острогах всего было 112 участников экспедиции Павлуцкого. Кроме того, 26 человек (команда В. Шестакова) находились на «Фортуне», которая, по мнению Генса, «в анадырский тракт не надежна для казны и людей, ибо оное судно шито прутьем». Тем не менее в апреле из Большерецка для починки выброшенного на мель вблизи устья р. Камчатка судна «Фортуна» был отправлен мореход Н. Треска³⁸. В отношении «Св. Гавриила» штурман полагал, что бот для анадырского похода вполне пригоден, только со всем снаряжением и людьми «поднята некоторыми мерами невозможно, ежели не построить другой бот». Но новое морское судно в Большерецке соорудить не удалось. Сообщая о том, что по распоряжению Павлуцкого «на Камчатке ботового строения не будет», Генс предложил уехавшему в Нижнекамчатск Спешневу передать свою команду (15 человек) Ф. Паранчину, посланному для приготовления смолы и заготовки «рыбных кормовых запасов»³⁹. Между тем положение с продовольствием в остроге и заготовкой его для морского похода оставалось чрезвычайно напряженным. Так, еще в январе Генс не получил для служилых людей сухой рыбы — юколы. «А ныне,— продолжал штурман,— провианту имеется не весьма довольно, которой надлежит быть содержан в морской тракт, а рыбных кормов в партии не имеется»⁴⁰. В конце концов из неприкосновенных запасов, принятых в 1730 г. у И. Шестакова и хранившихся в гавани на боте, Л. Сметанин привез для раздачи соль, крупу и муку. 10 марта «на дачу в кормовое жалованье» было выдано 78 пудов 30 фунтов ржаной муки. Отчитываясь о расходе продовольствия, Сметанин доложил, что к 22 марта в остатке муки всего 2 пуда 26 фунтов, а на апрель «у меня муки не имеетца»⁴¹.

---

³⁷ Там же, д. 3, л. 64.

³⁸ Там же, д. 4, л. 19; д. 5, л. 58 и об., 114 и об., 188.

³⁹ Там же, д. 5, л. 51 и об., 91.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, л. 57 и об., 112, 183; д. 4, л. 71.

Свое очередное требование к большерецкому приказчику о предоставлении ботов, работников и сетей Генс торжественно заключает: «Уже приспело вешнее время и посланная партия приуготовляетца в надлежащий тракт»⁴². Однако, несмотря на все усилия, к июню удалось засолить всего лишь одну бочку рыбы. К Ф. Паранчину и Л. Полякову 12 июня высылаются распоряжения, предписывающие срочно расширить районы поисков рыбы и организовать с этой целью походы служилых людей к Верхнему Камчатскому острогу и в устье р. Камчатка⁴³. С середины мая в гавани проводились под руководством Л. Сметанина и Л. Петрова ремонтные работы. «Св. Гавриил», как сообщили матросы, 8 июня был приведен в полную готовность⁴⁴.

23 июня 1731 г. «Св. Гавриил» вышел из Большерецкого устья, обогнул мыс Лопатка и 9 июля достиг устья р. Камчатка. Намечалось, пополнив запасы провизии, не задерживаться и плыть к Анадырскому устью, откуда часть команды должна была отправиться в острог, а остальные идти к Большой земле. Уже через три дня нижнекамчатский приказчик И. Криков получил из экспедиции требование срочно предоставить для плавания 2000 штук юколы, 1000 — соленой красной рыбы, или кеты, и пятерых толмачей. Однако ответ был малоутешителен: в государственной казне «никаких рыбных припасов и кормов не имеется», а, по сообщениям местных жителей, из моря в устье и по р. Камчатка и другим речкам в 1731 г. рыбы был «недоход», так что служилые люди и местные жители питаются «с великою нуждою малинкою рыбкою», в партию послать нечего. Криков обещал передать лишь оставшуюся в остроге от экспедиции Беринга ржаную муку (69, с. 75—76).

В автобиографических показаниях 1738 г. М. С. Гвоздев вспоминал, как они «ходили на боте „Гавриил“ морем до Камчатского устья и были в том устье 11 дней». К 20 июля предполагалось завершить все приготовления к походу. Участники похода в те дни «промышляли кормовые рыбные припасы, чем бы нам пропитатца на море до показанного тракту» и за-

⁴² Там же, д. 5, л. 88.

⁴³ Там же, л. 68 и об.

⁴⁴ Там же, л. 190.

нимались «починкою шверцов» на боте (34, с. 57). Ремонтные работы проводились под руководством И. Спешнева⁴⁵.

Как и было намечено, 20 июля 1731 г. вся партия погрузилась на судно и «Св. Гавриил» вышел в море. Однако вблизи самого устья р. Камчатка бот встал на якорь из-за внезапно поднявшегося встречного ветра. Поход пришлось отложить. Время было упущено, морской отряд экспедиции остался на Камчатке.

20 июля развернулось народное движение ительменов под предводительством еловского тойона Федора Харчина. Оно довольно подробно описано в литературе (36, с. 487—500, 761—767; 34, с. 47—81; 17, с. 45), ряд дополнительных сведений приводится в неизвестном ранее «письменном сообщении» 18 октября 1731 г. И. Спешнева и М. С. Гвоздева⁴⁶. Следует отметить, что прогрессивное в целом вхождение народностей Северо-Востока в состав русского многонационального государства и присоединение Восточной Сибири к России не всегда проходило безболезненно. На его далеких окраинах — на охотском побережье Тихого океана и Камчатке — налоговый гнет, произвол и безнаказанность сибирской администрации, грубые методы эксплуатации принимали подчас жестокие формы. Новые государственные подданные — «ясашные иноземцы» — оказались в русле правительственной колонизации, которая сопровождалась рядом негативных явлений, таких, как неумеренное требование ясака, произвол и жестокость ясачных сборщиков, злоупотребления царских чиновников и казачьей верхушки, поборы служилых людей, гужевая повинность (подводы, лодки, собаки, олени, нарты, сани), привлечение коренного населения к участию в военных походах служилых людей и казаков, обман при обменных и торговых операциях. Тяжелое ясачное бремя при общей неупорядоченности ясачного обложения вызывало сопротивление коренных жителей. Протесты их выражались в подаче челобитных с жалобами на разорение, притеснения и незаконные поборы, в бегстве от уплаты ясака, откочевке, миграции в труднодоступные районы.

До конца июля команда бота жила в остроге, а затем вернулась к морю, к месту стоянки судна. На ост-

---

⁴⁵ Там же, л. 90.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 298—303.

рове в устье р. Камчатка были построены часовня и хозяйственные сооружения. От пристани в 1731—1732 г. регулярно проводились рекогносцировочные обследования речной системы Камчатки (реки Тигиль, Озерная, Харюзева, Ука, Авача и др.) до Пенжинского моря. Осенне-зимний период 1731/1732 г. для экспедиции оказался весьма тяжелым и голодным из-за плохого в тот год по всей Камчатке улова рыбы — основного продукта питания.

В октябре 1731 г. экспедицию настиг рудознатец пробирный мастер голландец Симон Гардеболь, заключивший с Берг-коллегией длительный контракт⁴⁷.

Во главе морского похода 1732 г. к Большой земле

Наступила весна 1732 г. Перед весенним походом из Анадырска к р. Гижига Д. И. Павлуцкий 11 февраля направил начальствующему составу партии на Камчатке новые распоряжения, определившие программу и дальнейшее направление работ экспедиции. Ссылаясь на этот ордер капитана, М. С. Гвоздев писал, что «велено нам обще со штурманом и подштурманом итти на боте „Гавриле“ кругом Камчатцкого носу к Анадырскому устью и против Анадырского носу, которая называется Большая земля, проведать острова, коликое число оных, и на тех островах люди какие имеютца ль осмотреть» (53, с. 90).

20 июля 1731 г., за несколько часов до намеченного отплытия «Св. Гавриила» к устью Анадыря, И. Федоров сообщил Я. Генсу о том, что в течение четырех месяцев он совершенно перестал владеть правой ногой, а «в морском тракте в такой скорби от морского воздуху весьма трудно, и действовать ничего не могу». Подштурман просил не отправлять его в анадырский поход, оставить в Нижнекамчатске, уведомив ясачную избу острога о необходимости предоставить ему квартиру, а «мою скорбь обще освидетельствовать» И. Спешневу, М. Гвоздеву и мореходам. Последующие письма И. Федорова (8 и 11 августа, 29 сентября, 2 и 14 октября) наполнены изложением мнимых и дей-

⁴⁷ Там же, кн. 180, л. 72—75 об., 204—207; кн. 664, л. 88—89; кн. 690, л. 313—328; кн. 773, л. 150—151.

ствительных обид, просьбами о помощи¹. Наступали холода, и подштурман оказался в чрезвычайно бедственном положении. Все квартиры в остроге оказались занятыми. Покинутый всеми, одинокий, без продовольствия и каких-либо запасов на зиму, он жил в каюте на судне, по-прежнему не владея правой ногой. Чувство жалости вызывают его трагические и повторяющиеся обращения к Генсу: «Ныне ты меня моришь напрасно студеным зимним временем и голодом на боту „Гавриле“, отчего я весьма стражду, трудно в тяжелой своей болезни без теплого покою и без корму на боту „Гавриле“»².

Орденом 11 февраля 1732 г. Павлуцкий отстранил Я. Генса от руководства партией, указав, что «ты ж, штурман, живучи на Камчатке, вступаешь не в свои дела, что тебе и делать не подлежало... а врученного тебе дела ничего ты не исполняешь и жил в камчедальских острогах праздно, токмо исполнял свои бездельные прихоти, а к пользе посланной партии ничего не учинил». Он приказал Генсу передать в команду геодезиста Гвоздева всех служилых людей, солдат и весь наличный запас провианта, штурману и подштурману иметь под своим началом только матросов и «в другие дела не вступать, понеже известно нам, что ты ныне весьма слеп и ногами болен и врученное тебе дело отправлять невозможно». Капитанский ордер предписывал также штурману и подштурману в случае выздоровления с матросами и «обще» с геодезистом Гвоздевым на боте «Гавриле» идти в море или до выздоровления оставаться в Нижнекамчатском остроге³. Такой же ордер от 11 февраля М. С. Гвоздев получил 1 мая и в тот же день известил Генса о том, что ему «повелено... салдат и служилых людей и коликое число налицо ружья, пороху, свинцу и харчевых всяких припасов и провианту принять, иметь над солдаты и служилыми людьми крепкое смотрение»; а «тебе, штурману, и подштурману велеть ведать над одними матрозы, а в прочем никакой вам воли не давать». Среди дополнительных указаний Павлуцкого М. С. Гвоздев выделяет распоряжение взять на бот мореходов, кото-

¹ ЦГАВМФ СССР, д. 3, л. 54, 89; д. 5, л. 150 и об., 167.

² Там же, д. 3, л. 57 об.

³ Там же, д. 3, л. 91—91 об. В литературе встречается неверное датирование (11 января) ордера Павлуцкого (30, с. 159; 27, с. 222; 6, с. 260).

рые были на море с Берингом, а также матросов, если Генс и Федоров будут оставлены в Нижнекамчатске. Кроме того, Гвоздев указал штурману на необходимость передачи комиссарам собранного партией ясака.

Назначенный главой морского похода к Большой земле М. С. Гвоздев потребовал у Генса в «неукошительном времени» прислать в его распоряжение всех служилых людей, мореходов, солдат и матросов, а также передать провиант, припасы, масло, бот «Св. Гавриил», оружие, порох и свинец⁴. В рапорте Павлуцкому Генс доложил о передаче им 3 мая 1732 г. судна, всех «припасов», солдат и служилых людей в команду Гвоздеву, жалуясь при этом, что геодезист «взял у него и матросов», которых ему «брать не подлежало», и «ныне у нас в команде не имеетца не единого человека»⁵.

Сохранилась записка Генса геодезисту о полной передаче бота, людей, вооружения, продовольствия, а также всей казны. «А как де мы за болезнями оставлены будем в Нижнем,— писал штурман,— то взять у меня на бот „Гаврилу“ матросов». По листам этого своеобразного приемосдаточного акта помещена скрепа: «Принел геодезист Гвоздев»⁶. Этот документ доносит до нас подробное описание бота «Св. Гавриил», сообщает основные параметры судна, состояние такелажа, припасов, материалов и другого имущества, переданного М. С. Гвоздеву. По строевому расчету на 1 июня 1732 г. команда Гвоздева насчитывала 145 человек, в том числе 125 служилых людей, 4 морехода, 7 матросов, 4 гренадера, 5 солдат.

Значительный интерес представляют найденные нами 11 ордеров-распоряжений по хозяйственным делам с автографами Гвоздева, отданные для исполнения ведавшему хозяйством Л. Петрову⁷.

Уже на другой день после назначения — 2 мая — М. С. Гвоздев отдал свое первое распоряжение. Матрос Л. Петров получил задание выдать И. Спешневу две дести писчей бумаги для записей «продажи подарочной казны». Ордерами 5 мая и 2 июня предписывалось провести инвентаризацию казенного имущества

⁴ Там же, д. 5, л. 126—127.

⁵ Там же, д. 4, л. 4 и об.

⁶ Там же, д. 3, л. 188—195.

⁷ ЦГАДА, ф. 1002, д. 1, л. 5, 8, 9, 12—16, 18—20.

и материалов. 31 мая Гвоздев распорядился выдать А. Шергину «для обережи у збору ясака» 7 фунтов пороха, 26 апреля — И. Шангину 2 пуда железа. 13 июня — передать И. Спешневу «к ботовому строению» железо и инструменты, 6 июля — выдать ему же на всех служилых, остающихся в Нижнем остроге, фюзейный и ручной порох, а также снасти «для таскания и груски леса» и для охраны 10 пушек и 50 ядер. Гвоздев приказал Петрову оставить в казенном амбаре парусный холст до прибытия из морского похода.

В последнем перед отправлением в море письме к Генсу 2 июля 1732 г. Гвоздев сообщил: «А сего июля 8 дня отправляюсь я в показанной морской путь со служилыми людьми. И по получении сего письма тебе, штурману, к означенному числу к морскому пути быть в готовности, а буде от болезни своей не выздоровел, то тебе к нам ответствовать письменно сего ж числа»⁸. По неизвестным нам причинам в указанный срок отправление бота не состоялось. 13 июля Гвоздев позаботился выдать служилым людям с бота «Св. Гавриил» Е. Пермякову, И. Портнягину и Л. Полякову несколько фунтов пороха.

С отстранением штурмана и подштурмана по болезни от участия в плавании Гвоздев стал единоличным руководителем морского похода к Большой земле. Во всяком случае, все организационные и подготовительные мероприятия, необходимые для успешного плавания, осуществлялись признанным командиром М. С. Гвоздевым. Эти впервые документально установленные обстоятельства имеют существенное значение при оценке ряда полемических заключений. Известно, что Я. Генс остался на берегу, а Федоров «против воли», как утверждал историк А. С. Сгибнев, согласно ордеру от 13 июля перенесенный на судно, вскоре после возвращения умер. Естественно полагать, что постоянно болезненное состояние Федорова сделало его раздражительным, нервным и немоцным, а часто беспомощным. Он не смог, вне сомнения, во время плавания выполнять свои штурманские обязанности в полную меру.

В отличие от слабого и нерешительного Федорова Гвоздев показал себя волевым командиром, не терявшимся ни в житейских, ни в служебных трудных и сложных ситуациях. Он обладал несомненно сильным

⁸ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 61.

№ 259

61

Посланно Подписи владетели Ямсу Генер 229

58

Слышавъ что прошельно министръ рече поприд
ланной команъ одеръ Мана въ то же время
буду и послани поддцноио Едкимъ абымъ
Метманъ оболени Саудъ ии Мо-Велемови
Самно Аппи саде впомощаннои мдао мриятъ
Камдмо Сноу бомагъ риле Крѣпни поприд
мѣвъ мѣо дегору Аппи повелемо Мѣтъмъ
Камрироу мѣтъмъ а объ оболени Сѣдъ до
вѣлммоповѣлно вѣдъ вѣннѣхъ Етти мѣтъмъ
объ оболени объ дорю вѣлм а аоловѣрѣ въ
Апридъ мѣтъмъ а впомощаннои мдао мриятъ
а аоловѣрѣ

И по селени Селомъ мѣтъмъ мѣтъмъ
Камдмо мѣтъмъ мѣтъмъ мѣтъмъ
Аппи мѣтъмъ оболени Сноу Сѣдъ до
розе мѣтъмъ мѣтъмъ
мѣтъмъ мѣтъмъ мѣтъмъ мѣтъмъ
мѣтъмъ мѣтъмъ мѣтъмъ мѣтъмъ
Михило Ямсу

1732
Мѣтъмъ

Письмо М. С. Гвоздева 2 июля 1732 г. Я. Я. Генеру об отправлении в морской поход

характером, был резок и неуступчив, пользовался авторитетом у служилых людей, хотя действовал без поблажек в соответствии с буквой морского регламента и уставных требований. Показателен извет (донос) казака Ф. Тибалова на геодезиста, поданный И. Федорову 1 июня 1732 г. для передачи Павлуцкому. Тибалов рассказал, как Гвоздев, несогласный с текстом доношения об отдаче денежных долгов, содержал казака на боте под стражей, «велел раздеть, и разложить, и кошками стегать; и стегали до полусмерти, и доношение мое все разбили на спине, и титулу е.и.в. растегали»⁹.

То, что главой морского похода 1732 г. был М. С. Гвоздев, не вызывает сомнений. Не имея документальных свидетельств, свои доводы о главенстве Федорова некоторые историки основывали только на общих рассуждениях эмоционального характера. Большинство историков эти ошибочные умозаключения были приняты без какой-либо критической проверки. Между тем должно быть очевидным, что тяжело больной подштурман не играл особой роли ни до, ни после, ни во время морского плавания. Как на берегу, так и на корабле основное бремя ответственности легло на плечи геодезиста Гвоздева — командира бота «Св. Гавриил» и его действительного помощника по навигационным делам морехода К. Мошкова. 8 апреля 1741 г. участник похода И. Ф. Скурихин подтвердил в канцелярии Охотского порта, что командиром бота был геодезист Гвоздев (30, с. 236).

Ни в одном из документов об экспедиции Шестакова—Павлуцкого и ее морской части нет упоминаний о том, что Федоров мог быть или был руководителем морского плавания в 1732 г. и командиром бота «Св. Гавриил». При изучении морского похода к Америке ученые натолкнулись на отсутствие каких-либо сведений и материалов о Федорове, однако из всех исследователей только А. Соколов счел необходимым подчеркнуть такое важное обстоятельство. В истолковании отношений между геодезистом Гвоздевым и подштурманом Федоровым существуют различные точки зрения, нередко полярные по своим исходным позициям.

---

⁹ Там же, л. 23 и об.

Прежде всего остались почему-то незамеченными утверждения А. Полонского (51, с. 395), что Гвоздев, приняв бот от Генса, оставленного больным в Нижнекамчатске, отправился по назначению, а Федоров поступил на судно крайне больным, с огромной язвой на ноге, от которой и умер 12 февраля 1733 г., вскоре после возвращения, мнение А. Покровского (69, с. 13) об особо важной роли в походе К. Мошкова, высказывание Ф. Голдера о единоличной ответственности Гвоздева, которому помогал Мошков, за судьбу экспедиции (75, с. 158). Зато наибольшее распространение получило необоснованное заключение, что И. Федоров был командиром (начальником) бота, а М. Гвоздев его помощником. Хотя этот вывод и находится в противоречии с данными исторических источников, он принят большинством историков. Так, А. Соколов, не сомневаясь, пишет, что в связи с болезнью и слепотой Генса командовал ботом подштурман, у которого помощником и товарищем был геодезист. Последний, будучи «побойчее и поздоровее» Федорова, — «у того болела нога, что, однако ж, не препятствовало ему исправлять службу, кажется, брал над ним верх». Фраза не совсем четкая, смысл ее неясен (59, с. 81). Получается, что подштурман мог «исправлять службу» только во время плавания, ибо, как мы знаем теперь уже точно, до похода и после него Федоров все время болел. Как представляется, для перенесенного на судно Федорова пребывание в теплой каюте явилось большим благом, чем полуголодное существование без квартиры, тепла, покоя, элементарной помощи и даже сочувствия на острове или в остроге. «Командир — Федоров, помощник — Гвоздев», утверждает академик Л. С. Берг, согласен с ним и М. И. Белов, добавивший, что геодезист исполнял штурманские обязанности. Основательность этих заявлений, ничем документально не подтвержденных, в значительной степени подрывается курьезным противоречием. При описании плавания Л. С. Берг ошибочно утверждает, что 7 августа Федоров высаживался на берег, а Белов — что 7 августа подштурман уже не вставал с постели! (9, с. 99; 6, с. 260). В работах по истории географических открытий А. В. Ефимова также допущена произвольная трактовка: так как Генс почти ослеп, то он поручил экспедицию Федорову, который лежал больной цингой, страдая от ран на ногах; по приказу Генса больной был насильно пере-

несен на бот (30, с. 160; 27, с. 222). Но, как хорошо уже известно, Генс не мог ни поручать, ни приказывать — ордером Павлуцкого 11 февраля 1732 г. он был отстранен от командования и заменен Гвоздевым.

Особой категоричностью отличаются далеко не безошибочные высказывания В. А. Дивина, который также признавал в Федорове командира бота, а в Гвоздеве его помощника, якобы ведавшего какой-то «научной частью», считая при том, что оба мореплавателя имели равные права, но между ними не было согласия. Он предположил, что Федоров якобы хорошо знал морское дело, а Гвоздев обладал лишь теоретическими познаниями, но не имел практического опыта, и по этой причине подштурман относился к геодезисту с некоторым пренебрежением, часто лишал его возможности исполнять то, что сам из-за плохого здоровья не мог бы сделать. Однако собранный фактический материал не позволяет подтвердить такие выводы: кроме утраты судна «Восточный Гавриил», крайне неуверенных действий Федорова на суше после кораблекрушения, продолжительной тяжелой болезни, никаких данных о деловых качествах, а тем более о знаниях подштурмана не найдено. В работе 1956 г. В. А. Дивин усматривает заслуги Федорова в том, что тот успешно провел корабль в сложных навигационных условиях, благодаря хорошей морской подготовке, а также отличной выучке матросов и т. д. Парадоксально, что в аналогичном контексте тот же автор в книге, изданной в 1971 г., наделяет теми же заслугами Гвоздева. Такая метаморфоза свидетельствует о надуманности целого ряда построений (25, с. 21, 26—27; 24, с. 79, 83, 85).

Поиски истока предвзятого отношения к Гвоздеву приводят нас к высказыванию А. Соколова, который испытывал к «сухопутному» геодезисту почему-то нескрываемую неприязнь. Оценка взаимоотношений руководителей плавания осложнялась для историков тем, что сохранились лишь подлинные рапорты Гвоздева, в то время как документы, исходящие от Федорова, и другие свидетельства о нем отсутствовали. В связи с этим А. Соколов, называя отчеты геодезиста «бестолково сделанным обзором», считал, что и имя-то Гвоздева стало известно лишь благодаря тому, что от него одного дошли до нас сведения, а общее с Федоровым доношение «утратилось». Он предположил, что подштурман, быть может, и не подтвердил бы всех бо-

лее поздних показаний Гвоздева. В рапорте последнего поразили морского историка «гордые», по его мнению, слова Федорова, обращенные к геодезисту. Большой подштурман сказал, что «он к своему делу вспоможения никакого на море не требовал и вперед никакого не потребует от других рангов, которые морского обхождения не знают, також их штурманской должности...». На наш взгляд, эта фраза произнесена не от гордости, а скорее от упрямства, бессилия и слабости обидчивым, уязвленным, мнительным и ожесточившимся человеком, каким и предстает Федоров в новых материалах.

«Св. Гавриил» отправился в путь с геодезистом М. С. Гвоздевым, мореходом К. Мошковым, подштурманом И. Федоровым, 4 матросами, 32 служилыми людьми, толмачом — новокрещеным Егором Буслаевым.

Судя по отчетам геодезиста, плавание протекало с 23 июля 1732 г., когда бот «Св. Гавриил» под командованием М. С. Гвоздева вышел из устья р. Камчатка, через четыре дня обогнул мыс Камчатский и направился к п-ову Чукотка. По мнению А. В. Ефимова, которое противоречит приводимым им же документам, экспедиция вышла из Большерецка и 27 июля обошла «Камчатский нос», т. е. мыс Лопатка (30, с. 165; 27, с. 227). В рапорте же Гвоздева 1743 г. записано: «В морской вояж в том же 1732-м году июля 23 дня от устья реки Камчатки и ходили и обошли Камчатский нос июля 27 дня, а к Анадырскому носу пришли августа 3 дня и от Анадырского носу пошли для взыскания островов»¹⁰. Поиски островов в Беринговом проливе основывались на показаниях одного из участников похода — опытного морехода К. Мошкова, ранее плававшего в этом районе с В. Берингом. Как известно, 17 августа (16 августа по гражданскому календарю) 1728 г. Первая Камчатская экспедиция Бе-

---

¹⁰ Здесь и далее изложение хода морского плавания 1732 г. дается по рапорту М. С. Гвоздева 1 сентября 1743 г., опубликованному в сборнике «Русская тихоокеанская эпопея» (52, с. 150—154) и скорректированному нами по оригиналу, хранящемуся в ЦГАВМФ СССР (ф. 216, д. 53, л. 733—738 об.). Этот же рапорт с некоторыми ошибками публиковался ранее А. П. Соколовым (59, с. 88—103), А. В. Ефимовым (30, с. 244—249) и дважды в изложении на английском языке (75, с. 160—162; 76, т. 1, с. 22—24).

ринга видела остров (ныне о. Ратманова), названный в честь святого Диомида.

«Св. Гавриил» вдоль азиатского берега направился на север. 5 августа «пришли к Чюкоцкому носу к южной стороне» и в верстах трех от берега из-за штиля легли на якорь. Среди историков похода не было единого мнения относительно описанных мысов. Одни предполагали, что «Анадырский нос» — мыс, называемый теперь Чукотским, а «Чюкоцкий нос» — не мыс Дежнева, а какой-нибудь из мысов к северу от мыса Чаплина (9, с. 99; 25, с. 21). Большинство же исследователей более обоснованно указывают на то, что экспедиция Гвоздева останавливалась где-то у южного берега мыса Дежнева (23, с. 51; 24, с. 80). На карте Шпанберга 1743 г., судя по изображению азиатского берега Берингова пролива, нанесены неназванные «Анадырский нос» (в южной части западного побережья) и «Чюкоцкой нос» (или Восточный — мыс Дежнева), показанный на $66^{\circ}08'$ с.ш. Таким образом, можно предположить, что первая остановка бота экспедиции Гвоздева была где-то в районе между мысами Дежнева и Литке.

В тот же день 5 августа Гвоздев с командой на шлюпке выехал для обследования побережья. Путешественники увидели «место пустое», небольшую речку, стадо оленей и двух местных жителей. При первом рекогносцировочном объезде были пополнены запасы пресной воды (две бочки) и продовольствия (два оленя). С местными жителями поговорить не удалось, так как они убежали и спрятались за скалами. На следующий день к боту приблизились две байдарки, но близко к боту не подходили. Попытки через толмача завязать разговор не удались — чукчи не отвечали и, «посмотря на судно, уехали на берег» (52, с. 151).

7 августа Гвоздев с матросами вновь высаживался на берег, продолжая вести наблюдение. Они осмотрели заброшенные чукотские жилища — «две юрты пустые, деланы в землю китовыми костями, старые и разрыты» (52, с. 152). На четвертый день пребывания у Чукотского полуострова подул «ветр благополучной», бот снялся с якоря, экспедиция продолжила поиски островов. Плавание курсом, проложенным К. Мошковым «по южную сторону Чюкоцкого носу с анадырскую сторону», не увенчалось успехом (52, с. 152). Не имея навигационных руководств и всецело полагаясь

на свою память и интуицию, мореход, по-видимому, ошибся в выборе генерального направления. В этой обстановке И. Федоров передал М. Гвоздеву письменное мнение о неверном ходе поисков. Недоумение А. В. Ефимова по поводу того, почему подштурман написал именно геодезисту, можно разделить лишь при незнании того обстоятельства, что руководителем похода и командиром судна являлся М. С. Гвоздев. По согласованному решению Гвоздева и Федорова 9 августа движение на юг было приостановлено. Бот развернулся и возвратился к месту первой стоянки, откуда вновь посылалась шлюпка за пресной водой.

11 августа при попутном ветре судно вышло в море («пошли в путь свой»), но через два дня из-за наступившей штилевой погоды опять вернулось к азиатскому берегу, на котором увидели над речкой юрты. По сложившейся в морском походе традиции Гвоздев всюду лично возглавлял поиски и осмотр новых мест. И на этот раз геодезист с матросом Л. Петровым и служилыми людьми осмотрели «оныя юрты числом шесть, зделаны в земле, деревянные, лесу елового» (52, с. 152).

За короткий срок наблюдательный М. С. Гвоздев сумел заметить и надолго запомнить особенности хозяйства, быта жителей, а также природные условия Чукотского полуострова. Он отметил, например, что чукчи «пропитание себе имеют киты да моржи, понеже у них иных никаких кормов, кроме того, не видали». Поразило его отсутствие лесов — «токмо одна тундра» (52, с. 152).

Так, с 5 по 15 августа команда М. С. Гвоздева плавала вдоль берегов, высаживалась в нескольких местах полуострова, отплывала от него на незначительное расстояние к югу и востоку, проводила наблюдения за суровой природой района, пыталась наладить непосредственные контакты с местным населением.

В 11 часов утра 15 августа на «Св. Гаврииле» при попутном ветре «якорь подняли, парусы распустили» и мореплаватели «пошли в путь свой». Точную дату прибытия к первому острову Гвоздев не обозначил, но указал, что 17 августа пополуночи (в рапорте 1741 г. — пополудни) в 7-м часу осмотрели остров, по-видимому, остров Ратманова. Но изменился ветер, судно начало лавировать, а затем в тот же день вернулось снова к азиатскому материку. При штиле была спущена шлюп-

ка, на которой выехали М. Гвоздев, Л. Петров и 10 служилых людей к увиденным на берегу юртам. При возвращении Гвоздева с командой на судно вслед за шлюпкой, едва не настигнув ее, поплыли с берега две байдары, в каждой человек по 20. Через переводчика Гвоздев пытался добыть сведения, предусмотренные программой похода. Но ответа на вопрос о том, «какой народ живет на острове», он не получил, а с байдар геодезисту сказали лишь про себя, что они — «чюкчи зубатые», а жилье их — «самой Чюкоцкой нос». Оценивая эти данные, Л. С. Берг привел справку о том, что здешние эскимосы сами себя не называют «зубатыми», это могло быть их чукотское название, если они в 30-х годах XVIII в. еще не перестали носить втулок; азиатские эскимосы сами себя называют «юйт» и «юпиыт» (люди или настоящие люди). Л. С. Берг вполне обоснованно заключил, что М. С. Гвоздев был на мысе Дежнева у эскимосского селения Нуукан (9, с. 100). Отсюда «Св. Гавриил» вторично направился к первому острову (о. Ратманова) и подошел к северной его стороне. В глубине показались строения. Шлюпка с М. С. Гвоздевым, Л. Петровым и 10 служилыми людьми приблизилась к берегу, после чего последовала процедура непосредственного знакомства с островитянами. Они о себе сказали, что они — чукчи. Еще Л. С. Берг, которому это показалось странным, отметил, что здешние эскимосы назвали себя чукчами. Он пояснил, что толмач Е. Буслаев, взятый с Камчатки, мог быть только коряком, легко объясняющимся с чукчами, но не с эскимосами. С другой стороны, многие из азиатских эскимосов и с островов, открытых Гвоздевым, понимают по-чукотски. Представляется, что в своем описании М. С. Гвоздев всех увиденных им впервые носовых (азиатских), островных и затем американских местных жителей всюду собирательно называет чукчами. Так, при расспросах о Большой земле жители острова «про оную землю не сказывали, сколь велика или остров», но совершенно четко заявили, что там живут «наши ж чюкчи» (52, с. 153).

Сойдя на берег и посетив две покинутые юрты («в земле деревянные, лес еловой»), мореплаватели обнаружили там «корма из моржовины да китовины, а иных кормов не видели». Более многолюдным оказалось поселение в южной части острова. Здесь находи-

лось около 20 юрт. Отряд во главе с М. С. Гвоздевым, размещенный на шлюпке и байдаре, приблизился к берегу. Однако попытки получить у островитян какие-либо сведения о Большой земле были безуспешны. Из подробностей описания Гвоздева важно сообщение о том, что члены экипажа «Св. Гавриил» с первого посещения ими острова видели Большую землю; сам же остров «собою не велик, лесу никакова не имеетца» (52, с. 193). В рапорте 1741 г. приведены размеры острова — в длину 2,5 версты (2,66 км) и в ширину одна (1,06 км).

В 7-м часу пополуночи 20 августа бот стал на якорь у второго острова (ныне о. Крузенштерна). И. Ф. Скурихину с судна по ходу на расстоянии 1,5—2 версты от берега оба острова показались величиной версты по три. Посланные на байдаре Е. Буслаев и на шлюпке Е. Пермяков с 10 казаками вскоре возвратились, так как переговоры с местными жителями не состоялись. По описанию Гвоздева, второй остров небольшой, меньше первого. По-разному он называет расстояние между первым и вторым островом: в 1741 г. — полторы версты (1,6 км) и в 1743 г. — полмили (926 м). Последнее измерение В. И. Греков называет близким к действительности, исходя из неверного пересчета величины почему-то не морской (1852 м), а немецкой (7,5 верст) мили (23, с. 347).

Почти через 50 лет после плавания «Св. Гавриила» казачий сотник Иван Кобелев посетил в 1779 г. оба острова, называемые им Имаглин и Игеллин. По его описанию, расстояние от азиатского берега до первого острова 40 верст. На острове размером 2 версты в ширину и до 5 в длину проживали в двух поселениях 398 человек. Между первым и вторым островом расстояние 3 версты. Остров Игеллин имеет в длину 3, а в ширину 1,5 версты, жителей — 164 человека. По сообщению Кобелева, со второго острова видны как чукотский, так и американские «ближние и отдаленные» берега, от него до северо-американского побережья около 30 верст. Секунд-майор М. Татаринов, известный сибирский картограф и участник Нерчинской экспедиции Ф. И. Соймонова, при составлении извлечения из журнала Кобелева добавил, что казачий сотник первый имел «из россиян щастие со островов Имаглина и Игеллина видеть вдруг (одновременно.— Л. Г) конец восточной Азии и берега Северной Аме-

рики», лежащие друг от друга на расстоянии не более 77 верст (30, с. 232). Таким образом, к концу 70-х годов XVIII в. ширина самой узкой части Берингова пролива считалась равной 82,1 км. Конечно, согласиться с Татариновым нельзя: задолго до Кобелева из района островов Диомида Азию и Америку могли видеть одновременно и С. Дежнев в 1648 г., и участники экспедиции М. С. Гвоздева в 1732 г.

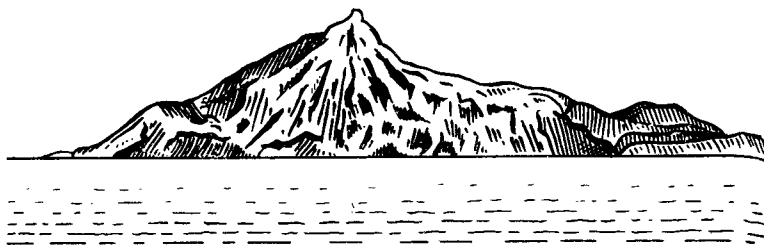
Вполне допустимо, что М. С. Гвоздев, как и герой повести чукотского писателя Юрия Рытхэу, с мысов Чукотки не только видел сразу два океана — Северный Ледовитый и Тихий, широкий пролив и два острова — Ратманова и Крузенштерна, но и слышал древнюю легенду коренных обитателей края о происхождении Берингова пролива¹¹.

В деятельности экспедиции М. С. Гвоздева в Беринговом проливе особенно активными выглядят действия самого ее руководителя, и не только по его собственным рапортам или рассказам, которые, вполне очевидно, могли быть приукрашенными. Они находят подтверждение в показаниях рядового участника похода И. Ф. Скурихина. М. С. Гвоздев неоднократно выезжал с бота на берег для осмотра и описания различных географических объектов Чукотского полуострова и о. Ратманова, при опросе жителей стремился получить нужные сведения о Большой земле и островах. На этом этапе плаваний о подштурмане И. Федорове никаких упоминаний в источниках не имеется.

¹¹ Старинная эскимосская легенда о человеке, разгневавшем богов, повествовала о том далеком времени, когда от берегов Азии до Аляски протянулась длинная галечная коса, на которой возвышались две горы — Имаклик и Инатлик (эскимосские названия островов). На косе жили морские охотники, чтившие богов и не помышлявшие о том, что они сильнее их. Но нашелся смельчак, посчитавший, что человек сам себе бог, сам себе хозяин. И как-то на охоте явился к нему бог в обличье тюленя и заговорил человеческим голосом, стал увещевать охотника. Но тот не унимался, загарпунил тюленя и снял с него шкуру, а вернувшись на берег, стал хвастаться удачной охотой. К вечеру потемнело небо, подул сильный ветер, разбушевалось море, а ночью случилась страшная буря, смешались море, небо, суша. Спасаясь от грозной стихии, бежали люди на две высокие горы. С восходом солнца все стихло, и перед изумленными охотниками открылся преображенный лик земли: бесследно исчезла длинная галечная коса и только между двумя горами плескались волны двух океанов. (Рытхэу Ю. Полярный круг. Магадан, 1977, с. 181—182).

Поэтому глубоким заблуждением является высказывание известного исследователя полярных морей В. Ю. Визе о том, что подштурман был первым русским, который высаживался на островах Ратманова и Крузенштерна (16, с. 63).

Деловую и прозаическую запись М. С. Гвоздева об очередном дне плавания — 21 августа 1732 г. следует золотыми буквами вписать в летопись истории географо-картографической изученности Тихого океана. В этот день первые европейцы достигли северо-западного побережья Северной Америки. В рапорте 1743 г. он сообщал: «Августа 21 дня пополуночи в 3-м часу стал быть ветер, подняли якорь, парусы ропустили и пошли к Большой земле, и пришли ко оной земле, стали на якорь, и против того на земле жилищ никаких не значилось» (53, с. 153). Об этом событии почти то же самое сообщалось геодезистом ранее и в 1741 г. Из различий в отчете отметим указание в 1741 г. на «пособной» ветер и место якорной стоянки (в четырех верстах от земли), иное время отправления от второго острова к Большой земле («пополудни в 3-м часу»). Показанный пунктиром на карте Шпанберга 1743 г. маршрут «Св. Гавриила» от о-ов Дионида к Большой земле изображен в очень обобщенном виде — дано лишь общее направление бота на юго-восток-восток. Первоначальная стоянка у берегов Аляски и все последующие отклонения от генерализованной трассы не приведены. Между тем хорошо вычерчен характерный отрезок береговой линии современного п-ова Сьюард на северо-восток и юго-восток от самого западного мыса американского континента (мыс Принца Уэльского). На северо-востоке эта береговая линия доходит до $66^{\circ}45'$ с.ш., что позволяет нам судить о примерном месте первой якорной стоянки экспедиции, так как последующее движение судна имело преимущественно южное направление. Так уж случилось, что в одну из тех немногочисленных вахт, которые смог нести на судне больной подштурман Федоров, он, как осуждающе писал Гвоздев, «собою» (т. е. самостоятельно, самовольно.— Л. Г.), «без общего согласия» приказал поднять якорь, и бот пошел «подле земли к южному концу» (52, с. 153). Не вызывает сомнений, и карта Шпанберга это подтверждает, что бот приблизился к мысу Принца Уэльского. Затем мореплаватели «у южного конца к западной стороне видели юрты

жилые, версты на полторы». По правдоподобному предположению Л. С. Берга, это было эскимосское поселение на мысу, называемое на современных картах Кингеган. Встречный ветер не позволил подойти ближе к берегу, поэтому плавание продолжалось опять «подле земли по южному сторону, и стало быть мелко, и дошли до 7 и до 6 сажен и от того места возвратились назад и пошли в бейдовен, чтоб не отдалять от оной земли». Это важное для локализации места событий сообщение повторяет соответствующую фразу из рапорта 1741 г., где, впрочем, записано, что в мелком месте «бросили лот глубины 7 и 6 сажен и стали лаверить подле Большой земли, чтоб к земле подойти». Попыткам «Св. Гавриила» приблизиться к берегу препятствовал «презельной крепкой» северный ветер, «от земли противной». Именно поэтому продвижение вдоль американского побережья на юго-восток от мыса Принца Уэльского сопровождалось лавированием судна, вставшего на курс относительно ветра, дующего наискось с носа в секторе от 0° до углов менее 90° (бейдевинд). Постепенное уменьшение глубин до 6—7 сажен (12,7—14,9 м) и меньше характерно для входа в бухту Кавьяк. На карте Шпанберга самая южная точка береговой линии п-ова Сьюард нанесена под $65^{\circ}15'$ с. ш., что довольно точно соответствует широтному положению бухты. Вероятнее всего, отсюда бот и направился в дальнейший путь.

При курсе SW и крепком северном ветре экспедиция М. С. Гвоздева 22 августа подошла к четвертому острову. «И за великою погодю у оного острова на якорь стать было невозможно, и когда стали подходить ко оному четвертому острову, парусы подобрали и без парусов от того четвертого острова отнесло» (52, с. 153).

Давно установлено, что четвертый остров, описан-

«Большая земля» в
районе современного
мыса принца Уэль-
ского

Современная зарисовка

ный Гвоздевым,— это о. Кинг, или Укивок, который расположен неподалеку от берегов Аляски. Вне сомнения, «Св. Гавриил» точно выдержал заданный курс, так как, отправляясь на юго-запад от мыса Спенсер бухты Кавьяк, он не мог миновать о. Кинг¹². Это обстоятельство подтверждает правильность локализации района пребывания первого русского корабля у берегов Северной Америки. Нельзя поэтому признать правомочным предположение о том, что бот продвигался вдоль американского побережья до мыса Ном, откуда якобы и вернулся к Камчатке. Но экспедиция пошла в Нижнекамчатск от четвертого острова, который лежит от мыса Ном не на юго-запад, а на северо-запад. Не согласуется с приведенными сведениями и предположение ряда исследователей о возможном продвижении «Св. Гавриила» вдоль американского берега до залива Нортон-Саунд (81, с. 5).

Среди ученых возникла оживленная дискуссия по поводу отсутствия в рапортах Гвоздева упоминаний о третьем острове. В самом деле, геодезист пишет о первом острове, втором и вдруг переходит к четвертому. Большинство исследователей считают, что для экспедиции 1732 г. М. С. Гвоздева увиденная ею Большая земля была третьим островом. Основываясь на анализе представлений анадырских служилых людей и носовых чукчей еще А. С. Полонский указал, что «пространство земли около мыса Принца Валийского также признавалось за остров» (51, с. 392). К такому же выводу пришел Ф. Голдер. Для обоснования подобных же взглядов обширную аргументацию привел А. В. Ефимов, который прежде всего выделил в промемории

¹² Вместо юго-западного курса «Св. Гавриила» от Аляски к о. Кинг В. А. Дивиным неверно указан курс на северо-запад (24, с. 82).

А. Зыбина 20 апреля 1743 г. цитату из вахтенного журнала (лагбуха) 1732 г. М. С. Гвоздева и И. Федорова, где Большая земля названа большим островом: «Августа де 22 числа пополудни в 12-м часу с острова (четвертого.— Л. Г.) приезжал к ним иноземец чюкча в ветке, по их званию в кухне (лодке.— Л. Г.), и спрашивал де оной Гвоздев у него чрез толмача новокрещена Егора Буслаева, какой народ на большом острове живет. И оной де иноземец чюкча сказывал чрез толмача, что на оном острове живут чюкчи ж и что самой де то Чюкоцкой нос, да спрашивал же де он у оного чюкчи чрез толмача, что на большом острове имеются ль какие звери и леса; и оной же чюкча сказал: есть же на оном острове лисицы и куницы и леса» (51, с. 392; 9, с. 102; 30, с. 168—170). А. В. Ефимов считает, что этот единственный известный отрывок из лагбуха окончательно решает вопрос о третьем острове, характеризуя представления Гвоздева и Федорова о Большой земле как о большом острове. Но, увлекшись интерпретацией и стремясь усилить доводы в пользу своего предположения, исследователь при палеографическом анализе документа выдает желаемое за действительное. Так, он утверждает, что в приведенной выдержке «Большой остров» дан с прописной буквы, так же как и называется Большая земля. К сожалению, это замечание неверно. Обращение к подлиннику позволяет нам установить, что «большой остров» дважды написан со строчной буквы и, по-видимому, не является синонимом топонима «Большая земля». Кроме того, в выдержке из журнала большой остров назван также и Чукотским носом. По объяснению Ефимова, на американском берегу было место, якобы названное так же, как и мыс на азиатском берегу. Справедливо оценивая это предположение менее вероятным, чем догадка о путанице в копии записи вахтенного журнала, В. И. Греков полностью отвергает тезис, что «Большая земля» — третий остров. В самом деле, сообщение И. Ф. Скурихина в 1741 г. показывает, что участники экспедиции были знакомы с различными географическими объектами и хорошо понимали разницу между островом и «матерой» землей (материком). В Охотской канцелярии казак «объявил»: «И не дошед до нее (земли.— Л. Г.) в полуверсте, рассмотрели, что не остров, но земля великая, берег желтого песку. Жилья юртами по берегу и народу ходящего

по той земле множество. Лес на той земле великой: лиственничник, ельник и тополник, и оленей многое число» (53, с. 101). Во время осмотра северной стороны первого острова (после 17 августа) Гвоздев ждал, но не получил ответа от островитян на свой вопрос о Большой земле, «сколь велика или остров». Объяснение того, почему о-в Кинга назван четвертым, В. И. Греков находит на карте Шпанберга, на которой в проливе нанесены не только первый и второй острова Диомида, но и третий маленький (необитаемый) остров. А поскольку никаких событий с последним связано не было, судно к нему не подходило, М. С. Гвоздев не упомянул о нем в своем рапорте. Таким образом, в соответствии с современной географической номенклатурой первые три острова — это о-ва Ратманова и Крузенштерна, скала Фэруэй, четвертый — о. Кинг (или Укивок).

К 30-м годам XVIII в. сведения, собранные на Чукотке у местных жителей о Большой земле, позволяли считать ее островом. Даже в 60-х годах, когда анадырский командир Ф. Плениснер собирал известия о Чукотке, островах в проливе и Большой земле, географические представления чукчей и анадырских казаков не претерпели особых изменений. Такова, например, запись об острове напротив Чукотского носа, «на коем живут чукчи ж, называемые зубатые... а от того острова имеется остров же, который называют Большою землею, и так многолюдным почитают... людей называют кыхмыльцами»¹³. В этом отношении представления экипажа «Св. Гавриила» не отличаются оригинальностью, а Гвоздев и Федоров в 1732 г. следовали традиционным взглядам. Однако по прошествии 9—11 лет после плавания при составлении новых отчетов, уже не сомневаясь, геодезист писал о Большом земле как о материке, а не острове. Именно в начале 40-х годов при проектировании новой экспедиции командир Охотского порта А. Девиер заявил, что Большая земля, по-видимому, и есть Америка. Еще раньше, в 1736 г., ссыльный капитан-поручик В. И. Казанцев сообщил в Тобольск, что «против того Чюкоцкого мыса на восточной стороне прилегла то ж земля Америка мысом»¹⁴.

¹³ ЦГАВМФ СССР, ф. 172, д. 408, ч. 1, л. 55.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 248, кв. 7312, л. 50 об.

Когда 22 августа «Св. Гавриил» стало относить от о. Кинга, матрос Л. Сметанин с товарищами обратились к М. С. Гвоздеву с предложением вернуться на Камчатку, поскольку «приходит де время позднее и ветры бывают усильчевые» (52, с. 154). В это же время с острова на небольшой одноместной лодке — кухте к судну приблизился эскимос. По описанию Гвоздева, кухта «вся коженная и верх коженной, только что сесть в ней человеку одному; и на нем надета па платье рубашка, сшита из кишек китовых и обвязана кругом его кухты руки и около головы, чтоб вода не залилась. А когда волна морская ево всево обольет, то не может к нему в кухту попасть вода. Да у него на кухте привязан великой пузырь надутой для того, чтоб морскою волною не опрокинуло кухты» (52, с. 154). При расспросах о Большой земле островитянин сказал, что на ней живут «наши ж чюкчи», а лес там «также из ели», а из зверей «имеютца олени, куницы, и лисицы, и бобры решные». Приводя эти данные о растительности и животном мире Аляски. Гвоздев одновременно подчеркивал, что на Чукотском носе, первом и втором островах «никакого лесу не имеется» (52, с. 154). Отсутствие леса характерно и для четвертого острова, общий вид и размеры которого геодезист определил довольно верно. Остров Кинг, имеющий 2 мили (3,7 км) в окружности, по описанию геодезиста, «маленькой, видом круглой» (в рапорте 1741 г.— «маленькой видом кругом в ширину и длину по четыре версты»).

Описание Гвоздева дополняют воспоминания И. Ф. Скурихина, в которых места описываемых событий смещены. Так, ссыльный казак показал, что «один человек нагой приплыл к ним на пузырях» не с острова, а с Большой земли, и «указывал им сторону, где искать Камчатку... звал их на свою землю, обещая им дать корму довольно». Представляет интерес рассказ Скурихина об обмене с «иноземцом», совершенном геодезистом, но о котором тот в рапортах умолчал. Приплывшему эскимосу М. С. Гвоздев бросил в подарок на палке «игол, наперсков и корольков несколько». Островитянин принял дар, уплыл к берегу, затем вновь вернулся к боту и, держась от него за 30 сажень, оставил на воде привезенный с собой «из рыбы кожи пузырь», а потом отплыл на небольшое расстояние. Он возвратился на берег только тогда, когда увидел,

что к пузырю с бота плывет матрос. В доставленном на борт судна пузыре «гостинца явилось: две парки кунных, три лисицы сиводушетых, да лисиц же красных з десять». По сообщению Скурихина, «те парки» и лисиц Гвоздев и подштурман разделили между собой, так как «подарок» они собрали из собственных, а не казенных товаров (53, с. 102). Место действия второго эпизода тоже не увязывается с описанием Гвоздева. Скурихин утверждал, что при возвращении на Камчатку экспедиция якобы останавливалась у одного из двух островов, которые «во время их вперед ходу видимы были». На этот остров на шлюпке выезжал М. С. Гвоздев и служилые люди И. Ребров, И. Залевин, Г. Нехороших, М. Шарыпов, Д. Шадрин, Е. Пермяков, В. Зырян, матрос Л. Сметанин. После четырехчасового пребывания на острове они привезли на судно «битых оленей 10 или з 20, недоростей и пыжиков довольно», которых и разделили на 40 паев так, что каждому члену экипажа досталось «по два и по три места». Кроме того, с острова доставили на бот около 100 пудов «рыбей кости, имянуемой моржевые зубья». По прибытии на Камчатку «кость» была продана какому-то монастырскому старцу по 2 руб. за пуд, а деньги разделены «все по себе» (53, с. 103).

Вернемся к рассказу М. С. Гвоздева. Едва эскимос скрылся на острове, как наиболее опытные и авторитетные служилые люди Е. Пермяков, Л. Поляков, Ф. Паранчин, А. Малышев с товарищами вновь обратились к геодезисту с просьбой «о возврате» в связи с «поздностью времени», нехваткой продуктов («кормов малое число») и течью бота («не могут из судна воды уливать»). Просьбу о возвращении на Камчатку поддержал весь экипаж. Матросы, мореход и служилые люди составили коллективное письменное прошение «за своими руками» и подали его М. С. Гвоздеву и И. Федорову. Геодезист и подштурман «с обсчева согласия» приняли ответственное решение. По свидетельству Скурихина, на обратном пути через несколько дней на боте «великою погодою» сломало мачту. С большим трудом 27(28) сентября 1732 г. «Св. Гавриил» добрался до устья р. Камчатка.

Во всех своих рапортах (22 июня 1733 г., 13 апреля 1741 г. и 1 сентября 1743 г.) М. С. Гвоздев неоднократно подчеркивал, что в «морской вояж» он ходил «обще» с И. Федоровым по ордеру Д. И. Павлуцкого.

Поскольку распоряжение капитана 13 июля 1732 г. не отыскано, остается пока загадкой, в чем же на корабле заключались функции тяжело больного подштурмана, который, по замыслу, «в морском хождении один имеет власть». Он пытался несколько раз нести регулярное дежурство на судне, но часто пропускал свои вахты. Маршрут корабля определялся по показаниям К. Мошкова; все служилые люди и матросы подчинялись непосредственно Гвоздеву.

Вернувшись в Нижнекамчатск, мореплаватели занялись подготовкой отчетных материалов. Подробное донесение Д. И. Павлуцкому о походе и «надлежащие описи» Гвоздев выслал 19 декабря 1732 г. с нарочным Иваном Солдатовым в Анадырский острог. А так как капитан к этому времени уже уехал из Анадырска, то материалы, по-видимому, были переправлены в Якутск. Геодезист рапортовал о том, «в каких местах и коликое число островов видели и на которые выезжали, и на тех островах какие имеются люди, и обо всем показанном морском походе... тако ж и о издержанных в морском тракте припасах». К рапорту прилагалась копия общего с Федоровым вахтенного (морского) журнала (или «лахбуха») «оному их тракту как с Камчацкого устья до островов, так и по возвращении до Камчатки, и о течи бота» (30, с. 237).

По пространному объяснению М. Гвоздева, карта похода составлена не была, потому что с начала плавания в течение двух суток он не был допущен Федоровым к внесению необходимых записей в судовой журнал и тот за это время не заполнялся. Кроме того, в морском походе Федоровым «многих его вахт... внесено не было и не имеетца». В Нижнекамчатском остроге 10 ноября 1732 г. геодезист отправил подштурману письмо, в котором предлагал «обще» журнал и ландкарту, «в каких местах были и что видели, исправить». Однако Федоров «не допустил» Гвоздева ни к исправлению журнала, ни к составлению карты. Общий тон ответного письма 28 ноября напоминает толкование пословицы: «знай сверчок свой шесток». Свысока подштурман заметил, что он послан из Адмиралтейств-коллегии не для сочинения карт суши (ландкарт), а по штурманской должности «для морского ходу» и составления морских карт. После уже приводимых нами нескольких «гордых слов» Федоров далее советует геодезисту «отправлять свое дело собою,

что ему показано, и сочинять ландкарты, как ему надлежит». С сожалением Гвоздев констатировал, как высокомерное отношение к подготовке отчетов лишило возможности на основании вахтенного журнала подготовить карту — и он «оставил сочинение оной».

Через пять месяцев после смерти Федорова М. С. Гвоздев 22 июня 1733 г. подготовил «в рассмотрение» канцелярии Охотского порта рапорт о плавании, поступивший 23 декабря с Камчатки к Г. Г. Скорнякову-Писареву. При рапорте был отослан и подлинный судовой журнал (лагбух), «за неисправностию» которого, как писал геодезист, «никакой карты сочинить было невозможно». Странно только, что ни Павлуцкий, ни Охотская канцелярия не информировали Адмиралтейств-коллегию, Тобольскую губернскую и Иркутскую провинциальную канцелярии о результатах морского похода к Большой земле. Видимо, вначале итогам этой обычной служебной «командировки» не придавали особого значения ни сам Гвоздев, ни местные власти. Тем не менее слухи о морском походе быстро распространились. Побывавший на Камчатке в 1732—1733 гг. В. И. Казанцев в 1736 г. представил в Тобольске чертеж и запись о путешествии бота «Св. Гавриил» к Америке. Чертеж пока не найден. А чей-то рассказ о походе капитан-поручик передал весьма своеобразно: «...слышно, что видели они (экипаж бота.— Л. Г.) на том мысу (напротив Чукотского мыса к востоку.— Л. Г.) многия иноземческия юрты, зделанные из ялых кож, а сами де они на том берегу не были. Между теми двумя мысами лежат три острова, которыя и на чертеже положены, ис которых два малыя острова. И на тех малых островах с того бота были и видели, что есть жилья иноземческия, юрты зделаны из земли и жители были, токмо, увидя тот бот, ушли на тот мыс Америки в лотках. От тех малых островов приходили они и к третьему большому острову, и тут стало быть тихо, что ниоткуль ветра не было. И с того де большова острова съезжали тутошния иноземцы в лотках, токмо близь судна не приезжая, кричали издали, и спрашивали де у тех иноземцов, что можно ли итти за тот большой остров вдоль к востоку подле того мысу Америки. И они де ходить не велели, сказали, что там де мелко. А говорили де с ними коряцким языком, а иное де и так руками розсуждали»¹⁵.

¹⁵ Там же, л. 50 об.— 51.

Через несколько дней после прибытия из морского похода Гвоздев устроил больного подштурмана жить в остроге. С 3 октября Федорова «поставили» на квартиру к служилому Ивану Каташевцову. Но желанная «фатера» на берегу не принесла удовлетворения и покоя, наоборот, последние месяцы жизни подштурмана были серьезно омрачены. В написанном за неделю до смерти «извете» 4 февраля 1733 г. Генсу Федоров сообщил о выпавших на его долю невзгодах¹⁶. Хозяин квартиры, по каким-то причинам невзлюбивший постояльца, часто бранил его, предпринимал попытки силой «изгонять с фатеры долой».

Тяжело больной, беспомощный, затравленный хозяином квартиры... Все представления предшествующих исследователей об И. Федорове, как стало теперь очевидным, несостоятельны, ибо они противоречат показаниям исторических источников. В отличие от М. С. Гвоздева И. Федоров — трагическая, а не героическая личность.

Сообщения М. С. Гвоздева о камчатском периоде своей жизни очень кратки и сдержанны. В челобитной 1758 г. об отставке геодезист вспоминал, как в 1731 г. вместе с Я. Генсом отправился он из Большерецкого острога в морской вояж «для проведывания и сочинения карты против Анадырского носу, которая называется Большая Земля, и для проведывания островов, и надлежащие описи учинил и при репортах к нему, капитану Павлуцкому, в Анадырской острог в 732-м году отослал» (52, с. 155). В 1738 г., когда по запросу Адмиралтейств-коллегии сибирские власти в Тобольске, Иркутске, Якутске и Охотске вели безуспешные поиски отчетных материалов экспедиции Шестакова—Павлуцкого, М. С. Гвоздев сумел только объяснить без каких-либо подробностей причину отсутствия итоговых документов. Он показал, что во всю их «бытность в вышеявленных походах морскому и охоцкому пути описи и карт и журналу у него, штурмана, не делано за главною ево болезнью и слепотою, а подштурманом — за ножною болезнию, от чего и умер, а ему, Гвоздеву, одному того делать было не возможно» (25, с. 45).

---

¹⁶ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 93 и об.

Командир Камчатской партии

Из лаконичных ранее опубликованных сведений, которые сообщил М. С. Гвоздев о себе и своем пребывании на Камчатке после морского похода, можно лишь узнать, что в 1733 г. по предписаниям командира Охотского порта Г. Г. Скорнякова-Писарева штурман Генс со служилыми людьми был послан в Охотский порт, а геодезисту велено оставаться в Нижнекамчатском остроге «при строении вновь острога», где он и пробыл по 1735 г. Глухи упоминания не только о Скорнякове-Писареве, но и о майорах Мерлине и Павлуцком. А между тем с этими лицами, участвовавшими в освоении Камчатки, Гвоздева связывали самые непосредственные длительные взаимоотношения, тем более что походной Розыскной канцелярии, сформированной в Охотске и руководимой В. Ф. Мерлином и Д. И. Павлуцким, предоставлялась на Камчатке неограниченная власть и самые широкие полномочия.

После морского похода Камчатская партия, возглавляемая М. С. Гвоздевым, постепенно стала терять свою самостоятельность. Д. И. Павлуцкий, уехавший из Анадырска в Якутск и получивший там новое назначение на Камчатку, в конце концов и формально, и по существу устранился от непосредственного руководства экспедицией. А несколько ранее в Якутске появился новый командир Охотского порта — Г. Г. Скорняков-Писарев, в ведение которого поступили камчатские остроги. В пространной инструкции из Сибирского приказа ему поручалось принять энергичные меры к поселению крестьян в районы Охотска, Юдомского креста, Удского и камчатских острогов, к размещению в Охотске 300 служилых людей. Указывалось «для заводу» отправить в Охотск лошадей, мелкий и рогатый скот, а также «хлебных всяких семян» (50, т. VIII, № 5753, 5813). Для «морского ходу» в команду Скорнякова-Писарева назначались 3 штурмана, 6 матросов и разжалованный морской офицер В. И. Казанцев. Командиру Охотского порта надлежало иметь особое наблюдение за камчатскими приказчиками. Инструкцией устанавливалось подчинение Павлуцкого и его экспедиции непосредственно Скорнякову-Писареву¹. Осуществление проекта ремонта и строительства кам-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 164, л. 733.

чатских острогов новый командир порта поручил В. И. Казанцеву, который знал основы фортификации и должен был построить Нижнекамчатский и Больше-рецкий остроги по данному ему образцу — чертежу. Выбор новых мест для строительства Скорняков-Писарев обосновал тем, что старый Нижний острог «был в опасном месте близко горы, из которой огонь выбрасывает и частое трясение земли делает», а Больше-рецкий — от моря «в дальности»².

Сподвижник Петра I, бывший президент Морской академии, обер-прокурор Сената, разжалованный и посланный в Жиганское зимовье за участие в заговоре против А. Д. Меншикова, Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев в Сибири опустился, много пил, сочинял постоянно доносы, часто вступал в ссоры и распри то с якутским воеводой Жадовским и Павлуцким, то с Берингом, Шпанбергом и другими.

Если в Якутске острые споры между Скорняковым-Писаревым и Павлуцким казались непримиримыми и неразрешимыми, то на Камчатке все распоряжения командира Охотского порта выполнялись неукоснительно. Правда, вернувшийся из морского похода М. С. Гвоздев, возглавивший командование ботом и Камчатской партией, оказался в очень сложном положении, непосредственно подчиняясь фактически сразу трем лицам — Павлуцкому, Скорнякову-Писареву и Мерлину. Этот период жизни геодезиста (1733—1735 гг.) до сих пор был совершенно не изучен.

На Камчатке М. С. Гвоздев руководствовался полученным им 29 марта 1733 г. указом Скорнякова-Писарева, в котором предлагалось немедленно отправить Я. Генса в Охотск на боте «Св. Гавриил». 6 апреля Гвоздев послал копию указа штурману с припиской: «А бот „Гавриил“ имеет немалую течь»³. На другой же день Генс потребовал передать в его ведение бот со всеми припасами и материалами для ремонта бота и снастей. 20 апреля Генс вновь обращается к Гвоздеву, но не получает ответа⁴. Генс, который около года находился практически не у дел, прекрасно понимал, что вместе с приемом у геодезиста судна с экипажем и снаряжением он сразу же приобретет опре-

² Там же, кн. 666, л. 443.

³ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 219.

⁴ Там же, л. 220; д. 4, л. 29 и об.

деленную власть и некоторую независимость. Поэтому понятны его нетерпение и настойчивость в ускорении событий. А между тем отношения штурмана и геодезиста продолжали оставаться напряженными, и Генс ищет посредника в переговорах с Гвоздевым. Неожиданным союзником оказался В. И. Казанцев, который тоже не поладил с Гвоздевым и Спешневым. В письме-жалобе 19 мая Казанцеву Генс подробно изложил ситуацию: ему приказано ехать немедленно в Охотск, а геодезист не отдает бота и не присылает людей. Все это, замечает штурман, «являет ево, Гвоздева, по-видимому, непорядочные поступки, что своею предерзостию чинит е. и. в. указу противность, а в отправлении моем остановку»⁵. Особое негодование у Генса вызвали слухи о намерении геодезиста во время ремонта судна заняться его килеваньем — «а ведаю, что он, Гвоздев, к оному делу искусства не знает, а что б не учинил оному боту пущего вреда»⁶. Штурман просил Казанцева письменно уведомить Охотск и указать Гвоздеву на его «противности и непорядки». Наконец, 22 мая М. С. Гвоздев объявил Генсу об «отдаче» судна, припасов и материалов — «все, что имеется налицо», а также матросов, морехода, толмача и служилых людей. Задержку с передачей служилых людей Гвоздев объяснил тем, что все они были в распоряжении Спешнева и посылались для заготовки леса и досок для починки судна, а отправленные для выкурки смолы и заготовки сухих дров и «поныне еще не бывали»⁷. 23 мая Гвоздев прислал Генсу весь судовой экипаж, в именном реестре которого показал личное снаряжение всех служилых людей⁸.

В мае—июне 1733 г. Гвоздев и Спешнев основное внимание уделяли подготовке к отправлению судна в морской поход, организации его ремонта, а также определению, кого и что в первую очередь необходимо везти в Охотск. 4 июня Гвоздев выслал Генсу две дести писчей бумаги, два фунта нитей для починки парусов, а 18 июня в связи со «скудостью кормовых припасов» на корабле передал с матросом А. Назаровым 3 сумы ржаной муки⁹.

⁵ Там же, д. 4, л. 3.

⁶ Там же, л. 3 об.

⁷ Там же, л. 3, 15 и об.

⁸ Там же, д. 4, л. 222.

⁹ Там же, д. 3, л. 208 и об., 218; д. 4, л. 43, 234; д. 5, л. 31.

Началось комплектование судна пассажирами. По просьбам комиссара Верхнекамчатского острога И. Эверстова М. Гвоздев и Я. Генс решили принять на бот «для отвозу» в Охотск приказчика Нижнего острога И. Крикова с тремя служилыми и с казной О. Ступина с товарищами¹⁰.

Совершенно неожиданным явилось доношение, адресованное «имеющему команду бота „Гавриила“ штурману Генсу» от В. И. Казанцева, объявившего о своем намерении выехать в Охотск. Для уяснения мотивов этого нам нужно прежде всего рассмотреть промеморию¹¹ Я. Генса 2 июня 1733 г. на розыскной съезжий двор С. Гардеболю с товарищами¹². По рассказу штурмана, 31 мая, будучи на работе на судне, он сошел на берег для осмотра блоков. Здесь же оказался В. И. Казанцев. В это время матрос Леонтий Петров «всенародно извещал нам словесно на геодезиста Гвоздева, что де он, Гвоздев, морит ево, Петрова, под своим караулом голодною смертию и не велит ево из ясачной избы выпускать ни на малое время, разве кроме телесныя нужды; а я де на него показал по важному делу и ныне де умираю голодною смертию, не кормит и в мир не отпускает». Отношение Генса к Гвоздеву нам известно. И здесь он не упускает случая лишний раз осудить геодезиста: «И сие являетца весьма подозрительно... не слыхано, чтоб ответчик показателя содержал под своим караулом». Затем штурман вспоминает, как в свое время (имеется в виду май 1732 г.) «команды нашей матросы к нему, Гвоздеву, в команду письменно не отданы, взял он их сильно» (т. е. силой.— Л. Г.). В стремлении любым способом очернить Гвоздева Генс прибегнул к явной фальсификации фактов. На самом деле в начале мая 1732 г., отстраненный от руководства партией и оставленный по болезни в остроге при сдаче бота, людей, всех дел и имущества, он писал геодезисту: «Передаю тебе в команду солдат и служилых и матросов»¹³.

В заключение Генс обосновал необходимость отдать ему в команду под расписку Л. Петрова «в той крепь,

¹⁰ Там же, д. 4, л. 36, 207.

¹¹ Промемория — служебный документ коллежского делопроизводства в переписке между не подчиненными друг другу учреждениями или лицами.

¹² Там же, д. 3, л. 47 и об.

¹³ Там же, л. 187 об.

в которой он имеетца скован, для необходимой нужды к починке бота» и «чтобы мне его поставить к Охотскому правлению и не утратить, понеже он весьма потребен и в работе матроской искусство весьма знает». Штурман угрожал доносами «кому падлежит» в том случае, если матрос не будет прислан для работы в самом скором времени.

Однако Гвоздев и Спешнев, пренебрегая угрозами, под расписку Генсу матроса не отдали. Вначале Петров содержался у Гвоздева «в крепии» в связи с объявлением на геодезиста «слова и дела», а затем был передан Спешневу на съезжий двор и находился под караулом «скован для отвозу» в Охотск¹⁴.

Против М. С. Гвоздева выступил 5 июня и В. И. Казанцев, который сообщил Генсу о своем пребывании на Камчатке, где он по распоряжению Г. Г. Скорнякова-Писарева и в соответствии с выданной инструкцией и чертежами должен был построить два острога — на р. Большая и р. Камчатка. А «в товарищах со мною при той работе велено быть геодезисту Михаилу Гвоздеву или пробирному мастеру Симону Гардеболю». Строительство острогов предполагалось осуществлять «здешними казаками и казачьими детьми и посатскими промышленными людьми и которые в партии обретаются на Камчатке служилыми людьми»¹⁵. Гвоздев должен был откомандировать на работу служилых людей партии¹⁶. Казанцев описал, как, приехав в Большерецк, он дважды (7 декабря 1732 г. и 15 марта 1733 г.) письменно обращался к М. Гвоздеву с просьбой организовать и проверить исполнение «нижнеострожными и партовскими» (т. е. партией.— Л. Г.) служилыми людьми приказа о рубке леса и устройстве башен. 15 мая Казанцев прибыл в Нижнекамчатский острог и обнаружил, что ничего не сделано, «а люди имелись и ныне имеютца в команде у геодезиста Гвоздева». По данным Казанцева, 28 мая служилые люди подали доношение, в котором отмечали, что не имеют «корму» и на работу идти им «не с чем», место, где велено было строить острог, они не одобрили, указывая на более подходящее для этого другое место. Казанцев жаловался на то, что

¹⁴ Там же, д. 4, л. 96.

¹⁵ Там же, л. 121 и об.

¹⁶ Там же, л. 29.

служилые люди были отпущены на промыслы на неопределенный срок, и когда он об этом заявил, то «товарищи мои на меня крычат, почему де они знают, как скоро промыслят себе корм». В связи с этим незадачливый строитель констатировал: «Время прошло половина лета, а дела никакова к строению не делается»¹⁷. Казанцев вполне откровенно пишет далее о своих страхах и опасениях. Узнав о том, что Гвоздев «явился в подозрении — показано на него важное дело», бывший капитан-поручик рекомендовал С. Гардеболу «отрешить от команды» Гвоздева и послать в Охотск, так как по указам «подозрительным людям ни у каких дел быть нельзя прежде своего оправдания». Гардеболь 5 июня уехал в Верхний острог. «А я,— продолжал Казанцев,— с ним, Гвоздевым, у одного дела за таким ево подозрением быть опасен, понеже и еще произносятся ко мне на него, Гвоздева, многие словесные жалобы в ево нападках, також де имеются у меня на него письменные изветы; к тому ж судового дела подмастерья Иван Спешнев порицает меня вором и бранит матерны всенародно». Спасение, чтоб «мне здесь живучи праздно и от таких непорядочных дел и злых порицаний безвременною смертию не умереть», Казанцев увидел в спешном отъезде в Охотск.

17 июня М. С. Гвоздев направил на бот И. Спешнева с казенными деньгами и «соболиной и лисишной казной», колодником Петровым и двумя караульными. Он просил Генса «дать кают, где можно положить казну и следственное дело», и уведомить о дате отплытия судна, чтобы к этому сроку «управитца» с розыскными делами¹⁸. В назначенный Генсом день отплытия — 19 июня — Гвоздев сообщил штурману, что к отсылке в Охотск рапорты и розыскные дела у него набело еще не переписаны. По-видимому, именно в этот период геодезист заканчивал пока не отысканный рапорт 22 июня 1733 г. о морском походе 1732 г. «И того для,— писал Гвоздев,— благоволите от острова не отваливать и обождать, а как исправлюся с репортами и з делами, то за ними же и отбудешь»¹⁹.

22 июня Гвоздев послал на бот к Генсу еще одного колодника «для объявления» его Охотскому правле-

¹⁷ Там же, л. 121.

¹⁸ Там же, д. 4, л. 203 об.

¹⁹ Там же, л. 176.

нию — служилого человека Илью Скурихина, одного из участников морского похода к берегам Аляски, который 17 июня на розыском съездем дворе «крычал», что знает «важное дело» на ботового дела подмастерья Ивана Спешнева²⁰. Существо «дела» излагалось в рапорте геодезиста Г. Г. Скорнякову-Писареву, но нами рапорт не найден, так же как до сих пор не обнаружены конкретные обвинения, выдвинутые Петровым против Гвоздева.

9 июля бот «Св. Гавриил» вышел из устья р. Камчатка в море. Но судно оказалось плохо подготовленным к трудному морскому походу вокруг Камчатки и через Охотское море. Вернувшись, командир бота сразу же запросил у Гвоздева «вспоможения», требуя прислать со Спешневым плотников и «работных» людей. Генс постоянно ощущал свою зависимость от геодезиста, в ведении которого находился весь личный состав партии, в том числе плотники и все хозяйственное имущество. Недаром 11 июля он писал Гвоздеву: «Приказывал ты ко мне с солдатом Александром Змиевым, чтобы я с бота людей на остров к вам не отпускал, понеже де ты имеешь опасение. А нам ныне бес того пробыть не можно, чтоб к вам не ездить, ибо у нас буде имеетца всегдашняя нужда и всегда люди будут посылатца»²¹.

Несмотря на «малолюдство» служилых, в большинстве отправленных на рыбные промыслы, Гвоздев сумел собрать плотников и послать их со Спешневым на судно. Забота о пропитании, добыча «кормовых припасов» глубоко затрагивали интересы всех жителей Камчатки, русских и местных. Так, в письме Генсу 5 июля Гвоздев между другими сообщениями подчеркнул, что с острова «отлучился я для своей крайней кормовой нужды на одне сутки». Даже содержащиеся под стражей беглые из Олюторского острога из-за «кормовой скудости» на Камчатке выпускались «для прокормления на поруках».

В середине июля геодезист, подмастерье и штурман были заняты организацией ремонта бота «Св. Гавриил», а также поисками и отбором «годных припасов», склянок, компасов и т. п. Правда, при этом в ответ на неоднократные просьбы штурмана прислать

²⁰ Там же, д. 3, л. 216 и об.

²¹ Там же, д. 5, л. 2 и об.

дополнительно плотников в команду Спешнева М. Гвоздев высказывал опасения, что Генс мог их «увезти на боте с собою» и тем самым «чинить осторожному строению остановку». Геодезист, ответственный за строительство острогов, без письменного указа о передаче опытных плотников не торопился отдавать их для проведения ремонтных работ. Подготовка к морскому походу заняла июль, август и середину сентября 1733 г. Особенно трудоемкими при ремонте оказались работы плотников и кузнецов.

Летом 1733 г. на «Фортуне» в Большерецкий острог были доставлены важные распоряжения Г. Г. Скорнякова-Писарева, которыми он стремился регламентировать деятельность камчатских правителей. Из многих разделов указа для геодезиста и подмастерья основным, несомненно, явилось распоряжение Гвоздеву и Спешневу «принять все три камчадалские острога и тех острогов жителей, как служилых людей, так торговых и промышленных, и служителей всех переписать, тако ж... и другие переписи сочинять»²². Уже 23 июля они писали Генсу, что «ныне от нас один отправляетца для приему оных острогов и команды и отправления всяких дел»²³. А 29 июля Спешнев сообщил штурману о своем отъезде из Нижнекамчатского острога «для принятия» Большерецкого и Верхнего острогов у комиссара И. Эверстова, а также «в тех острогах жителей: служилых, торговых, промышленных и служителей, и что в тех острогах чево имеетца, и для отправления всяких дел, и для высылки комиссара Эверстова». «А здесь,— продолжал новый правитель острогов,— остается для исправления дел геодезист Гвоздев, которому велено быть по указом со мною обче»²⁴.

Итак, командиры партии геодезист М. С. Гвоздев и ботового дела подмастерье И. Спешнев стали управлять Камчаткой. В их ведении находились все камчатские остроги, все служилые люди на полуострове. Гвоздев непосредственно руководил строительством и укреплением острогов, а Спешнев занимался судовыми ремонтными работами. Теперь Генс, строго придерживающийся формальных правил субординации, все свои

²² Там же, д. 4, л. 194.

²³ Там же, л. 52 об.

²⁴ Там же, л. 195 и об.

промемории и письма уважительно адресовал либо в Нижний острог «имеющему команду господину геодезисту Гвоздеву», либо в Большерецкий «имеющему команду...» Спешневу²⁵.

Главной задачей камчатских правителей стало срочное исполнение полученных летом предписаний из Охотска. В первую очередь было решено представить всех «здесьних партовских служителей к смотру, чтобы с общего согласия разопределить» по острогам «указное число» (60 человек)²⁶. Следует здесь подчеркнуть, что во второй половине 1733 г. камчатская партия бывшей экспедиции Шестакова—Павлуцкого практически расформируется, ее рядовые участники распределяются в остроги для несения караульной службы и строительства, часть служилых направляется в Охотск и Якутск. Небольшая группа вошла в состав экипажей судов «Св. Гавриил» и «Фортуна».

23 июля М. С. Гвоздев составил и передал Генсу к смотру именной «Реэстр партовским служителям...». В этот перечень внесен 91 человек²⁷. После смотра в тот же день в «указное 60-е число» в команду Гвоздева—Спешнева для распределения по острогам поступило 49 человек. Формирование камчатских гарнизонов завершилось 5 сентября, когда к Спешневу в Большерецкий острог «в добавок» отправилось еще 9 человек²⁸.

Отправление «Св. Гавриила» из Нижнего острога в Охотск стало значительным событием, потому что оно касалось без исключения почти всего русского населения Камчатки. На боте были отправлены все служилые люди сверх 60 человек, оставленных в острогах, должностные лица, управлявшие острогами и ведавшие с 1731 г. сбором ясака, несколько «доносителей» и лиц, привлекавшихся к ответственности за различные правонарушения, казенное имущество (главным образом собранный ясак), многочисленные документы (донесения, рапорты, реестры, переписи, описи, следственные дела, «допросные речи» и т. д., подготовленные С. Гвоздевым и И. Спешневым), а также беглые из Олюторского острога. Интересна история их появления на Камчатке.

²⁵ Там же, д. 3, л. 13; д. 4, л. 42, 67, 202; д. 5, л. 8.

²⁶ Там же, д. 4, л. 52—53.

²⁷ Там же, л. 180 и об.

²⁸ Там же, д. 3, л. 11, 14, 27 и об.; д. 4, л. 64, 227; д. 5, л. 8 и об.

Летом 1732 г. М. С. Гвоздев допросил бежавших от холода 8 служилых людей, которые явились в партию, их допросные речи и свой рапорт отправил с И. Солдашовым в Анадырск. 17 октября 1732 г. Павлуцкий приказал геодезисту «сыскивать беглых... а сыскав, держать их под крепким караулом». Это распоряжение Гвоздеву из Анадырска привез 21 января 1733 г. товарищ Л. Петрова по управлению партией в Тауйском остроге зимой 1729/30 г. Т. Крупышев, которого геодезисту надлежало выслать в Олюторский острог с женой и детьми, «понеже оной острог построен вновь и населен людьми»²⁹.

23 января 1733 г. Крупышев заявил Гвоздеву, что за то время, пока он ездил с рапортами и указами из Нижнего в Анадырский острог и обратно, Петров «присвоил медный котел ценой в 30 красных лисиц, 2 мешка сладкой травы стоимостью в 20 лисиц и другие оставшие от него пожитки», а «живучи у него в доме», матрос продал всех собак, «кормы рыбы издержал, и во всем ево, Крупышева, разорил». По этому заявлению Петров был допрошен, но допрос не подписал и неожиданно, как позднее объяснял геодезист, «показал в ясашной на меня дела государева, по которому и послан к Охоцкому правлению»³⁰.

В конце июля стал поступать на бот ясак, собранный посланными И. Эверстовым сборщиками и служилыми людьми.

Таким образом, постепенно к началу сентября задания Скорнякова-Писарева камчатской администрацией были выполнены. В камчатских острогах в команде геодезиста Гвоздева и подмастерья Спешнева осталось 60 человек и 8 больных. На «Св. Гаврииле» у штурмана Генса из «партовской команды» оказалось 48 человек — матросов, мореходов, солдат и служилых людей³¹. Отремонтированный и нагруженный людьми и пушнинаой «Св. Гавриил» направился к устью р. Большая. Из Большерецкого острога Генс взял на борт судна И. Эверстова, М. Борисова, А. Штинникова и всех служилых людей, подлежащих доставке в Охотск. Рейс закончился благополучно. 25 сентября 1733 г. «Св. Гавриил» вошел в Охотский порт. В тот же день

²⁹ Там же, д. 3, л. 13; д. 4, л. 53.

³⁰ Там же, д. 4, л. 40 и об.

³¹ Там же, л. 62.

В. Ф. Мерлин потребовал прежде всего у Генса подробный отчет о том, кто прибыл, что и какие «пожитки» привез из камчатских острогов, а также справку о запасах провианта у судовой команды и прибывших служилых людей³².

На рейде в Охотске «Св. Гавриил» стоял 10 дней. 2 октября по распоряжению Розыскной канцелярии Охотское правление выдало Генсу для передачи в камчатские остроги пять пудов свинца. 5 октября 1733 г. «Св. Гавриил» покинул Охотский порт. С Генсом до Большерецка направились, кроме экипажа судна, В. Ф. Мерлин с командой, вновь назначенный командир камчатских острогов иркутский дворянин И. Добрынский со служилыми людьми, а также «купецкия и промышленники». С большим трудом добравшись до острога, Генс занялся подготовкой бота к очередному летнему морскому походу. За помощью он обращался 4 ноября и 3 декабря к Мерлину, добываясь, чтобы тот дал распоряжение Гвоздеву прислать работных людей и хозяйственное имущество. Для ремонта Генс потребовал 4 плотников, кузнеца, 3 пуда железа, а также 100 аршин толстого холста и 4 фунта ниток, имея в виду, что все остальное имелось в Нижнекамчатском остроге у Гвоздева. В тот же день штурман направил к геодезисту матроса Л. Сметанина, который должен был вернуться с материалами в Большерецкий острог не позднее апреля 1734 г.

Одним из первых важных решений В. Ф. Мерлина на Камчатке явился указ 30 ноября 1733 г. штурману Я. Генсу немедленно принять у подмастерья И. Спешнева всех «партовских» служилых людей и имеющиеся при партии припасы и материалы³³. Кроме того, Мерлин обязал Спешнева выехать вместе с И. Добрынским в Верхний и Нижний остроги и передать их и «е.и.в. казну» в ведение нового камчатского командира. Повидимому, в Большерецком остроге майор нашел какие-то служебные упущения Спешнева и решил заменить скомпрометированного к тому же матросским доносом подмастерья новыми руководителями. И. Спешнев, получив приказ начальника Розыскной канцелярии, 2 декабря сообщил о возможности передачи только 19 служилых людей партии под его началом

³² Там же, д. 5, л. 14 и об., 24 и об.

³³ Там же, д. 4, л. 178, 223.

при Большерецком остроге. Он пытался объяснить Генсу свое затруднительное положение: «... а имеется ли при оных служилых людях аммуниция, всякие припасы подлинно справитца ныне невозможно, понеже у оной партии имелся я не один, а имелся прежде меня геодезист Михайло Гвоздев, который и поныне обретается в Нижнем камчадалском остроге. Того для оную команду мне без него, Гвоздева, тебе, штурману Генсу, отдать невозможно»³⁴.

С приходом В. Ф. Мерлина произошли существенные изменения в управлении камчатскими острогами и партией. Я. Генс продолжал командовать ботом «Св. Гавриил» и принял большерецкую команду партии. Подмастерье и геодезист сдали камчатские остроги И. Добрынскому и стали выполнять свои основные обязанности. И. Спешнев по-прежнему занимался заготовкой леса и судовыми ремонтными работами, С. Гардеболь — поисками руд и минералов. М. Гвоздев продолжал руководить укреплением острогов, в его ведении находились плотники, кузнецы и другие специалисты. Кроме того, Скорняков-Писарев возложил на него ответственность за осуществление одного из своих проектов, придав геодезисту большой отряд партии «для розчищения дороги и учреждения почты» на Камчатке.

7 июня 1734 г. В. Ф. Мерлин приказал Генсу отправиться в Охотск, с обратным рейсом привезти на Камчатку продовольствие и майора Павлуцкого. 13 августа на бот была доставлена собранная в 1733—1734 гг. «мягкая рухлядь». К ноябрю того же года Генс вернулся на Камчатку и по ордерам Павлуцкого провел полную проверку, «переписание и пересмотр» такелажа, материалов, шкиперских и штурманских припасов.

Наступил 1735 г.— год коренных перемен в судьбах Гвоздева, Спешнева и Генса. В связи с рассмотрением дел по доносам Л. Петрова и И. Скурихина во второй половине 1735 г. покинули Камчатку М. С. Гвоздев, И. Спешнев и Я. Генс. Они, так же как и матрос Л. Петров и штурман С. Хитрово, в именном реестре команды Охотского правления показаны отправленными в Иркутск «по важному делу». Этот реестр составил 10 мая 1737 г. В. Беринг для Ад-

³⁴ Там же, л. 183 и об.

миралтейств-коллегии, поручившей ему, помимо руководства Второй Камчатской экспедицией, иметь «главный надзор» над устройством Охотского порта. В списке показаны 29 «морских и адмиралтейских служителей», командированных к Г. Г. Скорнякову-Писареву (69, с. 77—78).

4 августа 1735 г. бот «Св. Гавриил» вновь прибыл в Охотский порт. Находившийся в Охотске помощник В. Беринга капитан М. П. Шпанберг, руководивший постройкой судов и возведением жилых и административных зданий для Второй Камчатской экспедиции, приказал Генсу выдать всем морякам провизию на август и «определить» их на работу. 14 служилых людей, прибывших на боте, капитан отправил в Охотскую ясачную избу. После этого «Св. Гавриил» был передан Генсом Шпанбергу для экспедиции, а судовые «припасы» приняли у Л. Сметанина подконстапель Юрий Аритландер и боцманмат Степан Серебряков³⁵.

9 сентября Шпанберг получил письмо от Скорнякова-Писарева, предлагавшего прислать в канцелярию Охотского порта во исполнение указа «для отсылки» в Тобольск «по важному секретному делу» через Иркутскую провинциальную канцелярию «скована под крепким караулом» штурмана Я. Генса. На другой день сержант Камчатской экспедиции М. Кузнецов сдал подследственного Генса канцелярскому копиисту А. Зуеву³⁶. 29 марта 1736 г. при промемории Беринга сибирскому губернатору Я. Генс был прислан в Тобольск, где и «обретался на поруках». В последнем своем доношении, написанном в сентябре 1737 г., незадолго до смерти, штурман, «претерпевая немалую нужду», просил Сибирскую губернскую канцелярию выдать жалованье за майскую и сентябрьскую трети. Лишь через несколько лет Адмиралтейств-коллегия по ходатайству вдовы Марии Генс «для сущей ее с малолетними детьми бедности» выдала «удержанное заслуженное» жалованье умершего штурмана³⁷.

И. Спешнев, находившийся под следствием, был оправдан. Сибирский приказ 30 октября 1739 г. санкционировал выдачу всех отобранных у него различных товаров, а через месяц указал сибирскому губернатору

³⁵ Там же, д. 14, л. 198—199; д. 99, л. 370.

³⁶ Там же, д. 14, л. 9—10.

³⁷ Там же, д. 4, л. 177; д. 99, л. 370.

ру «о даче отправляющемуся в Санкт-Петербург в Адмиралтейскую коллегия бывшему в Камчатской экспедиции ботового и шлюпочного дела подмастерью Ивану Спешневу на две ямские подводы денег» 5 рублей 31 коп.³⁸

20 мая 1737 г. в Сибирском приказе рассматривалась отписка тобольского губернатора П. Бутурлина с приложением копии доношения из Иркутска от вице-губернатора А. Плещеева, который в свою очередь излагал содержание полученного им рапорта Якутской воеводской канцелярии. Якутский воевода А. Заборовский докладывал по инстанции о прибытии геодезиста М. Гвоздева, следовавшего «по некоторому делу» далее в Иркутск и просившего 26 сентября 1735 г. принять у него казенные вещи. Геодезист объяснил воеводе, что «имелся он при посланной партии для сочинения ланкарт, и дано было ему в Санкт-Петербурге из Академии инструментов, да из Московской рентереи материалов, а коликое число и каких, тому сообщен от него реестр». Инструменты и материалы у Гвоздева в Якутске были приняты «под охранение до указа»³⁹. Иркутская провинциальная канцелярия указала все вещи хранить и «в расход не употреблять». Как выяснилось, ни о геодезисте, ни о тобольском следствии Сибирский приказ не имел представления, поэтому немедленно последовало распоряжение иркутскому вице-губернатору прислать известие — «Гвоздев из Якутска в Иркутск по какому делу выслан», а в журнале заседаний приказа появилась запись: «И ежели оной (геодезист.— Л. Г.) по тому делу освобожден или впредь будет свободен, то показанныя инструменты и материалы отдать ему по-прежнему. Буде же он, Гвоздев, по тому делу свободен не будет, то оные инструменты и материалы отдать в команду, в которой он, Гвоздев, обретался»⁴⁰.

Пока в Сибирском приказе принимали решение о казенных вещах геодезиста, оставленных им в 1735 г. в Якутске, в Тобольске уже завершилось следствие по делу Генса и Гвоздева, обвиненных в государственных преступлениях («по первому и третьему пунктам»). Матрос Л. Петров на очной ставке в Сибирской гу-

³⁸ ЦГАДА, ф. 24, кн. 14, ч. 19, л. 145 и об.; кн. 15, ч. 1, л. 467.

³⁹ Там же, кн. 14, ч. 10, л. IV (№ 236); ч. 11, л. 78 и об.

⁴⁰ Там же.

бернской канцелярии и при допросе в канцелярии Тайных розыскных дел заявил, что «важности по тем пунктам ни за кем он не знает и от помянутого Генса и Гвоздева и ни от кого не слышал, а затеел напрасно»⁴¹. Тайная канцелярия отослала Петрова в московскую Адмиралтейскую контору «для учинения» наказания в соответствии с законодательством за лжесвидетельство, установив одновременно, что Генса и Гвоздева «важности никакой не касается», и признав тем самым обвиняемых невиновными⁴². На основании указа 11 октября 1733 г. за ложный донос Петрова в Москве прогнали пять раз сквозь строй из 500 солдат. Для определения матроса к дальнейшей службе 20 ноября 1736 г. он был прислан в Адмиралтейств-коллегию, а оттуда 16 декабря того же года переправлен в Кронштадт.

Приведенные сведения, поступившие из Тайной канцелярии, рассматривались на заседании Адмиралтейств-коллегии 14 февраля 1738 г., когда и было принято решение послать указ, «где они имеются», о штурмане Генсе и геодезисте Гвоздеве. Предусматривалось обоим, «ежели содержатся, ис под караулу свободить и, выдав подлежащее им жалованье, Генса отправить по-прежнему в Камчатскую экспедицию к капитану-командору Берингу, а геодезиста Гвоздева, где он обретаецца, в прежнюю команду при указах немедленно» (69, с. 74—79).

Адмиралтейств-коллегия, определившая выдать по прошению М. Генс жалованье ее умершего в 1737 г. мужа, в течение пяти лет не могла выяснить, имел ли штурман какую-либо служебную задолженность. Поэтому указом 7 сентября 1742 г., посланным и Берингу, и Шпанбергу, коллегия предупредила, что в случае обнаружения штурманских долгов и «начетов» за казенное имущество взыскано будет с тех, «от кого через немалые годы о тех припасах не репортовано и до смерти ево, Генса, взыскания не учинено». Отмечалось, что на предыдущее требование прислать сведения о «щетах» Генса Шпанберг сослался на отсутствие в экспедиционных делах нужных данных, а от Павлуцкого и Скорнякова-Писарева вообще не поступили ответы, в то время как штурман был в команде у то-

⁴¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 212, оп. 7, № 206, л. 116.

⁴² Там же.

го и другого. Также неизвестно, «у какого приходу и расходу» находился Генс у А. Ф. Шестакова. «Токмо де, по известию геодезиста Михайлы Гвоздева,— отмечает указ,— в 730-м году принят был им, Генсом, бот „Гаврил“ с припасы от якутского сына боярского Ивана Шестакова, а что на том боту принято было припасов, в том он, Гвоздев неизвестен. А в 732-м году тот бот с припасы ж по ордеру Павлуцкого принял у него, Генса, он, Гвоздев. А в 733-м году от Охотского правления отдал он, Гвоздев, тот бот и с припасы ему, Генсу. И приняв де тот бот, перевозил на нем яшашную казну в Охоцк и из Охоцка на Камчатку и паки с Камчатки, а потом тот бот взяли под ведение свое Вы» (т. е. Шпанберг.— Л. Г.)⁴³. Коллегия сетовала и на то, что о всех приемосдаточных операциях ей сообщено не было. Шпанберг получил указ в Якутске 23 мая 1743 г. и 5 ноября подтвердил отсутствие сведения о штурмане «за небытием ево, Генса, никогда в команде моей» и сообщил, что о приеме им «Св. Гавриила» он «обстоятельно» доложил В. Берингу еще в 1740 г.⁴⁴

События 1735—1738 гг. М. С. Гвоздев коротко описал в челобитной-автобиографии 1743 г.: «А в 1735-м году взят я был по показанию на меня в.и.в. дела матрозом Леонтьем Петровым в Тобольск. И по тому делу содержался в Сибирской губернской канцелярии 1738 году по июль месяц и по решению того дела явился прав» (25, с. 43—44). Несколько иные акценты расставлены геодезистом в аналогичном более позднем документе (1758 г.): «... и обретался при команде на Камчатке по 735-й год, а в том году по прибытии на Камчатку... Павлуцкого отправлен я был по некоторому секретному ложному на меня доносу в Тобольскую губернскую канцелярию и содержался безвинно в той канцелярии 738 году по июль месяц и во оном же году по невинности моей освобожден» (52, с. 157).

⁴³ Там же, ф. 216, д. 2, л. 215—216.

⁴⁴ Там же, д. 99, л. 370.

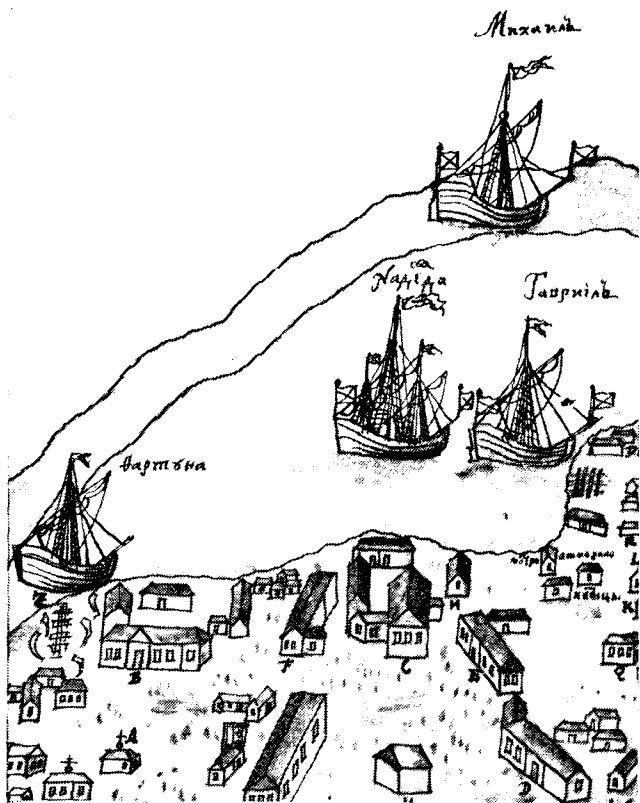
Картограф Охотского порта и Второй Камчатской экспедиции

Летом 1738 г. М. С. Гвоздев по решению Адмиралтейств-коллегии был послан из Тобольска в Иркутскую провинциальную канцелярию, откуда в мае 1739 г. направлен к Г. Г. Скорнякову-Писареву. «И по прибытии моем в Охоцк,— отмечал Гвоздев,— был при команде Охоцкого порта по 741 год при исправлениях по должности своей». Прослуживший к тому времени в Сибири 12 лет, обойденный чинами и жалованьем, без видимых перспектив продвижения по «многотрудной» службе или, как говорили в то время, оставшийся «в закоснении», несомненно обиженный, через два года после реабилитации М. С. Гвоздев в июле 1740 г. сделал попытку изменить свое положение. Через «почту» В. Беринга он послал одновременно челобитную на имя императрицы Анны Ивановны и прошение в Адмиралтейств-коллегию, но ответа не получил.

За те четыре с лишним года, пока Гвоздев находился в пути и под следствием, в Охотске произошли значительные перемены. В 1737 г. сформировалась Охотская флотилия Второй Камчатской экспедиции. К боту «Св. Гавриил», принятому Шпанбергом у Генса и отремонтированному в 1736 г., присоединился шитик «Фортуна». Под наблюдением Шпанберга и руководством мастеров Рогачева и Кузьмина в 1735—1737 гг. были сооружены бригантина «Архангел Михаил» и трехмачтовый дубель-шлюп «Надежда». Общий вид четырех кораблей на рейде в Охотске изображен в 1737 г. на «Плане Охоцкого острога»¹. Еще в 1736 г. Скорняков-Писарев начал переносить служебные строения из старого острога в район заложенного им порта. Однако в результате сильных дождей и мощного наводнения образовалось новое устье р. Охота и узкий остров, при этом многие постройки пострадали. Выбор места для порта и поселения служилых людей был предметом ожесточенных споров и одной из причин крупной ссоры Скорнякова-Писарева со Шпанбергом и Берингом. Первый категорически отвергал любые приводимые доводы, доказывая, что лучше избранного им

¹ ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 104. Другая копия плана опубликована Ф. Голдером и С. В. Знаменским (32, с. 87—88) из фонда Беринга (ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 24, л. 1019 об.).

Охотская флотилия Второй Камчатской экспедиции в 1737 г.
Фрагмент плана

ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 104

места для устройства нового острога и судовой верфи «нигде не обретається», обвинял Беринга и Шпанберга в том, что они хотят «дело Охоцкого порта привести в конфузию и его, Писарева, теми лжами безсовестно повредить»².

Назначенному на место Скорнякова-Писарева командиром Охотского порта Антону Девиеру по сенатскому указу 20 августа 1739 г. повелено было произ-

² ЦГАДА, ф. 248, кн. 1361, л. 43—44; кн. 1367, л. 1121—1129; ф. 24, кн. 14, ч. 19, л. 323 об.

вести «осмотр в Охоцку поселивших пшских мест» и «где удобнее быть строению». Сибирский приказ 28 февраля 1740 г. подтвердил сибирской администрации и А. Девиеру важность срочного проведения осмотра и принятия решения о месте поселения.

В конце 1740 г. А. Девиер лично осматривал место, удобное для поселения и устройства верфи, в 30 верстах вверх от устья Охоты в районе впадения в нее р. Малчикан. При осмотре с ним были два представителя Якутской канцелярии (сын боярский и пятидесятник), а также «лучшие люди из охотских обывателей» — геодезист, поп, ластовых судов мастер, сержант, каптенармус, 3 подпрапорщика, 5 служилых людей. Комиссия установила, что урочище Малчикан «угодно» к поселению и значительно лучше по природным условиям, чем место, ранее избранное Писаревым «у моря на дресве». На Малчикане «лесов и трав для кошения сен и рыбного промыслу довольно и вода пресная, в зимнее время не замерзает» и «от водяного потока безопасное»³.

В своем докладе об очевидных преимуществах Малчикана Девиер обобщил «сказки» всех «бывших при нем у того осмотру различных чинов людей». К рапорту в Адмиралтейств-коллегию прилагался план местности, составленный М. Гвоздевым. Выполняя свои непосредственные обязанности, геодезист сопровождал Девиера «для описания к поселению удобных мест и сочинения обстоятельного чертежу». Предложения охотского командира внимательно изучили в Адмиралтейств-коллегии, которая отметила, что он не показал, удобно ли «обысканное место» Малчикан для сооружения судов и их беспрепятственного прохода в Охотск. Коллегия рекомендовала Девиеру в случае затруднений с «судовым строением и сплавом судов» оставить верфь на прежнем месте⁴.

В 1741 г. развернулись рекогносцировочные и исследовательские работы в Охотском море. В описании берега от Охотска на север до р. Иня (95 верст) и на юг до р. Улья (144 верст) принял участие вернувшийся из морского похода капитан Вилим Вальтон, командир одного из кораблей отряда Шпанберга, дважды побывавший у берегов Японии. Охотская канцелярия по

³ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 56, л. 1074.

⁴ Там же, л. 1074—1077 об.

представлению В. Вальтона возложила на М. С. Гвоздева проведение описания берега на юг от Охотска. По инструкции капитана полагалось: описать не менее 200 верст, исследовать впадающие в море реки, измеряя их глубину в устьях, особое внимание уделить обследованию р. Уда, осмотреть «угодные по ней пашенные места и леса», определить возможность зимовки морских судов. Подлежали описанию и острова, «лежащие на море, которые от берега в виду». Гвоздеву предлагалось побывать самому на островах, расположенных вблизи морских берегов, «для лутчаго описания и обсервации». В. Беринг распорядился выделить геодезисту одну или две лодки «с надлежащими припасы» для переездов с берега на берег через реки и после завершения работ представить «о всем ево пути исправные журнал и карту» (69, с. 168—169). О выполнении этого служебного задания Гвоздев записал в автобиографии 1758 г., как он был послан «для описания морского берега от Охоцкого устья в Уцкую сторону, которой мною... и описан». Вероятнее всего, это относится к периоду между второй половиной апреля и 14 июля 1741 г.

Первым историком плавания Гвоздева было совершенно непонятно, по какому поводу в апреле 1741 г. ссыльный И. Ф. Скурихин сделал в канцелярии Охотского порта заявление о морском походе 1732 г. к берегам Аляски (59, с. 82). Между тем из доношения 15 сентября 1742 г. в Сенат иркутского вице-губернатора Лоренца Ланга о получении им от А. Девиера из Охотска описания и чертежа «о жительстве» чукчей видна истинная причина интереса в Петербурге, Тобольске, Иркутске и Охотске к Чукотскому полуострову, Большой земле и островам в Беринговом проливе. Чертеж и описание Я. Линденау командир Охотского порта выслал в Иркутскую провинциальную канцелярию «для подлинного известия и лутчаго знания... о жительстве» чукчей, «где они жилища свои имеют, и по каким местам и рекам кочуют, и с какими именно российскими местами смежны, и каким путем и откуда ближе можно к ним пройтить»⁵. Справочно-практическое назначение этих документов бесспорно. Подобного же рода сведения Охотская канцелярия пыталась получить и у непосредственных участников по-

⁵ ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, кн. 1552, л. 1 об.— 2.

хода 1732 г., чьи данные, несомненно, были знакомы автору чертежа 1742 г. и использованы им для изображения побережья Чукотки, островов в Беринговом проливе и части западного берега Аляски. Таким образом, отнюдь не случайный характер носило «объявление» в Охотской канцелярии И. Скурихина, одного из участников экспедиции Шестакова—Павлуцкого, наказанного и сосланного в Охотск за ложный донос на И. Снешневца.

Благодаря особенностям коллежского делопроизводства нам стало известно о наличии 12 списков двух сообщений И. Скурихина. Еще в XIX в. для освещения похода к Большой земле были использованы показания И. Скурихина: они изложены А. Полонским (51, с. 397), а А. Соколов опубликовал в сокращенном и несколько модернизированном виде текст допроса 10 апреля (59, с. 104—107). Советским ученым, в особенности А. И. Андрееву и А. В. Ефимову, удалось ввести в научный оборот новые дополнительные материалы — запись рассказа Скурихина 8 апреля в копии, приведенной при рапорте А. Девиера 1 мая 1741 г. в Иркутскую канцелярию, копия самой подробной и полной записи показаний 10 апреля, попавшей к Г. Ф. Миллеру от капитана Т. Шмалева, изложение «объявления» и сокращенной версии «скаски» в подлинной промемории охотского командира Афанасия Зыбина 20 апреля 1743 г. М. П. Шпанбергу (53, с. 101—106; 30, с. 236—238). В свою очередь, Шпанберг к своему рапорту 5 ноября 1743 г. в Адмиралтейств-коллегию приложил полную копию апрельской промемории А. Зыбина⁶. Дважды изложены рассказы Скурихина Л. Лангом: в доношениях в Сибирский приказ 27 октября 1741 г. и в Сенат 15 сентября 1742 г.⁷ В первом из них, поступившем в Сибирский приказ 19 января 1742 г., иркутский вице-губернатор кратко доложил о сообщении Скурихина, «который де был в 732-м году на морском боте, именуемом „Гавриил“, в команде геодезиста Гвоздева да с подштурманом Федоровым в морском походе из устья реки Камчатки. И между де Камчатским и Анадырским устьями видели де они в море в правой стороне два острова

⁶ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 99, л. 355 об.— 358.

⁷ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 7, л. 5122, л. 1—2; ф. 248, оп. 113, кн. 1552, л. 2.

величиною версты по три. А от Анадырского де устья путь свой имели прямо в море в восточную сторону и, шед способным ветром дней с пять, увидели в левой стороне землю, которой де, не дошед в полверсте, рассмотрели, что земля юртами по берегу и народу ходящаго по той земле множество, лесу на ней листовеничник, ельник и тополник. И поили де подле ту землю в левую сторону и шли дней с пять, однако ж де конца той земли не дошли и усмотреть не могли и поворотили де назад. С которой де земли приплывал к ним туточной житель и чрез толмача имел разговор, звал их к себе на землю, обещая дать довольно корму. Однако же де, на той земли они не были и, идучи де назад на Камчатку, из вышеозначенных двух островов, которые де они, прежде идучи, видели, на одном острову были, на котором де живут люди ж. И возвратясь де ис того походу, пришли паки на Камчатку. А вышепомянутую де найденную ими великую землю от устья Анадырского можно на судне доброю погодою дойти дней в пять, а от Чюкоцкого де носу возможно дойти в одни или в полторы сутки»⁸. Эта цитата — один из вариантов изложения бесхитростного рассказа ссыльного казака о плавании. В Охотске же показания Скурихина 8 и 10 апреля 1741 г. были сравнены с еще хранившимися, но позднее исчезнувшими и до сих пор не найденными отчетными материалами о плавании, которые прислал М. С. Гвоздев 23 декабря 1733 г. Результаты сопоставления оказались малоутешительными. А. Девиер доложил в Иркутск, что из показания Скурихина, «усмотря о такой прежде неведомой Охотскою канцеляриею Большой земле, новая учинена в канцелярии Охоцкого порта с прежними от помянутого геодезиста Гвоздева репортами справка, по которой о той земле ясного виду не нашлось» (53, с. 104—105). Было решено получить от Гвоздева, как одного из главных действующих лиц похода, необходимые разъяснения и карту плаваний. По обыкновению поручение геодезисту командир Охотского порта оформил в виде ордера.

Новый (второй после 1733 г.) отчет о плавании к Большой земле по ордеру А. Девиера М. С. Гвоздев составил, как утверждают архивные и опубликованные источники, в апреле 1741 г. И лишь А. Полонский

⁸ Там же, ф. 214, оп. 1, ч. 7, д. 5122, л. 1—1 об.

точно — 13-м апреля — датирует рапорт геодезиста, поданный в Охотскую канцелярию в присутствии С. Вакселя. В последующих публикациях этого документа, передаваемого в переложении (например, А. Зыбиным 20 апреля 1743 г.), точная дата нигде не называется; местонахождение же оригинала до сих пор, к сожалению, не определено. Как и показания Скурихина, рапорт Гвоздева 13 апреля 1741 г. известен в нескольких списках, из которых «зыбинский» наиболее пространен и, по-видимому, наиболее близок к оригиналу. При рапорте 1 мая 1741 г. Девиера в Иркутск и допошении 27 октября того же года Ланга в Сибирский приказ приведено только краткое извлечение (за 21 августа 1732 г.) из отчета Гвоздева, относящееся непосредственно к Большой земле.

На основании полученных данных, свидетельствующих о несомненной близости Большой земли к азиатским берегам (от Чукотского мыса и Анадырского устья «можно доходить» соответственно за 1—1,5 и 5 суток), А. Девиер внес на усмотрение Иркутской канцелярии предложение поручить Берингу или Анадырской партии изготовить небольшие суда («шитики») и на них «туда идти и искать е.и.в. высокого ис того интересу». Призывая провести «изыскание» неизученного района, Девиер прозорливо заметил: «А не без сомнения, что оная Большая земля и не часть ли взыскуемой Америки находится». Рассмотрев доношение Ланга по рапорту Девиера и собранные сведения о морском походе, Сибирский приказ 1 февраля 1742 г. поддержал все предложения «о определении для взыскания Большой земли и островов» и передал Сенату на утверждение принятое решение поручить Берингу продолжить эти исследования⁹.

Между тем поручение Девиера геодезист не смог выполнить полностью. Гвоздев подготовил рапорт, но никаких картографических произведений о морском плавании не представил. Можно предположить, что при этом он вновь повторил все доводы о невозможности составления карты, не имея главного источника — исправного вахтенного журнала. Все же А. Девиер донес по начальству «о учинении означенным Гвоздевым при отдании вышеупоминаемого ордира о подании ему в канцелярию Охотского порта о островах и Большой

⁹ Там же, ф. 24, кн. 14, ч. 22, л. 174 и об.

земле репорта и злости и с упрямством к команде *противности*» (курсив наш.— Л. Г.). В присланном 6 июля 1742 г. указе из Иркутской канцелярии в отношении «противностей» геодезиста рекомендовалось «поступать с ним, яко командиру, по указом и регламентом во всем непременно». Одновременно командиру Охотского порта предписывалось «возыметь» с офицерами Камчатской экспедиции «сношение», и если об островах и Большой земле «получитца подлинное известие», то срочно сообщить в Иркутск. При отсутствии каких-либо сведений на Охотскую канцелярию возлагалось изготовление судов и отправление специальной экспедиции «для изыскания такого подлинного известия» и описания островов и Большой земли.

В обстоятельном докладе Сенату иркутский вице-губернатор высказал ряд соображений по поводу чукчей и свидетельств о морском походе 1732 г. Прежде всего, он предположил, что чукчи полуострова, по-видимому, «имеют с теми людьми, на которой земле видели вышеописанный Скурихин да геодезист Михайло Гвоздев, сходство и дружбу» и что эти «неизвестные народы оным чукчам помогают и сообщаютца с ними». Л. Ланга удивил тот факт, что «экспедиционные служители уже давно пребывают в здешних краях в морских походах, а того к пользе е.и.в. высокого интереса или вышеупомянутая неизвестная земля и народы не изыскано и не изведено». Косвенное подтверждение существования Большой земли он нашел «в слухах... от протчих народов, что оная земля и народы есть подлинно, токмо того подлинно неизвестно, что какая оная земля есть, и на ней какие народы жительствуют, и в каких действиях и нравах состоят»¹⁰.

Подтверждая необходимость организации в Охотске новой экспедиции к островам и Большой земле, Иркутская провинциальная канцелярия разработала и для Д. И. Павлуцкого, вновь назначенного главой усиленной Анадырской партии, обширную программу сбора различных сведений. Ему поручалось, находясь «в тамошних местах, наведываться всячески», а особое внимание уделить расспросам «чукотских людей». Намечалось получить разносторонние данные: расстояния от «чукотских жилищ» до островов и Большой

¹⁰ Там же, ф. 248, оп. 113, кн. 1552, л. 2 об.

земли, характеристику путей и средств сообщения, наличие лесов, угодий, гаваней; о народонаселении, названиях народов, языке — имеет сходство или различие с чукотским, подданстве, политическом устройстве, пахотных землях, промыслах, вере, грамоте (письменности), одежде, денежном обращении, полезных ископаемых. Подлежало выяснить, нет ли за островами и Большой землей «земель и островов с людьми, о которых здесь неизвестно, и на оных какие ж имеютца народы и под чьею державою»¹¹.

Вскоре после возвращения из «удской посылки» в жизни Михаила Спиридоновича Гвоздева начался новый и важный этап. По инициативе М. П. Шпанберга 14 июля 1741 г. он был зачислен геодезистом Второй Камчатской экспедиции. Надо полагать, что А. Девиер в результате конфликта по поводу рапорта не стал возражать против перехода из команды Охотского порта несговорчивого, строптивного и отстаивающего собственное мнение приравненного к младшим офицерам геодезиста. В этот период вернувшаяся из плаваний к берегам Японии флотилия из четырех судов — пакет-бот «Св. Иоанн», бригантина «Архангел Михаил», дубель-шлюп «Надежда» и шлюп «Большерецк» (командиры: капитан М. П. Шпанберг, мичман А. Е. Шельтинг, мичман В. Ртищев и боцманмат М. Козин) — готовилась к новому походу. Однако подготовку к экспедиции 1741 г. удалось завершить только к концу лета, удобное время для плаваний было упущено. Тогда Шпанберг отправил три корабля на зимовку в Большерецк, а продолжение исследований Охотского моря поручил А. Шельтингу и М. С. Гвоздеву. Сохранившийся вахтенный журнал дубель-шлюпа «Надежда» в «команде мичмана Шхельтинга от реки Охоцкого устья даже до Шентарских островов... и до Курильских островов и до Камчатки до Большерецкого устья...» день за днем с 4 сентября по 14 октября 1741 г. отмечает маршрут судна и описывает «разные случаи»¹².

Направившись из Охотска вдоль западного побережья, экипаж дубель-шлюпа «Надежда» 9 сентября увидел Шантарские острова. Записи в судовом журнале вели геодезист М. Гвоздев и штурман В. Ртищев.

¹¹ Там же, л. 7—9.

¹² ЦГАВМФ СССР, ф. 913, оп. 1, д. 38, л. 440—460 об.

При проведении описи мореплаватели измеряли глубину, отмечали метеорологические условия, силу и направление течения, свойства грунта, особенности берегов и устьев рек. 15 сентября «Надежда» вошла в устье р. Уда, положение которого было определено на $55^{\circ}30'$ с.ш. (с погрешностью на $48'$ севернее действительного положения). М. С. Гвоздев с командиром судна поднялись на двух ботах с местными проводниками к Удскому острогу, откуда возвратились 21 сентября. В отчете о поездке с геодезистом по Уде А. Шельтинг суммировал совместные наблюдения, характеризующие географическую и гидрографическую выучку мореплавателей. При описании они стремились к наиболее полному и детальному освещению вопросов, предусмотренных инструкцией М. Шпанберга. В устье, писал мичман, «на банке па самую убылую воду было воды на 3 фута, в морской прибывает в полнолуние на 12 фут и на 4 дюйма. А та Удь река имеет в себе множество устей, которые весьма мелки и в россыпях, и на устье по берегу лес листеничной, и то суховатой и к строению судов неудобной... А судами, которые ходят глубиною от 6 до 8 фут, ходить и зимовать ни в какой мере невозможно, понеже оная река имеетца в немалых шиверах и во островах и местами мелководна и к гавани удобных мест не сыскалось. А лес по берегу той реки растет: лиственница, березник, сосник, ельник, топольник, токмо негодной и суковатой и к строению судов неудобной... Також и пахотных мест имеется мало и недовольно, и земля негодная, песок серой» (52, с. 478).

22—28 сентября «Надежда» лавировала вблизи Шантарских островов в поисках надежной якорной стоянки. Из-за течи плавание было прервано и судно срочно отправилось в обратный путь. 12 октября, как записал в журнале Гвоздев, при облачной погоде и северо-восточном ветре «шли завозом» к речке Чекавке, но из-за темноты встали на якорь. Ночью — «лунное сияние и блистание звездное», мороз, крепкий ветер. На другой день опять стали «тянуться завозом» и, несмотря на «великой» снегопад, «поднялись» к месту стоянки и выгрузили на берег бочки, провиант в сумах, круцу и мясо¹³. 14 октября «Надежда» при-

¹³ Там же, л. 460.

соединилась к остальным судам флотилии Шпанберга в Большерецке. 28 ноября А. Шельтинг подал рапорт о проведенном плавании, а также составленные им и М. С. Гвоздевым судовой журнал и карту.

Глубокая осень, сопровождавшаяся штормами и туманами, и неисправность корабля не позволили Шельтингу и Гвоздеву продолжать плавание, но за короткий срок они сумели составить описи устья р. Уда и Шантарских островов. Для «лучшего рассмотрения» Адмиралтейств-коллегией результатов описи 1741 г. М. П. Шпанберг к своему докладу 20 мая 1742 г. приложил копии инструкции, рапорта мичмана, а также «скасок», взятых А. Шельтингом и М. Гвоздевым у крестьян и служилых людей «о севе хлеба, и о лесах, и о реке Уди, в которые числа оная ото льду скрываетца и становитца».

К весне 1742 г. в Большерецке завершились приготовления новой экспедиции к Японии. М. Шпанберг, по достоинству оценивший умелую работу Гвоздева во время сухопутной съемки и морской описи западной части побережья Охотского моря, назначил его помощником штурмана на дубель-шлюп «Надежда». 2 мая 1742 г. штурман судна мичман В. А. Ртищев был извещен командующим отрядом о посылке к нему «для вспоможения по должности вашей в содержании журналу и прочего геодезист Михайло Гвоздев, которому по его геодезической должности потребное исправление, как надлежит, чинить неотменно» (25, с. 32).

23 мая отряд из четырех судов с флагманом «Св. Иоанн» направился сперва к первым островам Курильского архипелага. Сильный туман и «противные» ветры осложнили навигационную обстановку. Вначале отстали бригантина «Архангел Михаил» и дубель-шлюп «Надежда», затем — шлюп «Большерецк». Достигнув $46^{\circ}21'$ с.ш., «Надежда» вернулась к Курильским островам.

Позднее Шпанберг вспоминал, как 11 июля, прибыв к первым Курильским островам на широте $50^{\circ}39'$ в 5 часов утра, моряки «Св. Иоанна» увидели лежащую под парусами отставшую от флагманского корабля «Надежду». После сближения оба судна последовали к проливу между островами Шумшу и Парамушир, где увидели бригантину и шлюп. «И потом, сообщал капитан в рапорте 11 декабря 1742 г., — по общему всех обер- и ундер-офицеров согласно по

Курильских островов отправил мичмана Шхельтинга да штурмана Ртищева на дубель-шлюпке „Надежда“ для описи Амура и Уды¹⁴. Новый командир «Надежды» А. Шельтинг 23 июля получил задание продолжить опись в соответствии с инструкцией 1741 г. и «следовать» от устья р. Уда к р. Тугур и далее до Амура — до 46° с.ш. Находясь у Юдомского креста и не имея сведений о судьбе «Надежды», Шпанберг выслал приказание Шельтингу выехать в Якутск, если тот «без интересных убытков и дальних трудов время иметь будет», взяв с собой Ртищева и Гвоздева и «забрав все бывшие в его вояже действия, а именно: журнал пути ево и прочее к тому потребное». Если же отъезд невозможен, то мичману предписывалось вместе с командой быть в Охотске «у исправления» дел, а судовой журнал и карту плавания прислать к Шпанбергу с нарочным¹⁵. С рапортом 11 декабря 1742 г. М. Шпанберг прислал в Адмиралтейств-коллегию карту и журнал своего плавания 1742 г., журнал Шельтинга о плавании в 1741 г. до Уды. Маршрут мичмана был положен на карту 1742 г. Шпанберга¹⁶.

Сохранился заверенный штурманом В. Ртищевым и геодезистом М. Гвоздевым судовой «дюрнал дубель-шлюп „Надежды“ в каманде мичмана Шхелденга от Курильского острова, называемого Алаида, от ширины северной 50°40′ склонение компаса $\frac{3}{4}$ румба восточное. 1742 году». В журнал внесены данные за 22 июля — 13 октября¹⁷.

24 июля от острова Алаид «Надежда» отправилась на запад и достигла восточного берега Сахалина в районе мыса Терпения. 3 августа мореплаватели провели ориентирование и определили географическую широту местоположения судна. М. С. Гвоздев внес в журнал: «47°35′ с.ш., на берегу — лес, земля низкая» (49, с. 75). Из залива Терпения «Надежда» направилась на север вдоль восточного побережья Сахалина, на широте 50°10′ развернулась и поплыла обратно на юг до 45°30′ с.ш. Во время плаваний у восточных берегов острова и в проливе Лаперуза сильные ветры и густые туманы затрудняли выполнение основной задачи —

¹⁴ ЦГАДА, ф. 248, кн. 1327, л. 21 об.

¹⁵ Там же, л. 22—23.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ЦГАВМФ СССР, ф. 913, оп. 1, д. 38, л. 495 об.— 521.

описание берегов, так как мореплаватели редко видели берег, находившийся от них в шести милях. 20 августа «за великим в судне течением и за недостатком морского провианта» дубель-шлюп повернул обратно и прибыл в Охотск 10 сентября. Наконец, 13 сентября «...вошли в реку Охоту и поставили судно на место»¹⁸. Через неделю А. Шельтинг доложил Шпанбергу о благополучном возвращении «Надежды» в Охотск, о последующем отправлении им при «особливом обстоятельном репорте» карты и журнала плавания.

В 1741—1742 гг. М. С. Гвоздев, выполняя не только свои непосредственные обязанности геодезиста, показал себя умелым и знающим специалистом-навигатором. Он занимался съемкой берегов, проводил необходимые навигационные измерения и астрономические наблюдения, нес вахтенные дежурства поочередно с мичманами — командиром и штурманом, вел судовые журналы. На материке М. Гвоздев совместно с А. Шельтингом и В. Ртищевым на основании записей журналов составлял итоговые карты. Нельзя сказать, что положение Гвоздева было исключительным. При острой нехватке офицеров и подготовленных специалистов высококвалифицированные геодезисты часто выполняли самые разнообразные задания. Так, геодезии подпоручик И. Свистунов в 1738—1739 гг. плывал с отрядом Шпанберга к Японии, в 1741 г. командовал бригантиной «Архангел Михаил», а геодезии подпоручик П. Скобельцын в 1742 г. плывал под командой М. Шпанберга на пакетботе «Св. Иоанн». В автобиографии 24 августа 1743 г. М. С. Гвоздев без пояснений перечисляет выполнение им заданий на службе во Второй Камчатской экспедиции: «Взят я был в команду ево, Шпанберха, и послан на дубель-шлюбке, имянуемой „Надежде“, в вояж с мичманом Шхельтенгом для описания берега до Уцкого устья и до Амурских берегов. А в 742-м году определен я был на том же судне мичманом Васильем Ртищевым для описания до Японских берегов. Да в том же 742-м году паки определен был с... Шхельтенгом на том же судне для описания Амурского устья и берегов. И в тех посылках в бытность мою исправлял положенное на меня дело, так

¹⁸ Там же, л. 521.

Дата	Время	Ветер	Температура	Сила ветра	Состояние неба	Примечание
1	0	-	-	-	-	Погода облачная хрю хрю ветер ветер с востока /
3	М	-	-	-	-	ветер Малон хрю хрю /
5	М	-	-	-	-	ветер Малон хрю хрю /
7	С	-	-	-	-	шелк известно с востока охоты рин
12	С	-	-	-	-	близкии 3 часа ветер Малон
1	С	-	-	-	-	С
5	-	-	-	-	-	С хрю хрю
9	С	С	С	С	С	
12	С	С	С	С	С	Ветер с востока труднело видеть по дымам
<p>Сего числа 13 зме выжили ветер охоты хрю хрю хрю (уно Калитин Линной дурна Заруной Командующий Флотом Милана Ф. Шторманска /</p> <p>Застрахован шторманска Василья рттинцаева / Горюшня михала ввзрва /</p>						

Записи 11—13 сентября 1742 г. в вахтенном журнале дубель-шлюпа «Надежда»

ЦГАВМФ СССР, ф. 913, д. 38, л. 521

и в морском хождении, со всею моею ревностию неу-
сыпно» (25, с. 44). В автобиографии 1758 г. геодезист
повторил те же сведения, но, заключая, подчеркнул
важную подробность: «И будучи в тех морских воя-
жах, не токмо положенное на меня по моей должно-
сти дело, но и штурманскую должность исправлял со

всякою моею ревностию» (52, с. 148). Как оказалось, за морскими плаваниями отряда Шпанберга и работой Гвоздева, в частности, внимательно следил новый командир Охотского порта А. Зыбин, осведомленный о командировании геодезиста в 1741 г. «для посылки от Охоцка Пенжинским морем или каким путем удобнее до Уди реки, а от оной, сколько возможно допустит, к реке Тугуру даже и до устья реки Амуру для осмотра и описания мест», о «взятъе» его в морские вояжи и возвращении в сентябре 1742 г. А. Зыбин пытался вернуть Гвоздева в команду Охотского порта. 21 февраля 1743 г. Охотская канцелярия потребовала у А. Шельтинга прислать М. Гвоздева, «дабы впредь во исправлении по ево должности е.и.в. дел за неимением геодезиста остановки не было»¹⁹. В ответной промемории 24 февраля мичман, ссылаясь на распоряжение Шпанберга о подготовке к выезду команды Шельтинга в Якутск, сообщил, что Гвоздева «отдать невозможно». Вторичное обращение 20 апреля А. Зыбина на этот раз непосредственно к М. Шпанбергу также не увенчалось успехом. Шпанберг, этот неуживчивый, грубый в обращении и недоверчивый человек, по отношению к Гвоздеву никогда не проявлял своей обычной недоброжелательности, сумев, по-видимому, верно оценить хорошую профессиональную подготовку, морскую выучку, волевые качества и серьезный многолетний опыт службы геодезиста на Дальнем Востоке. Воспитанник Морской академии М. С. Гвоздев, в суровых условиях походной жизни и морских плаваний проверенный как геодезист и мореход, стал полноправным участником Второй Камчатской экспедиции. Но деятельность экспедиции завершилась. Наступил 1743 год.

Геодезист, длительное время не получавший заслуженного им очередного звания, тем не менее привлекался к выполнению ряда таких обязанностей и поручений, которые обычно возлагались на младший офицерский состав. Таким образом он фактически был приравнен к младшим офицерам, что четко подтверждается также многочисленными списками и реестрами участников экспедиции и другими документами. Например, 18 июня 1743 г. в Преображенской церкви

---

¹⁹ Там же, ф. 216, д. 53, л. 730 п об.

Охотска 67 морских «служителей» приняли присягу племяннику Елизаветы Петровны Петру Федоровичу, объявленному 7 ноября 1742 г. наследником. В порядке субординации текст присяги по списку собственноручно подписали: мичман А. Шельтинг, мичман В. Ртищев, шкипер Д. Коростелев, штурман М. Петров, штурман А. Шаганов, геодезист М. Гвоздев, констапель И. Бобовский и др. Интересен рапорт 12 января 1743 г. Шпанбергу по делу солдата Якутского полка Михаила Полуяновского, подписанный членами специальной офицерской комиссии во главе с В. Ртищевым. Среди членов комиссии — М. С. Гвоздев. В другом коллективном рапорте 24 августа 1743 г. В. Ртищев, Д. Коростелев, штурманы Х. Юшин и Е. Родичев, а также М. Гвоздев сообщали, что они освидетельствовали принятое для экспедиции от Якутской воеводской канцелярии «казенное двойное и простое вино» в 60 флягах и составили реестр пронумерованных фляг. Наравне с другими офицерами Гвоздев выполнял самые разнообразные задания. Так, 2 сентября Шпанберг приказал Шельтингу со всеми обер- и унтер-офицерами осмотреть на судах «Св. Иоанн», «Архангел Михаил», «Надежда» весь такелаж, который на море «впредь употребитца не годен»²⁰.

Несколько раз М. С. Гвоздев принимал участие в географическом и гидрографическом обследовании окрестностей Охотска. Сильное наводнение 28 ноября 1742 г. послужило толчком для продолжения усиленных поисков, начатых при А. Девиере, более удобного места для устройства судовой верфи и порта, чем Охотск. Канцелярия Охотского порта и экспедиция совместно организовали рекогносцировочные поездки. «Для свидетельства и осмотру угодности называемом месте Малчикане судовому строению, тако ж и пристани и беспрепятственному сплаву тех судов» к устью Охоты 30 июня А. Шельтинг назначил «идти туда обще» В. Ртищева, констапеля Ю. Аритландера и М. Гвоздева с десятью служителями. В представленном отчете о поездке Шельтинг докладывал Шпанбергу, что, по мнению офицеров, на Малчикане «учредить верфь угодно», а сплав судов к морю из-за

---

²⁰ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 99, л. 233, 348—350; д. 53, л. 521 и об., д. 56, л. 807 и об.

множества речных «розсыпей» и мелководья невозможны²¹. В сохранившемся рапорте 7 июля, написанном М. Гвоздевым, пояснены характерные особенности реки — быстрое течение, множество протоков, глубины (9, 6, 3 фута и менее), мелководье, а также приведен элементарный расчет экономической нецелесообразности перевозки грузов малыми судами (52, с. 234—235). Вторая поездка состоялась в конце июля 1743 г., когда по распоряжению А. И. Чирикова на речном судне проводились исследования района устье Охоты — урочище Малчикан с задачей определить возможность сплава к морю небольших морских судов. Д. Коростелев и Х. Юшин, возглавившие плавание, в отчете 5 августа кратко описали маршрут от Малчикана вниз по р. Батом, которая «весьма разсыпнута протоками и на шиверах 1, 2, 3 и 4 фута»²². Моряки дали отрицательное заключение по поводу сплава судов из-за быстрого течения и мелководных мест. Решился на поездку к Малчикану и сам командир Охотского порта А. Зыбин. С ним туда вновь отправились В. Ртищев, Ю. Аритландер и в третий раз М. Гвоздев²³.

Удалось обнаружить сведения об имущественном положении Гвоздева. С переходом в 1741 г. в отряд Шпанберга материальное положение Гвоздева улучшилось. Расходные книги и именные списки команды Второй Камчатской экспедиции в Охотске содержат данные о денежном довольствии. Жалованье обычно выплачивалось по третям года — январская, майская и сентябрьская трети. Так, 7 марта 1743 г. М. С. Гвоздеву полагалось за январскую треть: 6 рублей окладного и 6 рублей «вторичного в награждение» ежемесячно, всего 48 рублей, а за вычетом на медикамент (по 1 коп. с рубля) к выдаче 47 руб. 52 коп. Он получил 25 июля такую же сумму за майскую треть, а в марте 1744 г. — за январскую треть текущего года. В расходной книге находим автограф: «По сей записке денежного жалованья сорок семь рублей пятьдесят две копейки геодезист Михайло Гвоздев принел и расписался»²⁴. В конце года составлялась общая смета

²¹ Там же, д. 56, л. 59.

²² Там же, л. 58.

²³ Там же, л. 58 и об., 67 и об.

²⁴ Там же, д. 99, л. 68, 102, 259 об., 322, 402 об.; д. 56, л. 259 об.; д. 101, л. 187.

расходов на следующий год. В ней на 1744 г. Гвоздеву предусматривалась оплата жалованья в размере 142 руб. 56 коп. Одной из статей расходов геодезиста явилось ежемесячное приобретение продовольствия. Командному составу экспедиции по определенным нормам выдача провианта производилась за собственные деньги. Например, 30 сентября Гвоздев закупил на октябрь муки 1 пуд 20 фунтов, вместо 12,5 фунтов муки — сухарей 10 фунтов, крупы 5 фунтов, соли 2 фунта. Количество продуктов из месяца в месяц менялось незначительно. В декабре Гвоздев получил 1 пуд 32,5 фунта муки, 5 фунтов крупы, 2 фунта соли²⁵. Мясной рацион был весьма ограниченным. Лишь однажды встречена запись о сборе с офицеров денег «за розданной живой скот». Штурман М. Петров, констпель И. Бобовский, М. Гвоздев и писарь А. Шубинский в октябре совместно оплатили 4 рубля 24,8 копейки «за одну скотину»²⁶.

Во время морских плаваний офицерскому составу, так же как и рядовым морякам и служилым людям, в соответствии с морским регламентом полагался казенный морской «провиант» и «порционные» деньги. В большинстве случаев в 1741—1743 гг. из-за нехватки продовольствия в Охотске всем «морским служителям» взамен полностью или частично выдавались деньги. 9 сентября 1743 г. М. П. Шпанберг по рапортам А. Шельтинга и В. Ртицева от 7 ноября и 24 декабря 1742 г. приказал прапорщику С. Ивашкину выдать деньги за неполученный провиант находившимся в морских «вояжах» в 1741—1742 гг. на дубель-шлюпе «Надежда» В. Ртицеву, М. С. Гвоздеву, И. Бобовскому, Ю. Аритландеру, С. Гардеболу и лекарскому ученику И. Дягилеву²⁷. В общем списке лиц, которым «надлежит произвести порционные деньги, також и за недостаточной... морской провиант за бытность на море» геодезист Гвоздев помещен вслед за А. Шельтингом, В. Ртицевым, И. Бобовским, боцманом Т. Герасимовым, подлекарем П. Браунером. Список содержит все необходимые расчеты (количество дней плавания, нормы выдачи продовольствия, денежный эквивалент, об-

²⁵ Там же, д. 99, л. 254, 298, 301, 455, 498; д. 101, л. 126, 185, 224 (февраль — апрель 1744 г.).

²⁶ Там же, д. 99, л. 336.

²⁷ Там же, д. 56, л. 577—578, 581 и об.

шая сумма). По этим данным, М. С. Гвоздев находился в море с 1 сентября по 13 октября 1741 г. и с 1 мая по 18 сентября 1742 г., т. е. 6 месяцев и 12 дней; начислено к оплате за этот срок 32 руб. 1 коп. Представляют интерес слагаемые общей стоимости всего провианта, исчисляемого на полпорции, кроме полуторной порции пива, рыбы и уксуса: сухарей за 3 пуда 24 фунта $61\frac{5}{7}$ золотник — 3 руб. $61\frac{1}{2}$ коп.; пива за 67 ведер 4 кружки — 20 руб. 25 коп.; крупы гречневой за 16 фунтов 24 золотника — $48\frac{3}{4}$ коп.; крупы овсяной за $32\frac{1}{2}$ фунта — 1 руб. $5\frac{5}{8}$ коп.; гороха за 32 фунта — $52\frac{13}{16}$ коп.; «масла коровья» за 19 фунтов $27\frac{3}{7}$ золотников — 1 руб. $55\frac{1}{2}$ коп.; мяса говяжьего за $32\frac{1}{2}$ фунта — 52 коп.; вина простого за 52 чарки — 2 руб. 8 коп.; соли за 3 фунта $66\frac{6}{7}$ золотников — 2 коп.; рыбы сухой за 39 фунтов — 1 руб. 56 коп.; уксуса за $4\frac{7}{10}$ кружки — $33\frac{1}{8}$ коп. Всего — 32 руб. 1 коп.²⁸

Редко встречающиеся материалы, рисующие различные детали быта и экономическое положение офицеров и моряков разных рангов, можно пополнить колоритными источниками — «росписями» и «реестрами» имущества, намеченного к распродаже. В силу сложившейся морской традиции личные вещи умерших во время плаваний поступали на аукцион, в котором принимали участие все матросы и офицеры экспедиции. В «Реестре, кому каких пожитков продано после умершего штурмана Ивана Верещагина» (сентябрь 1743 г.) указано, что М. С. Гвоздев купил «сундучек маленькой окованной» — 1 руб. 25 коп., «платенцов белых» — 1 руб. 20 коп. и «чулки гарусные» — 1 руб. 25 коп. На распродаже вещей штурмана Андрея Эйзельберга геодезисту досталась «рубаха фанзовая красная» — 3 руб. 60 коп., «тесемок на подвязки концов» — 36 коп., «трубка от чернильницы медная» — 12 коп. и оловянное блюдо — 1 руб. В «Росписи капитана Беринга багажу, которой распродан» (октябрь 1743 г.) длинный список вещей сгруппирован по фамилиям покупателей, в числе которых оказались Шпанберг, Зыбин, Шельтинг, Ртицев, Коростелев, лекарь Гинтер, Юшин, Родичев, мастер Кузьмин, Гвоздев, копиист Дасаев, подмастерье Кузнецов и др. Наиболее крупные приобретения сделали М. Шпанберг (на 160 руб. 29 коп.) и

²⁸ Там же, д. 99, л. 270; д. 56, л. 589.

А. Шельтинг (84 руб. 41 коп.). Геодезист Гвоздев на память о капитане-командоре приобрел ветхий красный камлотовый подбой под кафтан (1 руб. 10 коп.)²⁹.

Следует отметить, что разносторонняя деятельность М. С. Гвоздева, по-видимому, вполне удовлетворяла руководство Второй Камчатской экспедиции в Охотске. В строевом расчете этого периода геодезист значится в охотской команде М. Шпанберга, состоявшей из 76 человек (в том числе 47— на работах за пределами порта и экспедиционной слободы)³⁰.

Важным событием, которое укрепило служебный авторитет Гвоздева, был указ Сибирского приказа, подготовленный в соответствии с именным царским указом. В копии он был прислан 6 марта 1743 г. в Охотскую канцелярию из Иркутской. Указом повелевалось геодезисту Михаилу Гвоздеву «в показании к команде противности и о прочем вину отпустить»³¹. Полное прощение, несомненно, способствовало решению Гвоздева вновь возбудить ходатайство перед Сенатом и Адмиралтейств-коллегией о присвоении ему офицерского звания. Он подготовил два прошения, но сразу же передать их Шпанбергу не удалось. Капитан выехал из Якутска 31 марта 1743 г., прибыл 10 апреля к Майскому устью, по вскрытии рек отправился к Юдомскому кресту, где был до конца июля, и появился в Охотске лишь в августе. Тем временем охотский командир А. Зыбии 20 апреля направил М. Шпанбергу обстоятельную промеморию (30, с. 236—243). Она замечательна тем, что донесла до наших дней содержание ненайденных оригиналов — основных источников истории плавания к берегам Америки Гвоздева и его товарищей в 1732 г. В этом ценном документе, который составлялся на основании материалов, хранившихся в Охотской канцелярии, в изложении переданы: 1) «объявление» И. Скурихина 8 апреля 1741 г., 2) рапорт М. Гвоздева, полученный с Камчатки 23 декабря 1733 г., 3) выдержка из «лахбуха» М. Гвоздева — И. Федорова за 22 августа 1732 г., 4) «скаска» И. Скурихина, 5) рапорт М. Гвоздева 1741 г. Далее излагался указ из Иркутска, присланный 6 июля 1742 г., о получении любыми средствами достоверных

²⁹ Там же, д. 56, 549 об., 461, л. 458 об.

³⁰ Там же, л. 5—7.

³¹ Там же, д. 53, л. 730 об.— 731.

сведений о Большой земле и организации с этой целью экспедиции, а также прослеживалась с 14 июля 1741 г. деятельность Гвоздева. Иркутский вице-губернатор требовал у А. Зыбина, а майор — у Шпанберга: «Ежели подлинное известие получено и карта прислана будет, то, со оных скопировав в два ряда, прислать в Сибирской приказ»³². Заручившись правительственной поддержкой, сибирские власти согласились с идеей сбора точных сведений о Большой земле и островах и разработали своего рода инструкцию с перечнем первоочередных вопросов. Перечень в целом совпадает с инструкцией, выданной по этому же поводу Д. И. Павлуцкому.

В заключение А. Зыбин вновь затребовал прислать в свою команду М. Гвоздева, так как геодезист «на помянутых островах и у Большой земли был и ежели вперед туда посылка будет, надлежит послать его, Гвоздева» (30, с. 243).

Вернувшись в Охотск из якутской поездки, М. Шпанберг начал поиск «известий» для ответа А. Зыбину и сибирской администрации. 24 августа Гвоздев подал Шпанбергу прошение по поводу производства его в офицерский чин.

Челобитную М. С. Гвоздева на имя Елизаветы Петровны писал копиист Камчатской экспедиции Яков Дасаев на простой бумаге, «понеже гербовой бумаги в Охотску в продаже не имеетца». По традиции под каждым пунктом этого документа помещена скрепа челобитчика: «К сему^{||}прошению^{||}геодезист^{||}Михайло Гвоздев руку приложил». Так же как и в 1740 г., в новой челобитной вначале изложена кратко автобиография (с 1716 г.), затем повторена ссылка на четырех геодезистов, получивших за службу в Сибири по указу 1732 г. ранг подпоручика. «А я,— писал Гвоздев,— в таком отдаленном и безпокойном месте и поныне против вышеписанных своей братьи геодезистов повышением чина не пожалован». В заключение он просил ускорить решение по его челобитной и установить ему чин подпоручика «за многотрудные службы и дальние посылки» (25, с. 45). Капитан принял прошение, а взамен тут же выдал Гвоздеву ордер составить подробный отчет о плавании 1732 г. Шпанберг потребовал «репортовать обстоятельно» и в особенности о том,

³² Там же, л. 731.

«сколько вами в означенную вашу в той северной стороне бытность было видно и описано со всякою верностью и обстоятельством без проронки с предложением (приложением.— Л. Г.) при том всему оному вами описанию содержанного вами тогда диурнала и карты, ежели оные у вас имеютца (которым и быть надлежит)»³³.

Четвертый (после 1732, 1733 и 1741 гг.) отчет о плавании к Большой земле М. Гвоздев подготовил за неделю и 1 сентября 1743 г. представил его Шпанбергу³⁴. Довольно обстоятельный критический анализ таких важнейших документов об открытии Америки со стороны России, как отчет Гвоздева и показания Скурихина, выполнил А. В. Ефимов. Он правильно вслед за А. Соколовым отметил, что А. Полонский, впервые в 1850 г. привлечший архивные материалы, в статье «Первый поход русских к Америке» соединил без необходимого источниковедческого анализа нередко противоречивые свидетельства участников похода. Касаясь публикации А. Соколова, Ефимов упрекал историка морского флота за то, что тот взял за основу позднейший рапорт геодезиста как более подробный и якобы более достоверный. По мнению Ефимова, этот документ хотя и более детален, чем отчет 1741 г., но, несомненно, менее достоверен. Однако доводы в пользу такого утверждения, на наш взгляд, неубедительны. Во-первых, замечает Ефимов, к тому времени после похода прошло уже 11 лет и, естественно, Гвоздев стал не лучше, а хуже помнить подробности плавания. Во-вторых, рапорт 1743 г. геодезист писал в состоянии «сильного перенуга» (30, с. 163). Аргументы эти не основаны на фактическом материале. Прежде всего, нельзя всерьез думать, что свой отчет Гвоздев писал по памяти. Даже обладая феноменальной памятью, невозможно через 9—11 лет показать множество незначительных, точно фиксированных событий, например: 13 августа «пополудни в 5-м часу стала быть штилевая погода и легли па якорь», 15 августа «в начале 11-го часа стал быть ветер благополучной», 17 августа «пополуночи в 7-м часу осмотрели остров», «пополуночи в 3-м часу стал быть штиль» и т. п. Недаром И. Скурихин, дававший свои показания в 1741 г. почти одно-

³³ Там же, д. 99, л. 238 об.

³⁴ Там же, д. 53, л. 733—738 об.

временю с Гвоздевым, не припомнил даже месяца возвращения из похода и не смог назвать фамилии многих своих товарищей по плаванию. Конечно, Гвоздев писал свой рапорт не по памяти, а на основании прежних собственных записей либо документов, хранившихся в Охотской канцелярии. По содержанию оба рапорта, различаясь текстуально, в целом совпадают, а многие фразы и выражения повторяются буквально. Это наблюдение довольно последовательно подтверждает и сам А. В. Ефимов, полагая, что при составлении отчета 1743 г. геодезист имел перед глазами один из более ранних текстов или копию «лагбуха». Но «лагбух» как источник рапорта, по-видимому, следует исключить, если принять во внимание категоричное заявление Гвоздева об отсутствии у него составленного совместно с Федоровым журнала, «за неимением» которого он «всего обстоятельства в сем репорте внести упомянуть не мог». Сведения, сообщенные геодезистом в 1741 и 1743 гг., весьма сходны, отмечает историк географии В. И. Греков, фиксируя небольшие различия. По его мнению, редакция 1743 г. более точна, чем редакция 1741 г. (23, с. 347).

Неправдоподобно и преувеличено и значение «сильного испуга», продолжавшегося, по А. В. Ефимову, более двух лет и вызванного конфликтом с А. Девьером по поводу отказа составить карту по вахтенному журналу. К сентябрю 1743 г., надо полагать, геодезист давно оправился от испуга, если он и был на самом деле, так как еще за полгода до составления рапорта стало известно решение Сибирского приказа — Гвоздеву «вину отпустить».

Автор отчета хорошо понимал, что не сумел ответить на ряд вопросов, поставленных Иркутской и Охотской канцеляриями перед Второй Камчатской экспедицией. Оправдываясь, геодезист вновь подробно описал историю взаимоотношений с И. Федоровым, остановился на причинах «неисправностей» морского журнала, по которому «никакой карты сочинить было невозможно», а отсутствие в рапорте «усмотренным и найденным нами островам румбов и градусов» объяснил отсылкой журнала к Г. Г. Скорнякову-Писареву еще в 1733 г. Представляется важным подчеркнуть одну психологическую особенность рапорта 1743 г., на которую никто ранее не обращал внимания. В отличие от рапорта 1741 г. в новом отчете тщательно устранены все упо-

мипания о матросе М. Петрове, доставившем в свое время Гвоздеву массу неприятностей и переживаний.

7 сентября Шпанберг, ознакомившись с апрельской промеморией Зыбина и новым рапортом Гвоздева, высказал свое мнение, на основе которого в тот же день подписал ответ в Охотскую канцелярию³⁵. В течение сентября — ноября 1743 г. основные доводы, направленные в поддержку организации новой экспедиции к Большой земле, Шпанберг повторил в целом ряде документов, которые были посланы им в Охотск, Иркутск и Петербург.

Прежде всего Шпанберг с пониманием принял объяснения Гвоздева о невозможности изготовления карты похода 1732 г. из-за отсутствия источников для ее составления, а для «ведома и рассмотрения» Охотской канцелярией приказал выслать «в пополнение» точную копию рапорта геодезиста. Преемник Беринга категорически возражал против перевода Гвоздева в распоряжение А. Зыбина. Единственного геодезиста, оставленного для проведения камеральных работ и копирования картографических материалов, по твердому убеждению Шпанберга, «отослать невозможно и не стошлетца». И на этом этапе он считал Гвоздева незаменимым сотрудником, потому что тот «при экспедиции по управление должности геодезической, которая при оной экспедиции для копирования о морских вояжах к отсылкам, куда падлежит, карт и прочем весьма надобна, состоит один»³⁶.

Но особенно важными и интересными были два предложения: об ускорении подготовки нового плавания и о возможности составления карты «вояжу» 1732 г. Если, предполагал Шпанберг, подготовка Охотской канцелярией планируемой экспедиции «за неимением всего подобного к тому чинима будет медленно», то следует возложить осуществление нового похода к Большой земле на Вторую Камчатскую экспедицию. Далее следовало довольно неожиданное сообщение о получении от пробирного мастера С. Гардеболя неизвестного ранее источника — журнала подштурмана И. Федорова. Этот «собственной ево, Федорова, содержанной для памяти ево диурнал (кроме того, что ими, Гвоздевым и Федоровым, содержан был обще

³⁵ Там же, д. 53, л. 739—742; д. 99, л. 259 об. — 261.

³⁶ Там же, д. 53, л. 741.

вахтами)» Шпанберг решил передать штурманам Х. Юшину, Е. Родичеву и геодезисту М. Гвоздеву для экспертизы, извлечения «экстракта» и сочинения карты «всем описанным по тому диурналу местам и плаванию судна»³⁷. Появилась реальная возможность составления достоверной карты плавания 1732 г. к берегам Аляски.

Остается лишь загадкой, когда, при каких обстоятельствах «приватный» журнал И. Федорова попал к С. Гардеболю, а от рудознатца к Шпанбергу. Ответить на эти вопросы невозможно и потому, что пока, к сожалению, ни федоровский журнал, ни извлечения («экстракт») из него не обнаружены. Не дали каких-либо дополнительных сведений и выявленные материалы для биографии С. Гардеболя. Изучение биографических данных о рудознатце позволяет высказать лишь самое общее предположение, о том, что федоровский журнал мог попасть в руки Шпанберга, по-видимому, только в 1738—1742 гг.

Полученный от Гардеболя и находившийся в его распоряжении личный журнал И. Федорова М. П. Шпанберг 9 сентября 1743 г. передал Х. Юшину, Е. Родичеву и М. Гвоздеву и приказал сочинить карту плавания от р. Камчатка до Чукотского носа к островам и Большой земле. Через три дня Юшин запросил для выполнения задания одну дещь бумаги на экстракт и два листа александрийской или полуалександрийской бумаги для карты. По этому рапорту Шпанберг распорядился 13 сентября выдать «на сочинение компании 1732 году экстракта» одну дещь писчей бумаги, а для карты — «за наимением» специальной картографической — «простой же бумаги доброй» шесть листов³⁸.

8 октября Х. Юшин при рапорте представил Шпанбергу карту «от реки Камчатки и до Чюкоцкого носу и далее островов», федоровский журнал и экстракт. Составители, как сообщил штурман, испытывали большие затруднения, так как журнал был «весьма не обстоятельно занисыван, по которому настоящей верности карты сочинять весьма трудно, понеже целенги многие прописываны непорядочно»³⁹. Тем не менее,

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, д. 99, л. 266; д. 56, л. 112 и об.

³⁹ Там же, д. 53, л. 743 об.— 744.

когда 13 октября А. Зыбин еще раз напомнил о важности «усмотрения известий» о малоизученных островах и землях, Шпанберг тотчас же с несомненной гордостью ответил, что «пныне уже некоторое пополнение сыскапо» и при очередной оказии будет послано «куда надлежит»⁴⁰.

Такова история создания первой карты плавания 1732 г., которую составили штурманы Х. Юшин, Е. Родичев и геодезист М. Гвоздев. Но ни подлинника этой карты, ни копий не найдено, а ее общий облик передан обзорной картой, известной в историко-географической литературе как «карта Шпанберга 1743 г.» (30, с. 168). В. А. Дивин, отождествляя эти два картографических произведения, незаслуженно упрекал А. В. Ефимова в произвольной атрибуции автора последней (25, с. 38). Между тем сохранившиеся документы совершенно четко различают обе карты.

В начале ноября 1743 г. «приключилась оказия», т. е. возможность отправки рапортов из Охотска в Иркутск и Петербург. 5 ноября на основании своего же «определения» (7 сентября) Шпанберг подготовил и послал рапорт (№ 574) в Адмиралтейств-коллегию и промеморию (№ 606) в Иркутскую провинциальную канцелярию, дополнив их объяснением обстоятельств возникновения карты плаваний 1732 г. по частному журналу И. Федорова. По своему содержанию оба источника мало отличаются от «определения» и друг от друга⁴¹. Однако небольшое различие имеет существенное значение. В Иркутскую канцелярию «для ведения и рассмотрения» Шпанберг «послал прямо» в качестве приложения к промемории карту, «сочиненную и объявленную» Х. Юшиным, Е. Родичевым и М. Гвоздевым. А поскольку «все морского описания обстоятельства весьма принадлежат» к Адмиралтейств-коллегии, то он направил при рапорте, помимо копий промемории 20 апреля А. Зыбина и рапорта 1 сентября М. Гвоздева, «точно такову ж карту», которая была отправлена в Иркутск, но с «присовокуплением во оную бытность в той же стороне в 1729-м и 1741-м годах бывшего капитана-командора Беринга»⁴². Пометы об отправлении из Охотска документов подтверждают: в

⁴⁰ Там же, л. 745 об.; д. 99, л. 315 об.— 315.

⁴¹ Рапорт см.: ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 99, л. 355 об.— 358; промемория опубликована (без точной даты) (52, с. 246—249).

⁴² Там же, л. 358.

Иркутск послана «карта оного Гвоздева вояжу», в Петербург — «карта вояжам того Гвоздева и капитана-командора Беринга»⁴³. Таким образом документально устанавливается, что в октябре 1743 г. в Охотске геодезистом Гвоздевым вместе со штурманами Юшиным и Родичевым была составлена на простой писчей бумаге карта плаваний бота «Св. Гавриил» от устья Камчатки к островам и Большой земле. Вторая карта, подписанная М. Шпанбергом, носила сводный характер и отображала результаты не только путешествия 1732 г., но и плаваний Беринга 1729 и 1741 гг.

4 ноября, узнав об оказии, М. С. Гвоздев просил Шпанберга послать две его челобитные (в Сенат и в Адмиралтейств-коллегию) о повышении его в звании, подготовленные еще в августе, «с приписанием на них обо мне... вашего достоинства» (ходатайства с характеристикой.— *Л. Г.*)⁴⁴. Шпанберг поддержал геодезиста и, ходатайствуя перед Сенатом и коллегией, писал: «Он, Гвоздев, в здешних трудных местах во исправлении положенных на него дел и в протчем обретаецца немалое время в одном геодезическом чипу, а протчая ево братья, которыя службою гораздо молодшее ево, до сего произошли порутчиками и капитанами. Того ради... представляю, что б он, Гвоздев, за объявленную ево долговременную в здешних трудных местах службу повышен был рангом с трактаментом по тому рангу е. и. в. жалованья с тех чисел, с которых равные ему в тот же ранг пожалованы и е. и. в. жалованье получать начали, ибо он, Гвоздев, тому повышению ево рангом, как мною по присяжной моей должности усмотрено, по ево радетельному и искусному положенных на его как в морских вояжах, так и на сухом пути дел исправления, весьма достоин»⁴⁵. По-видимому, эта характеристика не носила формального характера. При многих своих неприятных человеческих качествах Шпанберг вместе с тем был отличным организатором работ экспедиции, умелым и опытным морским офицером, квалифицированным составителем карт. Высокая оценка служебной деятельности Гвоздева говорит о многом, так как лестные характеристики Шпанберг давал необычайно редко, в силу действительно особых заслуг своих подчиненных.

⁴³ Там же, д. 53, л. 742 об.

⁴⁴ Там же, д. 56, л. 968.

⁴⁵ Там же, д. 99, л. 347, 366 об.— 367.

Отставка

24 сентября 1743 г. был подписан царский указ приостановить деятельность Второй Камчатской экспедиции. Шпанбергу и Чирикову предписывалось из-за «крайнего в Иркутской и Енисейской провинциях хлебного недостатку до будущего указа в морские вояжи более не ездить» и со всей командой быть в сибирских городах. 26 сентября Адмиралтейств-коллегия и Сибирский приказ приняли решение о выборе городов для размещения команд, о порядке выплаты жалования и по другим организационным вопросам. К лету 1744 г., когда весть о расформировании экспедиции достигла Охотска, в команде Шпанберга насчитывалось 161 человек, из них 48 «в расходе» (12—на описании Пенжинского моря, 16—в Охотске, 2—на Камчатке и т. д.). Фамилия Гвоздева постоянно встречается во всех списках личного состава экспедиции за 1744 г.¹ Оставив в Охотске матросов и служилых людей во главе с В. А. Ртищевым, М. Шпанберг с частью команды 10 июня отправился в Енисейск. «Особливое» судно было поручено А. Шельтингу, который 13 июня получил приказ Шпанберга «собрать оставшую после нас команду, которая разбрелась беспорядочно своевольством, итти к нам немедленно»². Реестр 34 служилых при А. Шельтинге открывает геодезист Гвоздев. 21 августа Шпанберг сообщил в Енисейскую провинциальную канцелярию об отправлении «ныне с командою сухим путем к житью впредь в город Томск», затребовал выдачи 39 «тележных подвод» с проводниками, в том числе 7 для себя, по одной — А. Кузьмину, П. Григорьеву, С. Ивашкину с Э. Гинтером, М. С. Гвоздеву и т. д.³ 29 августа он послал П. Григорьева и М. С. Гвоздева во главе авангардной группы из 20 человек на 13 подводах, а на другой день выслал к томскому воеводе письмо с предписанием «отвезть» к прибытию команды «квартиры добрые в одном месте, да во близости на кантору»⁴.

¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 101, л. 283, 55, 278. По данным А. И. Алексеева (Изв. ВГО, 1957, т. 89, с. 274), с осени 1743 г. до 4 марта 1744 г. М. С. Гвоздев серьезно болел и пролежал в госпитале на о. Булгин (в устье р. Охота).

² Там же, л. 274 об.—275.

³ Там же, л. 354 и об.

⁴ Там же, л. 363—364, 374—375 об.

Этот список составлен
в 1743 г.

ранен Ишма

приванс

Александр Уткин
Иванъ Землеовъ
Николай Шестеринъ
Индранъ.
Матвей Петровъ.

Вспомните Ишмака хм
вспомните протописки
Кемдунской гдв.

Андрей Шагановъ
Емельянъ Рогунъ

Сергей Кистовъ
Михаило Евдеевъ
Башманъ Матв
Платонъ Зарасимовъ

Вспомните его в Кемдунской
Платонъ Ишмака
Иванъ Кистовъ
Матв Платонъ
Иванъ Кистовъ
Иванъ Кистовъ

Иванъ Дубъ Позинъ.

Климентъ Мейстеръ
Петръ Матвеевъ.
Ваня Матрога Терлоу
Семья

Щербановъ
Матрога
Терлоу Семья
Иванъ Великъ

Вспомните Ишмака хм
вспомните протописки
Кемдунской гдв.

Иванъ Блободовъ

Вспомните Ишмака хм
вспомните протописки
Кемдунской гдв.

Дедовъ Малаховъ.

Фрагмент списка личного состава команды М. П. Шпан-
берга в 1743—1744 г.

ЦГАДА, ф. 248, кн. 1327, л. 472 об.

11 сентября капитан Шпанберг прибыл в Томск и на другой день первым делом потребовал у воеводы сооружения печей в тех отведенных для членов команды квартирах, где их не было. Так начался для Гвоздева томский период жизни (10 лет и 3 месяца), о котором какие-либо сведения в литературе отсутствуют, кроме беглого упоминания о пребывании геодезиста в Томске с 1744 по 1755 г. И действительно, все эти годы М. С. Гвоздев безвыездно находился в Томске. Сменялись командиры, менялась численность команды в зависимости от выполнения различных поручений, но неизменно упоминался геодезист Гвоздев во всех именных списках, табелях и строевых рапортах, ежемесячно отправляемых в Адмиралтейств-коллегию и сибирскому губернатору⁵.

В Томске потекла несуетная размеренная гарнизонная служба, бедная яркими событиями и резко отличавшаяся от бурных и беспокойных дней службы на Камчатке и в Охотске. Все чаще Шпанберг стал привлекать Гвоздева к проверкам состояния финансовых дел. 20 сентября Гвоздев получил приказ «общее» с прапорщиком С. Ивашкиным проверить счета и расписки, предъявленные компасного дела подмастерьем С. Кузнецовым и академическими учениками А. Феневым и П. Шанапыкиным, о выдаче ими на 635 верст поверстных денег за 39 подвод по маршруту Енисейск—Томск. Другое поручение геодезисту последовало 24 октября: совместно с С. Кузнецовым и Е. Родичевым проверить приходо-расходные книги, которые вел подмастерье парусного дела Ф. Воропов, и представить «щетную» ведомость⁶. 6 ноября был объявлен новый приказ Шпанберга: «Завтрашнего числа подмастерью Воропову проверить (счесть), что имеется за расходом денежной е.и.в. казны. А при том щете быть штурману Родичеву и геодезисту Гвоздеву. И по исполнении того щета нас репортовать». Другой приказ (от 9 ноября) гласил: «Господам обор- и ундер-офицерам завтрашнего числа иметь собрание в каптору, а именно прапорщикам Григорьеву, Ивашкину, штурману Родичеву, геодезисту Гвоздеву»⁷. В результате проверок, проведенных М. Гвоздевым, Е. Родичевым и С. Куз-

⁵ Там же, дела 63, 66, 73, 101 (сведения за 1744—1757 гг.).

⁶ Там же, д. 101, л. 382, 404.

⁷ Там же, д. 102, л. 7 об.

нецовым, была выявлена недостача (3 руб. 11¹¹/₁₂₀ коп.). Эту сумму Шпанберг велел вычесть из жалованья Ф. Воронова, а ученику японского языка А. Феневу — принять у подмастерья денежную казну»⁸.

В начале 1745 г. М. С. Гвоздев не использовал представившейся впервые за 28 лет службы возможности получить годовой отпуск для поездки домой. Надо полагать, что ему, сироте и солдатскому сыну, просто некуда было ехать, а домом давно для него стала Сибирь и служба. Вместе с тем здоровье геодезиста, расшатанное многолетними лишениями, тяжелыми условиями жизни, цингой и ослаблением зрения, заметно ухудшилось. В челобитной 1758 г. об отставке Гвоздев писал, что в Томске от «долговременной службы и многих морских вояжей и дальних разъездов стал я... всем корпусом слаб и глазами мало зрение имею, и пахожусь в застарелых цинготной и почечной болезнях» (52, с. 158). В крайних случаях он прибегал к медицинской помощи. Так, лекарь Э. Гинтер отметил в отчете пребывание в лазарете геодезиста Гвоздева с 9 по 15 февраля и с 22 апреля по 3 мая 1745 г.⁹

Перед отъездом из Енисейска в Петербург А. И. Чириков, у которого после смерти Беринга находились все документальные материалы Второй Камчатской экспедиции, передал их С. Вакселю. Среди передаточных описей 29 июня 1745 г. значительный интерес представляет опись карт экспедиции. В пей отмечена, например, «первая карта, сочиненная по приказу флота капитана Чирикова... по размерении меркоторском», в которой «от Охоцкого острога западный берег Пенжинского моря положен с карты посыланных в ту сторону морем мичманом Ртищева да Шхельтинга, а земля, положенная против Чюкоцкого восточного угла к востоку, лежащая от 65° до 68° северной ширины, положена с карты геодезиста Гвоздева»¹⁰. Вне сомнения, «картой геодезиста Гвоздева» здесь названа карта плавания 1732 г., составленная в 1743 г. М. Гвоздевым, Х. Юшиным и Е. Родичевым по данным частного (неофициального) журнала И. Федорова.

---

⁸ Там же, л. 168 об., 174.

⁹ Там же, л. 11—13 об., 25—26.

¹⁰ Там же, д. 105, л. 70 об.; д. 66, л. 205 об.

Более трех лет ожидал М. С. Гвоздев решения Сената и Адмиралтейств-коллегии по поводу присвоения офицерского звания. И когда, по его расчетам, все сроки для ответа уже миновали, он решился продолжить свои настойчивые попытки. Так, в регистрационном журнале документов, поступивших на имя командира томской команды, за 12 февраля 1747 г. появилась запись о приеме доношения геодезиста, «которым просит об отсылке в государственную Адмиралтейскую коллегияю прошения со достоинством о пожаловании ево, Гвоздева, против протчих ево братьи, геодезии подпорутчиков Скобельцына с товарищи четырех человек, подпорутчиком же и на тот чин трактаментом наградить и патентом»¹¹. По-видимому, это прошение не было отправлено, потому что 5 июля 1747 г. в журнал внесена новая запись: «Доношение от геодезиста Михаила Гвоздева, которым просит об отсылке в государственную Адмиралтейскую коллегияю прошения со удовольствием о пожаловании ево в чин и о прибавке трактамента»¹².

Длительное время М. С. Гвоздев выполнял различного рода поручения по копированию картографических материалов Второй Камчатской экспедиции, привезенных С. Вакселем из Енисейска. Не расставался он с геодезическими инструментами. В перечне, «у кого какие вещи имеются», за Гвоздевым числились: «феодалит 1, квадрант медной без штатифу 1, готовальна с цыркулями 1»¹³. Постепенно на него полностью было возложено ведение учета и контроля за поступлением и расходом денежных средств. Так, при сдаче дел Вакселем у Гвоздева оказалось за 1747—1748 гг. «в приходе денежной казны» 8374 руб. $72\frac{7}{15}$ коп., а в расходе за тот же период — 6596 руб. $2\frac{2}{3}$ коп. «И оные остаточные деньги,— доносил С. Ваксель в Петербург,— отданы в ведение за приемом геодезиста Михаила Гвоздева шкиперу Дмитрию Коростелеву»¹⁴. К 20 августа 1748 г. у геодезиста находилось «в приеме денежной казны разных сумм 1778 руб. $69\frac{4}{5}$ коп.»¹⁵.

¹¹ Там же, д. 66, л. 313 об.

¹² Там же, л. 316.

¹³ Там же, л. 59, 100.

¹⁴ Там же, л. 57 п об., 96 и об.

¹⁵ Там же, л. 399—410.

В автобиографии 1758 г. Гвоздев написал, что был он в чине геодезиста по 1732 г., а «в том году по силе указу Правительствующаго Сената награжден я, именованный, за долговременное в Сибири у дел бытие рангом геодезии подпоручика» (52, с. 157). Это заявление как будто бы противоречит всем приводимым с 1732 г. документам, где Гвоздева называли (и он сам себя называл и подписывался) геодезистом. Во всех табелях и реестрах томской команды вплоть до конца 1749 г. он всюду также показан геодезистом. В списке 1 декабря 1749 г. Гвоздев еще геодезист, но начиная с табеля 1 мая 1750 г. он записан уже геодезии подпоручиком. К сожалению, не отысканы табели за январь — апрель 1750 г., и нельзя пока более точно определить дату повышения в звании. Можно теперь только сказать, что сенатский указ о Гвоздеве был получен в Томске между январем и маем 1750 г., и с тех пор «геодезии подпоручик один з денщиком и за правиянт» стал получать деньгами вместо 71 руб. 28 коп. 94 руб. 3 коп. в год¹⁶. Наконец, исполнилось его жгучее желание и восторжествовала справедливость. Имея весомое право на получение звания геодезии подпоручика и считая себя таковым с 1732 г., Гвоздев получил его в Томске, в 1750 г. Нами найдены несомненные, но косвенные сведения об этом. Судя по записи 1758 г., сенатским указом 1749 г. вместе с присвоением нового ранга восстанавливалось законное старшинство Гвоздева для получения после 1732 г. очередного звания. Кроме того, Гвоздев, безусловно, мог претендовать и на получение разницы в окладах геодезиста и подпоручика, которая с 1732 г. составила более 600 руб.

К середине XVIII в. задача хозяйственного освоения территории Восточной Сибири настоятельно потребовала широкого развертывания гидрографических, географических и картографических исследований. В распоряжение сибирского губернатора и руководителя Нерчинской экспедиции Ф. И. Соймонова для работ в Иркутской провинции, в Нерчинском и Селенгинском уездах были переданы все «служители» Второй Камчатской экспедиции, в том числе и томская команда (21, с. 105—130). Сенатским указом 18 августа 1754 г. в дополнение к проводившемуся описанию рек

¹⁶ Там же, д. 72, л. 146, 196.

и земель предлагалось «обыскать для хлебопашества удобные места», обеспечить перевозки от Иркутска до Нерчинска, провести «учинение по всей Иркутской провинции надлежащего описания порозжих земель». В связи с нехваткой квалифицированных специалистов по картографированию огромной территории 9 декабря 1754 г. из Томска в Иркутск были направлены «для некоторых надобностей» геодезии подпоручик М. С. Гвоздев и геодезии прапорщик Н. Чекин. Начиная с января 1755 г., в списках и табелях томской команды оба геодезиста неизменно показываются «в расходе» — «посланы в Иркутск к его превосходительству господину генерал-майору и тамошнему вице-губернатору Вульфу»¹⁷. По инструкции Иркутской канцелярии М. С. Гвоздев 5 апреля 1755 г. был «определен в Иркутском уезде для измеривания пахотных земель и сенных покосов и сочинения планов». С большим трудом в течение трех лет он проводил съемку и описание от Иркутска по Московской дороге «во учрежденных станциях, також в Уриковской, Кудинской и Оецкой слободах». Но довести работу до конца Гвоздеву не удалось — составление планов, как объяснял геодезист в автобиографии 1758 г., из-за болезни глаз и общей слабости сильно замедлилось (53, с. 159). Начатое Гвоздевым в 1755—1757 гг. описание Иркутского района продолжал М. Овцын, а затем В. Воинов. В одном из доношений Сенату вице-губернатор А. Бриль сообщил 4 декабря 1768 г., что хотя по указу 1754 г. Гвоздев был «определен для порядочного земель описания и планов и карт сочинения», но не закончил работы и в 1759 г. отпущен «за старостию» в Тобольск, а вместо него в Иркутск прислан Воинов. Последний в 1760 г. заявил, что в журнале Гвоздева «только одни румбы писаны, а обстоятельного описания измеренным им местам не имеется, без чего ему, Воинову, и планов сочинять не можно» (57, с. 32—33). Замечание молодого геодезиста, по-видимому, было справедливым, так как в последние годы Гвоздев проводил съемочные и камеральные работы «с крайним изможением». Он вполне объективно оценивал потерю своей трудоспособности, когда с горечью писал: «И впредь, чтоб меня натура могла излечить надежным

¹⁷ Там же, д. 73, л. 227, 229; ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, кн. 485а, л. 396.

себя от вышеписанных болезней больше к геодезическим делам исправным быть уже не надежен» (52, с. 159).

В июне 1758 г. по просьбе Гвоздева иркутский казак И. Петухов написал челобитную на имя Елизаветы Петровны с просьбой «от геодезических произведений уволить и от службы отставить» из-за болезней, старости и долговременных трудов. Из Иркутской канцелярии челобитная поступила в Тобольск. Сибирский губернатор Ф. И. Соимонов, хорошо знавший геодезиста, поддержал ветерана. В доношении Сенату 23 декабря 1758 г. Соимонов ходатайствовал об отставке Гвоздева и назначении его в Сибири к делам, «к каким он по здешнему усмотрению еще способен явитца» (25, с. 47). Сенат указом 29 марта 1759 г. разрешил отставку геодезии подпоручика М. С. Гвоздева, а его «определение к делам» оставил на усмотрение Ф. И. Соимонова¹⁸.

О последующей судьбе Михаила Спиридоновича Гвоздева пока ничего не известно. Из 43 лет государственной службы он 32 года жил и работал в Сибири и на Северо-Востоке страны, добросовестно выполняя самые разнообразные должностные поручения в необычайно суровых жизненных условиях.

Первооткрыватели Аляски со стороны Тихого океана

Открытие Аляски со стороны Тихого океана явилось естественным продолжением неизбежного и закономерного процесса вхождения Сибири в состав Русского государства. История Камчатской партии во главе с М. С. Гвоздевым — один из ярких примеров тесного переплетения народного продвижения на восток и правительственной колонизации, столь характерной для Сибири XVII—XVIII вв. и сопровождавшейся выдающимися географическими открытиями на Северо-Востоке Азии, в Северном Ледовитом и Тихом океанах.

Не оцененные по достоинству непосредственным руководителем экспедиции Д. И. Павлуцким и Охотской канцелярией отчетные материалы о морском

¹⁸ ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, кн. 485а, л. 401.

походе 1732 г.—вахтенный журнал «Св. Гавриила» и рапорты командира судна и подштурмана, по-видимому, безвозвратно утеряны. Уже в 1738 г. попытки Адмиралтейств-коллегии и Сибирской губернской канцелярии получить эти документы не увенчались успехом. В 60-х годах XVIII в. сибирский губернатор Ф. И. Соимонов на одной из составленных им карт, отмечая факт открытия северо-западной части Северной Америки в 1732 г. геодезистом Гвоздевым, подчеркнул, что «точию журналу его не отыскано»¹. И в XIX в. историки, хорошо изучившие архивы Морского ведомства, с сожалением отмечали, что «нельзя было обыскать его журнала, который должен быть весьма любопытен» (12, с. 10).

Некоторые исследователи в стремлении принизить значение этого важного историко-географического события акцентировали внимание читателей на случайном характере первооткрытия. По мнению этих ученых, Гвоздев не мог знать о том, что он открыл со стороны Тихого океана американский материк. Так, отрицая закономерности процесса освоения Сибири и тесно связанных с нею русских географических открытий на Тихом океане, Ф. Голдер считал чистой случайностью, что Америка была открыта русскими. В его интерпретации Гвоздев абсолютно не сознавал, что видел побережье континента. Ссылаясь на Г. Ф. Миллера, Ф. Голдер приводит неверные данные русского историографа о каком-то приказе Павлуцкого Гвоздеву доставить на Чукотский полуостров запасы, оставленные Берингом, и о том, как геодезист якобы не смог розыскать командира анадырской партии и поэтому повернул обратно и случайно оказался на американском берегу (75, с. 151). Следует сразу же отметить, что академику Миллеру, крупному знатоку истории, географии и картографии Сибири, чрезвычайно не повезло со сведениями о походе Гвоздева. Лишь к 50-м годам XVIII в. он смог получить неофициальные отрывочные и небезошибочные данные о путешествии 1732 г. Он правильно отождествлял Большую землю с западным берегом Северной Америки, полагая, что «она земля есть немалой величины, которая и на полдень зело далеко распространяется, ибо чукчи оттуды и куниц получают, которые не в так студеных местах

¹ ЦГАДА, ф. 248, карты, № 1911.

находятся, но где гораздо теплее бывает» (30, с. 226). Но для Академии наук, так же как и для высших правительственных учреждений и сибирской администрации, результаты морского плавания 1732 г. в течение ряда лет оставались неизвестными. В первой половине XVIII в. проявление непосредственного интереса Адмиралтейств-коллегии, Сибирской губернской канцелярии, а позднее и Сената к походу Гвоздева отмечается трижды: в 1738 г. в связи с необходимостью проверки сообщения матроса Л. Петрова о походе 1730 г. с И. Шестаковым, в 1741 г. по случаю организации очередного похода Д. И. Павлуцкого на Чукотский полуостров, в 1743 г. в связи с проектом подготовки новой экспедиции к Большой земле. Однако прежде чем официальные отчетные материалы о посещении берегов Аляски русскими моряками поступили в Петербург и Тобольск, весьма приблизительная по точности и достоверности информация очутилась во Франции. Среди рукописей французского ученого Ж.-Н. Делиля, состоявшего на службе в Петербургской Академии наук, были обнаружены записка «Мореплавание и открытия, сделанные русскими в Восточном (Тихом) океане между двумя путешествиями капитана Беринга в течение 1731 и 1732 гг.» и «Чертеж, иллюстрирующий вояж Гвоздева» (75, с. 154, 299—301). Выяснено, что эти документы созданы на основании записи интервью Ф. И. Соймонова 1 марта 1738 г. одной из французских газет (21, с. 89).

В интервью не приведены ни фамилии участников плавания, ни даты открытий, тем не менее это наиболее ранняя зарубежная публикация о первом удавшемся путешествии к берегам Америки со стороны Тихого океана. Неточности и фрагментарность записи можно объяснить прежде всего отсутствием подлинных отчетных материалов экспедиции, которые в 1738 г. так и не поступили в Петербург. В одно целое были объединены подлинные и искаженные до неузнаваемости факты. Вполне очевидно, что основу интервью составило переложение неточных сообщений Л. Петрова и сведений, полученных от В. Беринга и М. Шпанберга. Упомянутые в записи отдельные события и сюжеты можно сопоставить с истинными и отнести к экспедиции Шестакова—Павлуцкого встречу 10 моряков с Берингом, плавания по Охотскому морю к Шантарским и Курильским островам — к походам Ивана и Василия

Шестаковых. Путаные объяснения даны относительно штурмана-немца (очевидно, Я. Генса), прибывшего в Тобольск якобы с судовым журналом, а также о причине появления матроса в столице. Остальные сведения, бесспорно, относятся к путешествию М. С. Гвоздева и его экипажа, а именно: использование судна, оставленного Берингом, движение на восток от мыса, обнаружение острова и земли, встреча с местным жителем в маленькой лодке, плавание вдоль открытой земли в южном направлении, шторм и возвращение на Камчатку. Схематический чертеж, иллюстрирующий интервью, является одной из попыток картографической интерпретации открытия Аляски во время морского плавания 1732 г. по маршруту устье р. Камчатка — п-ов Чукотский — остров в Беринговом проливе — земля (Большая) — устье р. Камчатка. Но содержание чертежа более широкое — он показывает не только поход Гвоздева, но ряд других маршрутов экспедиции Шестакова—Павлуцкого в 1730—1732 гг. Из существенных неточностей в показе района открытий Гвоздева следует отметить изображение одного, а не двух островов Диомида и отсутствие о. Кинга (Укивок).

Невозможность воссоздать (реконструировать) точный маршрут «Св. Гавриила» к п-ову Сьюард по этапам и дням плавания упирается в то, что до сих пор не найдены отчеты с записями навигационных и астрономических параметров. Ни М. С. Гвоздев, ни тем более И. Федоров сразу же после похода не составили карту плавания бота от устья р. Камчатка к Большой земле. Как известно, лишь в октябре 1743 г. по приказанию М. Шпанберга М. Гвоздев вместе со штурманами Х. Юшиным и Е. Родичевым составил карту плавания 1732 г. к Большой земле на основании «приватного» журнала И. Федорова. Эта карта также не дошла до наших дней, но ее облик в общих чертах сохранен на другой карте, удостоверенной подписью Шпанберга и известной под его именем (5, № 69). Карта Шпанберга 1743 г. довольно точно отразила результаты плавания 1732 г. и частично путешествий Беринга—Чирикова. Сохранились пять ее копий, которые отличаются друг от друга незначительными деталями². «Карта меркаторская от Охотка до Лопатки

² ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 36; ЦГВИА, ф. ВУА, № 23431; ЦГАВМФ (46, № 69, 70). В легенде копии П. Фонде-

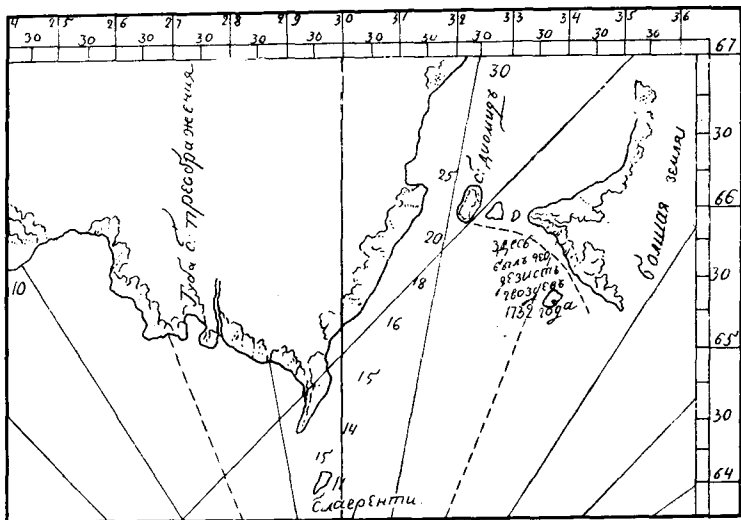
и до Чукоцкого носу...» имеет пространное название, в котором указаны главные источники ее составления: «прежнее» описание 1728 г. Первой Камчатской экспедиции — для изображения района Охотск — мыс Лопатка — часть Чукотского полуострова; по журналу И. Федорова — «приобщенные» острова и часть земли «против» Чукотского носа; карта, изготовленная в 1741 г. на пакетботе «Св. Петр» — для территории к востоку от мыса Лопатки «до длины $35^{\circ}00''$ ». На ней показаны: Охотск, устье рек Охота и Кухтуй, несколько первых Курильских островов, западный берег Берингова моря от мыса Лопатки до Берингова пролива, острова Диомиды, Большая земля, остров Св. Лаврентия, Командорские и западные Алеутские острова. Вдоль побережья Анадырского залива и в проливе Беринга нанесены глубины.

Так же как и рапорты Гвоздева 1741 и 1743 гг., карта Шпанберга служит достоверным и неопровержимым документальным свидетельством открытия экипажем «Св. Гавриила» во главе с М. С. Гвоздевым Северной Америки в 1732 г. Правда, избранный масштаб карты (60—62 мили в дюйме) не позволил составителю передать многие подробности. Исключительно большой интерес вызывают особенности картографического изображения трех островов в Беринговом проливе, противоположных берегов Азии и Америки, отрезка маршрута «Св. Гавриила». К югу от американского мыса и западнее окончания намеченной трассы показан четвертый остров. К сожалению, весь маршрут бота на карте не показан, а небольшая часть пути от Чукотского полуострова к Аляске изображена в обобщенном виде. Нанесенная пунктиром трасса отражает лишь общее главное направление (без ответвлений) и проходит мимо трех островов с южной стороны, поворачивая далее вдоль Большой земли на юго-восток.

У открытой и обследованной русскими мореплавателями северо-западной оконечности Большой земли на карте помещена знаменательная надпись: «Здесь был геодезист Гвоздев 1732 года». С тех пор имя русского геодезиста М. С. Гвоздева навечно связано с открытым им берегом и мысом Аляски. Его первооткрытие как важный и ценный вклад в мировую географическую

зина (№ 69) одним из источников карты назван журнал Федорова и Гвоздева, на остальных копиях — только Федорова.

«Карта меркаторская от Охоцка до Лопатки и до Чукоцкого носу...». Октябрь 1743 г. Фрагмент копии (оригинал подписан М. П. Шпанбергом)

Основной источник составления — карта 1743 г. Х. Юшина, Е. Родичева и М. С. Гвоздева

ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 36

науку XVIII в. вскоре было зафиксировано на географических картах, многократно повторяясь на русском, французском, английском и немецком языках. Несмотря на то что сведения и карта о походе Гвоздева были в то время секретными, уже в 1746 г. на карте мира («Mappa Monde...») из так называемого столбчатого атласа наследников Гомана на восточном берегу Берингова пролива появилась надпись: «detecta a Gwosdew 1730». «Берег, открытый геодезистом Гвоздевым в 1730 году» обозначен на карте 1754—1758 гг. русских открытий Г. Ф. Миллера³, опубликованной на французском и английском языках (42, с. 103). Изданием в 1752 г. «Carte générale des découvertes de l'Amiral de Fonte et autres navigateurs Espagnole, Anglais et Russes, pour la recherche du Passage a la Mer du Sud» Ж.-Н. Делиль пытался объединить (с научной точки зрения совершенно безуспешно) ряд реальных событий

³ ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 50.

с фантастическими данными о вкладе европейских народов в открытия на Тихом океане и американском континенте. На этой карте, наполненной множеством курьезных ошибок, без упоминания фамилии Гвоздева нанесены: маршрут бота «Св. Гавриил» в 1731 г. (правильно в 1732 г.) от устья р. Камчатка до Чукотского полуострова, почему-то совмещенный с маршрутом плавания Беринга 1728 г., продвижение судна вдоль берега Аляски и «обратный путь русских на Камчатку в 1732 г.». Общая конфигурация всего маршрута повторяет схему чертежа, приложенного к записи Делилем интервью Соймонова в 1738 г. Несомненно, что чертеж, как и карта 1752 г., не могут быть достоверными источниками, поскольку оба составлены на основе приблизительного описания, но таким путем сведения об открытии Гвоздева проникли на запад.

В изображении Чукотского полуострова, Берингова пролива и Большой земли (Аляски) в отечественной картографии XVIII в. сложилось несколько традиций (7, с. 142), основанных на разных источниках для картосоставления и различных географо-топонимических представлениях. Обзорную динамическую картину изменений (с XVIII в.) в этих представлениях о районе открытий М. С. Гвоздева рисует таблица на с. 148—155, дополняющая ранее приводимые в литературе сведения (64, с. 111).

Одно из направлений представлено картографическими произведениями, продолжавшими традиции древнерусских карт-чертежей. Составленные по распросным данным, они, как правило, не имели должного математического обоснования (проекция, географическая сетка), а в названиях географических объектов закрепляли местные (народные) чукотские или эскимосские топонимы. Среди карт этого рода следует назвать карты «Камчадалии» 1732 г., А. Ф. Шестакова 1724 г., И. К. Кирилова 1724 г., И. Львова (не ранее 1728 г.), Я. И. Линденау 1742 г., Т. Первалова 1744, 1746 и 1754 гг., Н. Дауркина 1765 г. (5, № 55, 58, 68, 122—124, 127—129).

Начало научному картографическому направлению положили карта М. Шпанберга 1743 г., или, точнее, ее основа — ненайденная карта того же года М. С. Гвоздева, Х. Юшина, Е. Родичева и итоговые карты Второй Камчатской экспедиции. Тесны связи этих материалов. Выяснилось, что трудный опыт плаваний

Гвоздева в Беринговом море в 1732 г. тщательно изучали командный состав Второй Камчатской экспедиции и Морская академия. При подведении в 1746 г. итогов работ всех экспедиций с 1725 по 1743 г. на Северо-Востоке, когда, по меткому выражению выдающегося мореплавателя А. И. Чирикова, «открылось не на малой части земноводного глобуза много земель и островов, от которых до упомянутого времени было неизвестно, а ныне явственно», весомые научные результаты принесли, как оказалось, труды геодезиста Гвоздева. Авторитетная комиссия Морской академии по составлению итоговой карты русских географических открытий в Сибири и в северной части Тихого океана после тщательного изучения обобщила многочисленные картографические материалы и создала «Генеральную карту Российской империи северных и восточных сибирских берегов». В легенде к ней перечислены использованные источники картосоставления, из которых отметим лишь относящиеся к работам М. С. Гвоздева: «... а от Охотского острога западный берег Пенжинского моря положен с карт посыланных в ту сторону морем мичманов Ртищева да Шхельтинга, а земля, положенная против чюкоцкого Восточного угла к востоку, лежащая от 65 до 68° N ширины, положена с карты геодезиста Гвоздева» (35, с. 795—797; 29, с. 191; 26, с. 240). Подобные же сведения ранее приводились на первом варианте генеральной карты (в меркаторской проекции), созданной по распоряжению А. И. Чирикова и переданной им летом 1745 г. перед отъездом из Енисейска в Петербург С. Вакселю. Это обстоятельство, кстати, позволяет нам обратить внимание историков камчатских экспедиций на неотмеченный факт проведения Чириковым работы по созданию итоговой карты еще в Сибири (первая половина 1745 г.), а не только в 1746 г. в стенах Морской академии. Таким образом, на генеральной карте 1746 г. участок западного берега Пенжинского моря от Охотска до устья р. Уда и Шантарские острова нанесены по съемкам, проведенным мичманом В. Ртищевым и А. Шельтингом при участии М. С. Гвоздева. Как показало сопоставление, на итоговой карте 1746 г. и карте Шпанберга 1743 г. (производной от карты Гвоздева, Юшина и Родичева) совершенно идентично изображение береговой линии от устья р. Камчатка до Чукотки, островов в проливе и берегов Аляски. Правда, не обошлось без картографи-

ческого курьеза. На карте Морской академии острова Диомиды показаны дважды — как открытие Беринга и как открытие Гвоздева. В 1728 г. Беринг открыл только один, самый западный из островов в проливе и назвал его именем Святого Диомиды. Под тем же названием поместили этот остров и составители карты 1746 г. Однако, увидев на карте Шпанберга—Гвоздева с товарищами три острова (современные Ратманова, Крузенштерна и скала Фэрзуэй), картографы академии нанесли на свою карту и эти острова, поместив их на широте мыса Принца Уэльского, севернее берингова «Св. Диомиды». Тем не менее очертания Чукотки и берегов Аляски, заимствованные с карты Шпанберга—Гвоздева с товарищами 1743 г., на генеральных картах 1746 г. Морской академии были для своего времени наиболее точны и достоверны. К сожалению, научные результаты исследований М. С. Гвоздева и Второй Камчатской экспедиции не получили соответствующего отражения ни в Атласе Академии наук 1745 г., ни на обзорной карте 1754—1758 гг. Географического департамента (22, с. 54).

В отличие от рукописных и строго ограниченных для широкого использования карт Морской академии печатные карты Миллера 1754—1758 гг. и Миллера—Трускотта 1773 г. получили распространение в России и за рубежом, открыв еще одну, на этот раз ошибочную традицию в изображении Северо-Востока Азии, Северного и Тихого океанов. Появление на миллеровских картах грушевидного Чукотского полуострова, несуществующих архипелагов в Тихом океане и других фантастических построений объясняется тем, что Академии наук и академику Миллеру не удалось получить из Адмиралтейств-коллегии новейших данных.

Ошибочно полагать, что об открытии Гвоздевым островов и американского берега стало известно лишь в середине XIX в. после опубликования статей о походе 1732 г. На самом же деле поступившие в Адмиралтейств-коллегию рапорты геодезиста 1741—1743 гг. и его карта похода в переработке Шпанберга стали объектами пристального изучения со стороны участников почти всех последующих экспедиций на Северо-Восток Азии, в Северный Ледовитый и Тихий океаны. На протяжении почти пятидесяти лет эти материалы были единственным и надежным источником для суждений о труднодоступном и малоисследованном районе.

При составлении своего обстоятельного проекта освоения Северо-Востока Азии (июнь 1746 г.) А. И. Чириков особо остановился на фактах обнаружения участниками Второй Камчатской экспедиции в районе о. Беринга и «при других местах» различных животных (26, с. 219). Он подчеркнул: «А потому уповательно, что и у протчих тамошних островов бобры, нерпы, коты и киты имеются, а та земля, которую показывает, что видел, геодезист Гвоздев, с жителями находится прямым разстоянием от устья реки Камчатки не меньше как 1700 верст ... от Анадырского острога рекою Анадырем и морем более 1100 верст, а от устья Анадыря одним морем больше 600 верст... При Чюкотской земле в море имеютца моржи, киты, нерпы и протчее морское, тому чаятельно будет, по недалнему разстоянию, и при земле, виденной от геодезиста Гвоздева»⁴. Из задач обследования малоизученных земель и островов Чириков выдвинул задачу нового похода к американскому берегу, считая необходимым расширить и углубить сведения, полученные М. С. Гвоздевым. «Когда время допустит, хотя и не скоро,— писал ученый мореплаватель,— и до земли, виденной Гвоздевым, лежащей выше 64 градусов северной ширины, и хотя она от Камчатки далека, да и клемата того места холодная, почему плодов произносить та земля не может, точно слух обносится, будто имеется на ней много соболей и протчих зверей, для подлинного осведомления сходить бы и к той земле»⁵.

Остались и другие заметные следы интенсивного и целенаправленного использования материалов Гвоздева. Сохранились многочисленные копии и выписки из рапортов геодезиста с комментариями и пометами заинтересованных лиц, относящиеся к 50—70 гг. XVIII в. Среди них, например, «выписка из рапорта геодезиста Гвоздева, поданная флота капитану Шпанбергу», изготовленная для анадырского командира Ф. Плениснера, записка для экспедиции Креницына—Левашова — «по рапорту геодезиста Гвоздева капитану от флота Шпанбергу показано...» и т. п.⁶. На обороте копии

⁴ ЦГАВМФ СССР, ф. 230, д. 1, л. 56.

⁵ Там же, л. 61 об.; ф. 216, д. 48, л. 742 и об.

⁶ Там же, ф. 172, д. 408, ч. 1, л. 46—49а, 413—416 об.; ф. 913, оп. 1, д. 1, л. 84 об.—92.

II. Фондезина карты Шпанберга 1743 г. помещены две пометы. Первая из них неверно раскрывает содержание документа: «NO 1 карта. Плавание от Охотска до Камчатки геодезиста Гвоздева в 1732 году». Другая запись: «Копии с коллекских карт, данных при отравлении в экспедицию, а подлинные копии оставлены в Петропавловской гавани» (46, № 69). Вторая помета убедительно подтверждает, что в Адмиралтейств-коллегии сложилась определенная система использования картографических материалов для нужд вновь формирующихся экспедиций. Особый размах приняло копирование документальных материалов при возобновлении камчатской экспедиции в 1754 г. Для сибирского губернатора В. А. Мятлева и начальника Нерчинской экспедиции Ф. И. Соимонова Адмиралтейств-коллегия организовала снятие многочисленных копий, описи которых имеют большое научное значение. Среди них отметим, например, «Реестр поданным в коллегию от бывших в Камчатской экспедиции офицеров их журналов, с которых описаны копии», где указан и «вахтенный журнал № 15. Штюрмана Ртищева и геодезиста Гвоздева 1742 года»; «Реестр камчатских походов нижеписанным картам и планам... и с них срисованы копии», в который под № 5 внесена «Карта Пензенским морем от Большерецка до Курильских островов мичмана Ртищева и геодезиста Михаила Гвоздева. Подклеена холстом»⁷, а под № 42 — «Два плана удобным к поселению местам при Охоцке геодезиста Гвоздева, на холсте» (с примечанием на полях: «Один оставлен в коллегии, один послан к Мятлову без копий»⁸). Сохранилась копия карты Шпанберга 1743 г., изготовленная в 1754 г. Ф. Трапезниковым (46, № 70).

Карта Шпанберга 1743 г. и гвоздевские описания похода были использованы экспедицией Н. П. Шалаурова. На карте северо-восточной Сибири, составленной писарем экспедиции Филиппом Вертлюговым в 1767 г., очертания берега Большой земли и островов в проливе точно повторяют изображение 1743 г. (72, с. 322). Кроме того, Вертлюгов, по-видимому, на основании рапортов геодезиста обозначил маршрут похода 1732 г. На карте прямыми пунктирными линиями показан

⁷ Там же, ф. 216, д. 73, л. 111—113, 126—128.

⁸ Там же, л. 115, 128 об.

«сих красного виду точек путь Гаврила бота» от устья Камчатки до «Чюкоцкого носа», далее от азиатского мыса мимо островов (с севера) к американскому, а обратно почему-то только до острова Карагинского. Произвольно нанесена трасса и на карте (не ранее 1767 г.) Т. Перевалова. На ней маршрут пролегает с юга на север между первым и вторым островами Берингова пролива и оканчивается у мыса американского берега⁹. Подобные попытки нанести примерную трассу плавания судна М. С. Гвоздева предпринимались неоднократно. Из современных вариантов назовем маршруты, показанные на исторических картах «Великие русские географические открытия в Тихом и Северном Ледовитом океанах в первой половине XVIII в.» из Морского атласа 1958 г. (л. 13) и «Важнейшие походы землепроходцев и научные экспедиции в Сибири конца XVI—XVIII вв.» из «Истории Сибири» (т. 2, 1968).

Текстовые и графические свидетельства о плавании, оставленные М. С. Гвоздевым, по достоинству оценили и выдающиеся ученые XVIII в. Так, не сомневаясь, что «Северный Сибирский океан с Атлантическим и Тихим непрерывное соединение имеет и что Азия от Северной Америки отделена водами», великий М. В. Ломоносов отметил, что «против Чукотского носу есть земля, острова или матерая, о том уверяют известия геодезиста Гвоздева и объявления тамошних жителей» (39, с. 451). Едва заняв пост сибирского губернатора, Ф. И. Соимонов поспешил сообщить Екатерине II свое мнение о существовании Нового Света. Он, ранее встречавшийся в Иркутске с Гвоздевым, писал в рапорте 27 ноября 1757 г.: «Явное доказательство и следующее есть, что... в 1732 году отпущен был из Охотска в бытность Скорнякова-Писарева геодезист Гвоздев, который у той земли был. И хотя никаких других обстоятельств не упомнит, да и журналу его не отыскано, однако он мне словесно объявил, что довольно лесов на той земле видел» (25, с. 41).

46 лет спустя после плавания М. С. Гвоздева острова в проливе видела экспедиция английского мореплавателя Дж. Кука. Не дав нового наименования каждому острову в отдельности, Кук назвал их в совокупности

⁹ ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 10.

островами Диомиды (71, с. 243—244), северо-западную оконечность полуострова на американской земле — «Cap Prince Wales» («мыс Принца Уэльского», в транскрипции XVIII—XIX вв. — «мыс Принца Валийского»), а остров Окибан (Укивок) — «King» (Кинг). Академик П. С. Паллас, сравнивая результаты плаваний 1732 и 1778 гг., с удовлетворением подчеркнул точность русских картографических произведений. «Достоин замечания, — писал ученый, — что означенный на наших старых картах по открытиям геодезиста Гвоздева берег матерой земли американской против Чукотского носу нарочито сходствует положением длины и ширины с тем, какое определяет капитан Кук» (48, с. 142). В 1819 г. морской историк В. Н. Берх полагал, что Гвоздев определил «с математической точностью широты трех маленьких островов в Беринговом проливе и противулежащий им мыс Америки» (12, с. 10).

На картах русского картографа конца XVIII в. профессора Горного училища А. Вильбрехта острова Диомиды и Укивок не названы. Ученый пытался сочетать новое западноевропейское наименование мыса на полуострове Сьюард с историческим чукотским топонимом, введенным в обиход казачьим сотником И. Кобелевым. На карте последнего, опубликованной в 1784 г., была сделана надпись: «Американский нос, виден был геодезистом Гвоздевым в 1732 году и назван Землица Гигмальская». Отметим, что ни в одном из отчетов М. С. Гвоздева такого названия найти нельзя. «Землица Гигмальская» — это трансформация встречаемого в источниках XVIII в. чукотского обозначения «кыхмыльцы», «мыс Кынг-Мын», «земля Кыгмын» и т. п. Все эти наименования заимствованы у чукчей: чукотское название Америки — Земля кымылыт, т. е. эскимосская (8, с. 128). На карте А. Вильбрехта 1787 г., увидевшей свет на русском и французском языках, написано: «м. Принц Вальской», а затем ироническое напоминание, в сущности перечеркивающее введенное Куком название: «Сей нос был еще известен в 1732 году геод. Гвоздевым под названием Землица Кыгмальская». Нелишне заметить, что советские исследователи неоднократно и совершенно справедливо не могли удержаться от упрека Дж. Куку в отношении искусственного присвоения северо-западному мысу северо-американского континента произволь-

ного и исторически необоснованного названия (81, с. 9) и напомнить, как великий мореплаватель В. М. Головнин в свое время язвительно иронизировал над пристрастием иностранцев давать свои названия новым местам. Он писал, что если бы кто-нибудь из них совершил открытия, подобные русским, достигшим в 30—40-е годы XVIII в. Америки, «то не токмо все мысы, острова и заливы американские получили бы фамилии князей и графов, но даже и по голым камням расадил бы он всех министров и всю знать; и комплименты свои обнародовал бы всему свету» (18, с. 121). Хотя наименование, предложенное Куком, укрепилось и существует до сих пор, некоторые русские ученые в знак протеста упорно продолжали называть мыс иначе. Например, В. Н. Берх на своих картах в первой половине XIX в. постоянно называл американский мыс как «м. Гвоздева» или «мыс, открытый Гвоздевым в 1732 году». Представляется важным восстановление исторической справедливости: мыс должен быть переименован и назван в честь первооткрывателя — петровского геодезиста М. С. Гвоздева.

Проблема отражения и закрепления отечественного приоритета открытий в названиях географических объектов давно волновала русских мореплавателей и путешественников. При обследовании островов Диомиды Г. А. Сарычев в 1791 г. переименовал острова, правильно присвоив им название «острова Гвоздевы»¹⁰. Изучение островов Гвоздева в 1816 г. продолжил лейтенант О. Е. Коцебу, который назвал один из островов в честь первого русского кругосветного мореплавателя И. Ф. Крузенштерна. Тогда из-за туманов Коцебу «открыл» несуществующий в действительности четвертый остров и присвоил ему имя капитан-лейтенанта М. И. Ратманова. Когда стало ясно, что четвертого острова не существует, его название было перенесено Г. С. Шишмаревым в 1820 г. на самый западный из островов Гвоздева. Наименования, существующие и поныне, вслед за Коцебу и Шишмаревым закрепил в 1826 г. мореплаватель Ф. Бичи. Он довольно точно нанес на карту острова Ратманова и Крузен-

---

¹⁰ В справке об островах Гвоздева (Диомиды) составители сборника «Русские мореплаватели» (1953) ошибочно указывают, что названы они так в середине XVIII в. Г. Ф. Миллером.

штерна, а самый маленький и восточный остров называл Fairway Rock — скала «Добрый путь» (13, с. 110). Но и при восстановлении исторически сложившихся обозначений допускались ошибки, как это случилось, например, с Ф. П. Литке. В 1828 г. во время обследования островов Гвоздева он вернул каждому из них местное название, а в целом назвал островами Диомида, полагая, что так их наименовал еще В. Беринг. Но Литке и не подозревал, что капитан-командор и экипаж «Св. Гавриила» в 1728 г. видели только один остров (Ратманова). С тех пор острова, увиденные и впервые описанные М. С. Гвоздевым в 1732 г., на русских и иностранных картах Берингова пролива не имеют устойчивого названия. Этот архипелаг чаще всего стали называть островами Диомида. Однако нередко встречается сарычевское «острова Гвоздева» (французский атлас А. Дюфура 1860 г., шведский атлас Боньера 1951 г. и др.) или двойное обозначение, как на карте Л. А. Загоскина 1844 г. (31), — «острова Гвоздева или Св. Диомида», в Морском атласе 1950—1958 гг. — «острова Диомида (Гвоздева)». Пока еще не осуществлено предложение видных русских географов П. П. Семенова-Тян-Шанского и академика Л. С. Берга отметить память Гвоздева, назвав его именем острова Диомида (45, с. 37).

Несмотря на отдельные попытки замолчать или исказить важность морского похода 1732 г. (76), в целом современной мировой научной (73) и научно-популярной (77) литературой признана большая научная значимость достижения русскими мореплавателями берегов Северо-Западной Америки.

Более 250 лет тому назад, 21 августа 1732 г., экипаж русского судна «Св. Гавриил» под командованием петровского геодезиста Михаила Спиридоновича Гвоздева первым из европейцев достиг берегов Северо-Западной Америки в районе п-ова Сьюард. Пионеры в исследовании островов Берингова пролива и побережья Аляски осуществили крупные географические открытия, отметившие начальный этап истории русско-американских отношений, истории социально-экономических, политических и торговых связей разделенных узким проливом двух континентов. Они сделали первые шаги на пути становления России как тихоокеанской державы.

Крупнейшее географическое событие первой половины XVIII в.— экспедиция и открытия М. С. Гвоздева — имело выдающееся научно-историческое значение. В результате плавания «Св. Гавриила» в 1732 г. появилось первое в мире правдоподобное картографическое изображение Берингова пролива, островов в проливе (острова Диомида—Гвоздева), участка берега Аляски и его северо-западного выступа и достоверное их описание. По сравнению с Первой Камчатской экспедицией В. Беринга был достигнут значительный прогресс в обследовании северной части Тихого океана: морской отряд под руководством М. С. Гвоздева впервые пересек пролив с запада на восток, тем самым доказал раздельность азиатского и американского материков, зафиксировал расположение Большой земли (Аляски) и кратчайший путь к ней от Восточного (Дежнева) мыса через острова (Диомида—Гвоздева). Отважные мореплаватели, умело преодолев сложные навигационные условия (мели, штормы, неисправности такелажа), побывали на островах Берингова пролива, собрали разнообразные сведения о коренном населении Чукотки, островов и Большой земли, а также о физико-географических и других особенностях района плавания. Несмотря на фрагментарность и лаконичность, полученные данные долгое время служили единственным источником в целом правильных представлений о северной части Тихого океана.

Ценнейшее научное наследие оставил геодезист М. С. Гвоздев. Его рапорты-описания — первое известное в науке документальное свидетельство о достижении русскими северо-западного берега Америки. Научные результаты плавания, обобщенные и показанные на карте 1743 г., оказали самое непосредственное влияние на последующее развитие картографического изображения берегов и островов Берингова пролива в русской и зарубежной картографии второй половины XVIII — начала XIX в. Географические открытия Гвоздева с различной степенью подробности нашли отражение на сводных картах Второй Камчатской экспедиции и Морской академии 1745—1746 гг., карте мира Г. М. Ловица 1746 г., картах открытий Ж.-Н. Деллиля 1752 г., Г. Ф. Миллера 1754—1758 гг., а также Ф. И. Соймонова 1760 г., Т. Перевалова 1767 г., И. Ф. Трускотта — Г. Ф. Миллера 1773 г., И. Кобеле-

ва 1779 г., А. Вильбрехта 1787 г., Г. А. Сарычева 1791 г., О. Е. Коцебу 1816 г., В. Н. Берха 1821. Хотя открытия Гвоздева получили всеобщее признание еще у современников, восхищение подвигом геодезиста наиболее удачно выразил много плававший по морям историк В. Н. Берх: «Имя его пребудет незабвенным до того времени, пока существовать будут описанные им острова» (12, с. 10). В ознаменование морских исследований Гвоздева его именем назван один из мысов острова Сахалина.

В ходе открытия новых районов положительную роль сыграла и известная историческая преемственность. Опыт морского путешествия под руководством М. С. Гвоздева изучался и использовался всеми последующими северо-восточными экспедициями, в особенности Второй Камчатской экспедицией. Многие участники похода 1732 г. стали членами экипажей «Св. Петра» и «Св. Павла», которые под командованием В. Беринга и А. И. Чирикова во время плавания 1741 г. открыли новый участок побережья Северо-Западной Америки и Алеутские острова.

Перешел на службу во Вторую Камчатскую экспедицию и геодезист Гвоздев. С тех пор символическую надпись, нанесенную на различных картах у современного п-ова Сьюард, — «здесь был геодезист Гвоздев» — можно было бы поместить у многих других географических объектов. И среди них прежде всего — у морского берега на юг от Охотска, описанного Гвоздевым в апреле—июне 1741 г., устья р. Большая, Курильских островов, восточного берега Сахалина, р. Уда и Шантарских островов, обследованных М. Гвоздевым совместно с А. Шельтингом и В. Ртищевым во время плаваний на дубель-шлюпе «Надежда» в сентябре—октябре 1741 г. и июле—октябре 1742 г. Наконец, сюда можно отнести и районы Иркутской провинции, картографированием которых Гвоздев занимался до последних дней своей многолетней службы в Сибири.

Динамика изменения названий островов в Беринговом проливе и северо-западной оконечности Аляски с XVIII в.

Источник	Острова Диомиды			о. Кинг	Мыс Принца Уэльского
	о. Ратмакова	о. Крузенштерна	Скала Феруэй		
<p>1. Карта «Камчадалская земля с Ламским или Пенжинским морем, как таковые были найдены и обследованы в результате различных походов русских казаков и охотников за соборами по воде и земле» (перевод с нем. яз.). Из атласа И. Гомана, 1725 г.</p> <p>2. «Карта, изображающая Анадырский остров и Анадырское море» И. Львова, не ранее 1727—1728 г. ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 26</p> <p>3. «Каталог городам и знатным местам сибирским...» Первой Камчатской экспедиции, 1728 г. Экспедиция Беринга, с. 66</p> <p>4. Рапорты геодезиста М. С. Гвоздева 1741 г. и 1 сентября 1743 г. Ефимов, 1948, с. 236—243; с. 244—249</p>	«Пустой»	«Остров, где живут люди»	—	—	Не назван (на другом варианте карты: «Psoopnita»)
«На сем острове живут люди, по чюкоцки зовомы ахьюхалят»	«На сем острову живут люди, по чюкоцки зовомы пэкелы»	—	—	—	«Землица Большая, а на ней живут люди, по чюкоцки зовомы кингэлят»
«Остров святого Деомиды» 67 град. 00 мин. ширины N 125 град. 42 мин. длины от Тобольска к востоку»	«Первой остров»	«Второй остров»	Не названа	«Четвертой остров»	«Большая земля»

<p>5. Карта Северо-Восточной Азии Я. И. Линденау, 1742 г. ЦГАДА, ф. 248, карты, № 1910</p>	<p>Без названия</p>	<p>Без названия</p>	<p>Без названия</p>	<p>Без названия</p>	<p>«Бол. земля»</p>
<p>6. «Карта меркаторская от Охотка и до Чукоцкого носу...» М. П. Шланберга, октябрь 1743 г. ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 36; ЦГВИА, ф. ВУА, № 23431; АЦКП ВМФ, № 69, 70</p>	<p>«С. Диомид»</p>	<p>Без названия</p>	<p>Без названия</p>	<p>Без названия</p>	<p>«Здесь был геодезист Гвоздев 1732 года»</p>
<p>7. «Карта северной части Восточного океана с Беринговым проливом и частью Ледовитого океана» Морской Академии, 1746 г. АЦКП, ВМФ, № 82; см. также ЦГВИА, ф. ВУА, № 23466, 20227</p>	<p>«С. Диомид»</p>	<p>Без названия</p>	<p>Без названия</p>	<p>«Юрты»</p>	<p>(в легенде) «Земля, положенная против чюкоцкого Восточного угла к востоку, лежащая от 65 до 68 градусов северной широты, положена с карты геодезиста Гвоздева»</p>
<p>8. «Mapra Monde...» Г. М. Ловица, 1746 г. из «Atlas von Hundert Carte» Atlas Homannianus, 1773</p>	<p>—</p>	<p>—</p>	<p>—</p>	<p>—</p>	<p>«defecta a Gwosdew 1730»</p>

Таблица (продолжение)

Источник	Острова Диомиды			о. Книг	Мыс Принца Уэльского
	о. Ратманова	о. Крузен-штерна	Скала Феруэй		
9. Карта Чукотского полуострова и части Камчатки Т. Перевалова, октябрь 1754 г. Атлас, 1964, № 124	«Острова зубатых чукоч»	«На сем острову живут люди называютьца пескелы зубатые»	—	—	«Остров или земля Большая и живут люди, по чюкоцки называютьца кпингэдят»
10. Карта Г. Ф. Миллера, 1754—1758 гг. «Nouvelle carte des découvertes, faites par des vaisseaux Russiens aux côtes inconnues de l'Amérique Septentrionale avec les pays adjacents» ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 50	«Люди есть»	«I. St. Diomid»	—	—	«Côte decouverte par le geodesiste Gwosdew en 1730»
«A Map of the Discoveries made by the Russians on the North West Coast of America». London, 1761	То же	—	—	—	«Coast Discovered by surveyor Gwosdew in 1730»
11. Карта Северо-Восточной Азии с указанием существовавших и проектируемых морских и сухопутных путей. Ф. И. Соймонов, 1760 г.	«Остр. Диомиды»	—	—	—	«Земля западная часть Америки, на которой был прежде в 732 го-

ЦГАДА, ф. 248, карты, № 1911
Черновой вариант карты в ЦГВИА.
Ефимов, 1958, рис. 4

12. «Карта уезду города Якут-
ка, Чукотской земли, земли Кам-
чатки с околележащими местами и
часть Америки с около ея лежащими
ми островами» Т. Перевалова, не
ранее 1763 г.
«Красный архив», 1936, т. 1, с. 160

13. «Карта Чукотской земли с ча-
стью американского берега» Н. Да-
уркина, 1765 г.
ЦГВИА, ф. ВУА, № 23435

14. Карта Восточной Сибири
Ф. Верглюгова, 1767 г.
Сохе, 1780, с. 322; Александров,
№ 104

«Остров Маг-
ли. Живут зу-
батые чукчи»

(в эксплика-
ции)
«Остров Имя-
глин. На нем
живут люди зу-
баты...»

Без названия

«Остров
Игалги.
Живут зу-
батые
чукчи»

(в эксплика-
ции)
«Остров
Иняльдин.
На нем жи-
вут люди
такие же,
как на
Имяглине»

Без назва-
ния

Без назва-
ния

(в эксплика-
ции)
«Остров
отпрыдыш
пустой, а
название по
их Окива-
хай»

Без назва-
ния

Без назва-
ния

(в эксплика-
ции)
«Остров
Окибянь.
На нем
живут люди
такие же,
как на
Большой
земле»

«Большая земли-
ца»

ду геодезист Гво-
здев, точно жур-
налу его не оты-
скано»

«Часть Северной
Америки. Живут
люди, коих назы-
вают кыхмылца-
ми»

«Мыс
Кынг-Мын»

Таблица (продолжение)

Источник	Острова Диомида			Мьс Принца Уэльского
	о. Ратманова	о. Крузенштерна	Скала Феруэй	
15. «Карта, учиненная Якуцкого уезда, Камчатки и реки Анадыря с окололежащими местами Чукотской земли, тако ж часть Северной Америки и малая часть Японии» Т. Персвалова, не ранее 1767 г. ЦГАДА, ф. 192, Иркутская губ., № 10	«Магли о. Живут зубатые чукчи»	«Остров Игалги. Живут зубатые чукчи»	Без названия	«Земля сыскана в 730 году во время мореплавания с Камчатки геодезиста Гвоздева»
16. «Карта Северо-Восточной Азии и Северной Америки» Ф. Пленцнера, около 1770 г. Александров, № 123; Атлас, 1964, № 131	«Первой остров Инялин, на нем живут люди»	«Второй остров Инялин, на нем живут люди»	«Отпрыдыш без жилья Окивахай»	«Земля, называемая Кыгмын»
17. «Карта, представляющая избрения российскими мореплавателями на Северной части Америки с окололежащими местами в разные когта — Г. Ф. Миллера, 1773 г. ААН, р. IX, оп. 1а, № 210; АЦКШ ВМФ, № 86	—	—	—	«Берег, изобретенной геодезистом Гвоздевым в 1730 году»

<p>18. Копия карты Н. Дауркина 1765 г. с обновленной экспликацией, 1774 г. ЦГАДА, ф. 199, портф. 539, ч. 1, д. 1а, л. 20</p>	<p>«О. Имаглин»</p>	<p>«Ос. Инялин»</p>	<p>«Ос. пустой Окивахай»</p>	<p>«Ос. Окибан»</p>	<p>«...Большой земли части Америки, а называемой по чукоцки Кынгмын» «Car Prince Wales»</p>
<p>19. «Chart of Norton sound and Bhering strait...» Дж. Кука — Ч. Клерка, 1778—1779 г. (опубликована в английских изданиях 1782, 1784 и 1785 гг.)</p>	<p>Без названия</p>	<p>Без названия</p>	<p>Без названия</p>	<p>«King»</p>	<p>«Американской нос виден был геодезистом Гвоздевым в 1732 году и назван Землица Гимальская» «Нос Американской, которой еще известен был в 1730-м году под названием земляца Гымальская от геодезиста Гвоздева»</p>
<p>20. «Карта, принадлежащая к путешествию сотника Ивана Кобелева», 1779 г. «Месяцеслов исторический и географический». СПб., 1784</p>	<p>«Имахлин»</p>	<p>«Игеллин»</p>	<p>«Услен»</p>	<p>—</p>	<p>«Нос Американской, которой еще известен был в 1730-м году под названием земляца Гымальская от геодезиста Гвоздева»</p>
<p>Рукописный вариант карты к путешествию 1779 г. И. Кобелева Федорова, 1971, рис. 1</p>	<p>«Ос. Имоглин»</p>	<p>«Ос. Игеллин»</p>	<p>«Ос. Укзен»</p>	<p>—</p>	<p>«Американской, которой еще известен был в 1730-м году под названием земляца Гымальская от геодезиста Гвоздева»</p>
<p>21. Карта 1781 г. из «Собрания разных карт с показанием нути российских мореплавателей к Ледовитому морю и к Северной Америке» АВПР, ф. 339, оп. 888, № 930/10; ЦГВИА, ф. ВУА, № 23741, л. 4</p>	<p>Без названия</p>	<p>Без названия</p>	<p>Без названия</p>	<p>—</p>	<p>«Американской, которой еще известен был в 1730-м году под названием земляца Гымальская от геодезиста Гвоздева»</p>

Таблица (окончание)

Источник	Острова Диомиды			о. Кинг	Мыс Принца Уэльского
	о. Ратманова	о. Крузен-штерна	Скала Фаруэй		
22. «Восточная часть Иркутской губернии с прилежащими островами и западным берегом Америки» А. Вильбрехта, 1787 г. Все надписи повторены без изменений в русском и французском изданиях «Карты, представляющей открытия российских мореплавателей на Тихом море и аглинского капитана Кукка» А. М. Вильбрехта, 1787 г. ЦГВИА, ф. ВУА, № 23780, 23758	Без названия	Без названия	Без названия	Без названия	«М. Принц Вальской. Сей нос был еще известен в 1732 году геод. Гвоздевым под названием Землица Кыгмальская»
23. «Меркаторская карта, представляющая Ледовитое море, Берингов пролив и часть Восточного океана с берегами Чукотской земли и Северной Америки» Г. А. Сарычева, 1791 г. Сарычев, 1802, атлас, л. 52	«Острова Гвоздевы»	«Острова Гвоздевы»	«Кивахой»	«Окибень»	«Мыс и селение Кыгмыле»
24. «Меркаторская карта Берингова пролива» О. Е. Коцебу, 1816 г. Коцебу, 1821	(Ратманова)	Крузенштерна	«Острова Гвоздевы»	«Кинг»	«Мыс приица Валискаго»
			Без названия	Без названия	

25. «Меркаторская карта, представляющая Ледовитое море, Берингов пролив и часть Восточного океана с берегами Чукотской земли и Северной Америки» по съемкам М. Н. Васильева и Ф. П. Врангеля, 1824 г.

АВПР, ф. 339, оп. 888, № 949/29; ЦГВИА, ф. ВУА, № 23424

26. «Карта российских владений в Северной Америке» В. Н. Берха, 1824 г.

АЦКП ВМФ, № 188

27. «Генеральная карта Берингова моря» и «Меркаторская карта западного берега Берингова пролива, составленная с описи, произведенной на шлюпе „Синявине“ флота капитаном Ф. Литке», 1828 г.

Литке, 1835, атлас, л. 1, 2

28. «Меркаторская генеральная карта части Российских владений в Америке...» Л. А. Загоскина, 1844 (опубликована в 1848 г.)

Загоскин, 1956, приложение

29. Морской атлас, 1950—1958

«Острова Гвоздевы»

Без названия	Без названия	Без названия
Без названия	Без названия	Без названия

«Острова Св. Диомида»

«Нунарбук»	«Игналулук»	«Укьяк»
«Острова Гвоздевы, или Св. Диомида»	«О. Имаклит»	«О. Укьяк»

«Диомида (Гвоздева) острова»

Остров Ратманова	Остров Крузентерна	скала Фэрруэй
— Большой Диомид	— Малый Диомид	65°35' с. ш.
— Нунарбук	65°45' с. ш.,	168°45' з. д.
169°00' з. д.	168°55' з. д.	

«М. принца Валлеса»

«Мыс, описанный Гвоздевым в 1732 году»

«М. Принца Валлийского»

«М. и сел. Ныхта, или Принца Валлийского»

мыс Принца Уэльского 65°35' с. ш. 168°05' з. д.

Без названия

«О. Кинга»

«О. Уквивок»

остров Кинг 64°59' с. ш. 168°01' з. д.

Основные даты жизни и деятельности М. С. Гвоздева

- 1715 г. 24 декабря. Командирование из Преображенского приказа солдатского сына Семеновского полка Михаила Гвоздева для обучения в Московской математико-навигационной школе.
- 1716 г. январь—1718 г. Ученик Московской математико-навигационной школы.
- 1719—1721 гг. Ученик Морской академии в Санкт-Петербурге.
- 1721—1725 гг. сентябрь. Проведение съемочно-картосоставительских работ и описаний в Новгородском уезде в составе команды генерал-майора М. Я. Волкова.
- 1725 г. сентябрь — 1727 г. апрель. Продолжение учебы в Морской академии.
- 1727 г. 20 мая. Назначение геодезистом Дальневосточной экспедиции А. Ф. Шестакова.
- 1727 г. август — 1728 г. 29 июня. Путешествие по маршруту Петербург — Москва — Тобольск — Якутск.
- 1729 г. август — начало октября. Путешествие из Якутска в Охотск.
- 1730 г. 30 сентября. Прибытие на Камчатку и зимовка в Большерецком остроге.
- 1731 г. 23 июня — 9 июля. Плавание на боте «Св. Гавриил» из Большерецка к устью р. Камчатки.
- 1732 г. 11 февраля. Назначение командиром Камчатской партии экспедиции Д. И. Павлуцкого и руководителем морского похода к Большой земле.
- 1732 г. 1 мая — 1733 г. 30 ноября. Командир Камчатской партии.
- 1732 г. 23 июля — 27 (28) сентября. Плавание на боте «Св. Гавриил» из Нижнего Камчатского острога к берегам Северо-Западной Америки и обратно.
21 августа.— Русские мореплаватели на «Св. Гаврииле» под командованием М. С. Гвоздева первыми из европейцев достигли побережья Аляски в районе мыса Принца Уэльского.
- 1733 г. 20 июля — 1733 г. 30 ноября. Правление (совместно с И. Спешневым) камчатскими острогами.
- 1733—1735 гг. Руководство строительством камчатских острогов.
- 1735—1738 гг. Следствие в Тобольской губернской канцелярии по ложному доносу и реабилитация.
- 1738 июнь — 1739 май. Поездка по маршруту Тобольск — Иркутск к месту должностного назначения.
- 1739 г.— 1741 г. 14 июля. Геодезист правления Охотского порта.
- 1740 г. декабрь. Обследование, составление карты и описание района Охотск — р. Малчикан.

- 1741 г. апрель — июль. «Удская посылка». Рекогносцировочные и исследовательские работы в Охотском море.
- 1741 г. 14 июля. Геодезист Второй Камчатской экспедиции (отряд М. П. Шпацберга).
4 сентября — 14 октября. Продолжение исследований Охотского моря на дубель-шлюпе «Надежда». Описание р. Уда.
- 1742 г. 2 мая. Помощник штурмана дубель-шлюпа «Надежда». Май — 13 октября. Плавание на дубель-шлюпе «Надежда» из Большерецка к Курильским островам, Амуру и в Охотск.
- 1743 г. июль — август. Географическое и гидрографическое обследование района устье р. Охота — р. Малчикан.
- 1743 г. 9 сентября — 8 октября. Составление первой карты плавания 1732 г. бота «Св. Гавриил» к северо-американскому побережью (совместно с Х. Юпиным и Е. Родичевым).
- 1744 г. 13 июня — 13 августа. Путешествие с командой А. Шельтинга по речному маршруту Охотск — Якутск — Енисейск.
- 1744 г. сентябрь — 1754 г. декабрь. Геодезист адмиралтейской команды томского гарнизона.
- 1749 г. Геодезии подпоручик (со старшинством по чину с 1732 г.).
- 1754 г. 9 декабря. Картограф Иркутской губернской канцелярии.
- 1755 г. 5 апреля — 1758 г. Съёмочные и камеральные работы в Иркутской провинции. Описание, съёмка и составление карт и планов «пашенных земель и сенных покосов».
- 1759 г. 29 марта. Сенатский указ об отставке.

Документы М. С. Гвоздева ¹

1721—1725 гг. * Чертежи и описания рек и «различных мест» в Новгородском уезде.

1727 г. 20 июня. Расчет геодезических инструментов и материалов, необходимых для проведения съемочных и картографических работ в экспедиции А. Ф. Шестакова.

ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 307—308.

1727 г. 15 июля. «Скаска» (показания) о назначении требуемых для геодезических работ инструментов и материалов.

ЦГАДА, ф. 248, кн. 690, л. 309—311.

1731 г. 18 октября. «Письменное сообщение» о служебной деятельности в 1731 г. (совместно с И. Спешневым).

ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 298—303.

1732 г. 1 мая. Ведение штурману Я. Я. Генсу о назначении геодезиста главой морского похода к Большой земле.

ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 5, л. 126—127.

1732 г. 3 мая. Описание бота «Св. Гавриил», его такелажа, снаряжения и оснащения, а также «всей казны», служивших людей и матросов, поступивших в команду М. С. Гвоздева.

ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 3, л. 188—195.

1732 г. 2 мая — 13 июля. Ордера-распоряжения по организационно-хозяйственным вопросам в связи с подготовкой к отплытию бота «Св. Гавриил».

ЦГАДА, ф. 1002, д. 1, л. 8—20.

1732 г. 2 июля. Письмо-извещение штурману Я. Я. Генсу об отправлении в морской поход к Большой земле.

ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 61.

1732 г. 23 июля — 27 (28) сентября. * Вахтенный журнал плавания бота «Св. Гавриил» (совместно с подштурманом И. Федоровым).

1732 г. 10 ноября. * Письмо к подштурману И. Федорову о необходимости совместного «исправления» журнала и ландкарты морского плавания 1732 г.

¹ Звездочкой отмечены документы, не сохранившиеся или не найденные, но известные в исторических источниках по упоминаниям, цитированию или передаче в изложении.

1732 г. 19 декабря. * Отчет анадырскому командиру Д. И. Павлуцкому о морском походе 1732 г. к берегам Северо-Западной Америки с «надлежащими описями» и копией вахтенного журнала плавания.

1733 г. 22 июня. * Отчет командиру Охотского порта Г. Г. Скорнякову-Писареву о морском походе 1732 г. к берегам Северо-Западной Америки с подлинным вахтенным журналом плавания. Получен адресатом 23 декабря 1733 г.

1733 г. 23 июля. «Реестры партовским служителям» на Камчатке.

ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 4, л. 180—180 об.; д. 5, л. 7—7 об.

1738 г. 13 июня. «Скаска» (показания) в Сибирской губернской канцелярии о службе в экспедиции Шестакова—Павлуцкого.

ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 24, л. 599—600, 617—618.

Опубликована в 1956 г. (25, с. 45—46) под ошибочным заголовком «Показания Михаила Гвоздева, данные в Сибирской губернской канцелярии, о плавании к берегам Америки».

1740 г. июль. * Челобитная Анне Ивановне и прошение в Адмиралтейскую коллегия о присвоении очередного звания (с изложением служебных занятий с 1721 г.).

1740 г. ноябрь — декабрь. * «Описание к поселению удобных мест» и «обстоятельный чертеж» района впадения р. Малчикан в р. Охоту.

В архивных каталогах 1852 и 1917 гг. Гидрографического управления отмечен «План течения реки Охоты от пункта, находящегося в 60 верстах от устья, до сего последнего, рукописный, за подписью геодезиста Михаила Гвоздева (около 1740 г.) на русском языке». См.: *Б. Эвальд*. Каталог атласов и карт, хранящихся в Депо морских карт и книг Главного гидрографического управления Морского министерства. Ч. II. Пг., 1917, № 966; Каталог атласов, карт и планов Архива Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. 2. СПб., 1852, с. 238.

1740—1741 гг. * «Два плана удобным к поселению местам при Охоцке геодезиста Гвоздева, на холсте».

По описи Адмиралтейской коллегии 1754 г. (ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 73, л. 115, 128 об.).

1741 г. 13 апреля. Отчет командиру Охотского порта А. Девиеру о морском походе 1732 г. к берегам Северо-Западной Америки.

Опубликован в изложении в 1850 г. (51, с. 397—401) и в 1948 г. (30, с. 236—243).

1741 г. апрель — июль. * Описание морского побережья на юг от Охотска до р. Уды. Карта и журнал похода.

1741 г. 4 сентября — 14 октября. Вахтенный журнал плаваний дубель-шлюпа «Надежда» по маршруту Охотск-Шантарские острова — Курильские острова — Большерецкий острог (совместно с В. А. Ртищевым).

ЦГАВМФ СССР, ф. 913, оп. 1, д. 38, л. 440—460 об.

1741 г. сентябрь — октябрь. * Описи устья р. Уды и Шантарских островов (совместно с А. Е. Шельтингом).

1741 г. ноябрь. * Карта плаваний 1741 г. судна «Надежда» (совместно с А. Е. Шельтингом).

1742 г. 22 июля — 13 октября. Вахтенный журнал плаваний дубель-шлюпа «Надежда» по маршруту Курильские острова — восточный берег Сахалина — Охотск (совместно с В. А. Ртищевым).

ЦГАВМФ СССР, ф. 913, он. 1, д. 38, л. 495 об.— 521.

1742 г. ноябрь. * «Карта Пензенским морем от Большерецка до Курильских островов мичмана Ртищева и геодезиста Михаила Гвоздева. Подклеена холстом.»²

По описи Адмиралтейской коллегии 1754 г. (ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 73, л. 111—113, 126—128).

1743 г. 12 января. Рапорт офицерской комиссии об итогах рассмотрения показаний солдата М. Полуяновского, объявившего «слово и дело» на А. Е. Шельтинга и купца П. Белоусова (совместно с офицерами Второй Камчатской экспедиции В. А. Ртищевым, А. Коростелевым, А. Шагановым и И. Бобовским).

ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 53, л. 521—521 об.

1743 г. 7 июля. Рапорт А. Е. Шельтингу об экономической нецелесообразности строительства верфи на р. Малчикац (совместно с В. А. Ртищевым и Ю. Аритландером).

ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 56, л. 60—61.

Опубликован в 1979 г. (52, с. 234—235).

1743 г. 24 августа. Челобитная-автобиография на имя Елизаветы Петровны.

ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 56, л. 966—967.

Опубликована в 1956 г. (25, с. 43—45).

1743 г. 1 сентября. Рапорт капитану М. П. Шпанбергу о морском плавании 1732 г. к берегам Северо-Западной Америки.

ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 53, л. 733—738 об.

---

² Отмечена в архивных каталогах 1852 и 1917 гг. Гидрографического управления под заголовком «Карта плавания от Большерецка вдоль Курильской гряды, составленная под надзором капитана Шпанберга мичманом Ртищевым и геодезистом Гвоздевым в 1742 году, рукописная, на русском языке». См.: *Эвальд Б.* Указ. соч., ч. II, № 1003; Каталог атласов..., 1852, с. 247.

Опубликован в 1851 г. (59, с. 88—103), в 1948 г. (30, с. 244—248) и 1979 г. (52, с. 150—154), изложен в переводе на английский язык в 1914 г. (75, с. 160—162) и в 1922 г. (74, т. 1, с. 22—24).

1743 г. 8 октября. * «Экстракт» из «приватного» журнала И. Федорова плавания бота «Св. Гавриил» в августе 1732 г. (совместно с Х. Юшиным и Е. Родичевым).

1743 г. 8 октября. * «Карта» от реки Камчатки и до Чюкоцкого носу и далее островов» (совместно с Х. Юшиным и Е. Родичевым).

Отправлена 5 ноября 1743 г. в Иркутскую губернскую канцелярию как «Карта одного Гвоздева вояжу» (ЦГАВМФ СССР, ф. 216, д. 53, л. 742 об.)

1743 г. 4 ноября. * Две челобитные (в Сенат и Адмиралтейскую коллегию) о повышении чином с изложением служебной деятельности и заслуг.

1747 г. 12 февраля. * Прощение в Адмиралтейскую коллегию о присвоении геодезисту очередного звания.

1747 г. 5 июля. * То же.

1758 г. июнь. Челобитная Елизавете Петровне об отставке. ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 485а, л. 399—400 об.

Опубликована в 1979 г. (52, с. 155—159).

Литература

1. *Александров Б. В.* Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР.— В кн.: Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. М.; Л., 1946.
2. *Алексеев А. И.* Сыны отважные России. Магадан, 1970.
3. *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1965, вып. 2. XVIII век (первая половина).
4. *Андреев А. И.* Заметки по исторической географии Сибири XVI—XVIII вв.— Изв. ВГО, 1940, вып. 2.
5. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв. М.: Наука, 1964.
6. *Белов М. И.* История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956. Т. 1.
7. *Белов М. И.* О составлении Генеральной карты Второй Камчатской экспедиции 1746 г.— В кн.: Географ. сб. М.; Л., 1954. Т. 3.
8. *Берг Л. С.* Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука.— Зап. по гидрографии, 1920, т. II (43), вып. 2.
9. *Берг Л. С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, 1725—1742. 3-е изд. М.; Л., 1946.
10. *Берх В. Н.* Разные известия и показания о Чукотской земле.— Сев. арх., 1825, ч. 18, № 22.
11. *Берх В. Н.* Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой? и совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга. СПб., 1823.
12. *Берх В. Н.* Путешествие головы Афанасия Шестакова и поход майора Павлутского в 1729 и 1730 годах.— Сын отечества., 1819, № XX.
13. *Биркенгоф А. Л.* К истории названий «острова Гвоздева (Диомиды)», «Берингов пролив» и «Берингово море» — В кн.: Страны и народы Востока. М., 1972, вып. XIII.
14. *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965.
15. *Вдовин И. С.* Чертежи Чукотки 1742 и 1746 гг.— Изв. ВГО, 1943, вып. 4.
16. *Визе В. Ю.* Моря Советской Арктики. М.; Л., 1948.
17. *Воскобойников В. И.* Слово на карте: Из истории географических названий Камчатского полуострова. Петропавловск-Камчатский, 1962.
18. *Головнин В. М.* Сочинения и переводы. СПб., 1864. Т. III.
19. *Гольденберг Л. А.* Карта Шестакова 1724 г.— В кн.: Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. М., 1980.

20. *Гольденберг Л. А.* Тобольская опись В. Шишкина 1738 г. и новые источники о походах на Чукотку, Камчатку и к берегам Америки.— Сов. арх., 1980, № 3.
21. *Гольденберг Л. А.* Каторжанин — сибирский губернатор: Жизнь и труды Ф. И. Соймонова. Магадан, 1979.
22. *Гольденберг Л. А.* Географический департамент Академии наук и создание первого Академического атласа (1738—1799 гг.).— В кн.: Очерки истории географической науки в СССР. М.: Наука, 1976.
23. *Греков В. И.* Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
24. *Дивин В. А.* Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII в. М.: Мысль, 1971.
25. *Дивин В. А.* К берегам Америки. Плавания и исследования М. С. Гвоздева, первооткрывателя Северо-Западной Америки. М.: Географиздат, 1956.
26. *Дивин В. А.* Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М.: Географиздат, 1953.
27. *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий. М.: Наука, 1971.
28. *Ефимов А. В.* Из истории картографии Дальнего Востока.— В кн.: Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958.
29. *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах, XVII — первая половина XVIII в. М.: Географиздат, 1950.
30. *Ефимов А. В.* Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века. М., 1948.
31. *Загоскин Л. А.* Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М., 1956.
32. *Знаменский С. В.* В поисках Японии. Благовещенск, 1929.
33. *Кирилов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977.
34. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.— В кн.: Сборник архивных материалов. Л., 1935.
35. *Коцебу О. Е.* Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах на корабле «Рюрик»... СПб., 1821. Ч. 1.
36. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.
37. *Лангев С. Н.* О некоторых петровских геодезистах-топограффах, участниках Второй Камчатской экспедиции.— Учен. зап. Перм. ун-та, 1967, № 615.
38. *Литке Ф. П.* Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Сенявин» в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах. СПб., 1835.
39. *Ломоносов М. В.* Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию.— Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. 6.
40. Лоция северо-западной части Восточного океана. СПб., 1909. Ч. 4. Берингово море и пролив Беринга.
41. Материалы для истории русского флота. СПб. Ч. 3, 1866; Ч. 5, 1875.
42. *Медушевская О. М.* Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во

- 2-й половине XVIII века.— Тр. Моск. гос. иссл.-арх. ин-та, 1954, т. 7.
43. *Миллер Г. Ф.* Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с российской стороны учиненных.— Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1758, генварь — май; т. VII, июль — сентябрь, ноябрь, т. VIII.
  44. Морской атлас, 1950—1958.
  45. *Наумов А. В.* О карте русских открытий XVIII века в северной части Америки.— Тр. МИИГАИК, 1951, вып. 13.
  46. Описание старинных атласов, карт и планов XVI, XVII, XVIII веков и половины XIX века, хранящихся в Архиве Центрального картографического производства ВМФ. Л., 1958.
  47. *Орлова Е. П.* Чертежи Чукотки Якова Линденау и Тимофея Перевалова.— Вопр. географии Дальнего Востока. 1957, вып. 3.
  48. *Паллас П.* О российских открытиях в морях между Азией и Америкой.— Месяцеслов исторический и географический на 1781 г.
  49. *Полевой Б. П.* Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.
  50. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830—1884.
  51. *Полонский А.* Поход геодезиста Михаила Гвоздева в Берингов пролив 1732 года.— Мор. сб., 1850, т. IV, № 11.
  52. Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979.
  53. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948.
  54. *Сарычев Г. А.* Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжении осьми лет, при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год. СПб., 1802. Ч. 1, 2.
  55. *Сгибнев А. С.* Материалы для истории Камчатки. Экспедиция Шестакова.— Мор. сб., 1869, т. 100, № 2.
  56. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке.— Мор. сб., 1869, т. 101, № 4; т. 102, № 6.
  57. *Сгибнев А. С.* Навигацкие школы в Сибири.— Мор. сб., 1866, т. 87, № 11.
  58. *Сергеев В. К.* Московская математико-навигационная школа.— Вопр. географии, 1954, вып. 34.
  59. *Соколов А. П.* Первый поход русских к Америке 1732 года.— Зап. Гидрогр. департамента Мор. м-ва, СПб., 1851, ч. 9.
  60. *Соколов А. П.* Северная экспедиция 1733—43 года.— Зап. Гидрогр. департамента Мор. м-ва, СПб., 1851, ч. 9.
  61. *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области (1650—1800). Якутск, 1916. Т. 1.
  62. *Троцкий С. М.* Сибирская администрация в середине XVIII в. — В кн.: Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973.
  63. *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. М., 1971.
  64. *Федорова С. Г.* К вопросу о ранних русских поселениях на Аляске.— В кн.: Летопись Севера. М., 1964, т. IV.
  65. *Фель С. Е.* Картография России XVIII века. М., 1960.

66. Чукчи и земля их с открытия этого края до настоящего времени.— Журн. М-ва внутр. дел, 1851, ч. 34.
67. Шибанов Ф. А. Геодезическое образование в России в первой половине XVIII века.— Вестн. ЛГУ, 1980, № 6. (Сер. География, география, вып. 1).
68. Шибанов Ф. А. Очерки по истории отечественной картографии. Л., 1971.
69. Экспедиция Беринга: Сб. документов / Подгот. к печати А. Покровский. М., 1941.
70. Atlas Homannianus. Norimbergae, 1773.
71. Cook J. Voyage to the Pacific Ocean in the Years 1776, 1777, 1778, 1779 and 1780. L., 1785. Vol. II.
72. Coxe W. Account of the Russian Discoveries between Asia and America. L., 1780.
73. Fisher R. Bering's Voyages. Seattle; London: Whiter a. Why, 1977.
74. Golder F. Bering's Voyages. N. Y., 1922. Vol. I, II.
75. Golder F. Russian Expansion on the Pacific, 1641—1850. Cleveland, 1914.
76. Hulley C. Alaska, 1741—1753. Portland, 1953.
77. Lower A. Ocean of Destiny: A Concise History of the North Pacific, 1500—1978. Vancouver, 1978.
78. Müller G. F. Voyages Asia to America. L., 1761.
79. Pallas P. Geographische Beschreibung des Anadyrflusses.— Neue Nordische Beiträge. SPb., Leipzig, 1781, Bd. 1, St. 2.
80. Sailing directions (Onroute). For the East coast of the USSR.— Hydrographic Center. Pub., 1972, N 155.
81. Svet Ya., Fedorova S. Captain Cook and the Russians.— Pacific Studies, 1978, vol. II, N 1.
82. United States coast pilot. N 9. Pacific and Arctic coasts of Alaska, Cape Spencer to Beaufort Sea. Seventh Edition, 1964.

Список сокращений

- ААН — Архив Академии наук
АВПР — Архив внешней политики России
АЦКП ВМФ — Архив Центрального картографического производства Военно-Морского Флота
ВГО — Всесоюзное Географическое общество
ВУА — Военно-ученый архив
ф. 3 — Географический департамент Академии наук
ф. 21 — Дела Морского ведомства
ф. 24 — Сибирский приказ и управление Сибирью
ф. 172 — Канцелярия И. Б. Чернышева
ф. 176 — Адмиралтейская канцелярия
ф. 192 — Картографический отдел библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел.
ф. 199 — Г. Ф. Миллер («портфели»)
ф. 212 — Адмиралтейств-коллегия
ф. 214 — Сибирский приказ
ф. 216 — В. Беринг
ф. 230 — Походная канцелярия адмирала Н. Ф. Головина
ф. 233 — Ф. М. Апраксин
ф. 248 — Сенат
ф. 339 — Российско-Американская компания
ф. 913 — Архив гидрографии
ф. 1002 — Камчатская геодезическая партия
ЦГАВМФ СССР — Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив

Указатель имен

- Алексеев А. И. 124
Алфимов Ф. Д. 13, 20
Андреев А. И. 101
Анна Ивановна 97, 159
Апраксин Ф. М. 14, 15, 18
Апушкин Ф. 16—18
Аритландер Ю. 93, 112—114, 160
Арсеньев С. А. 20
- Балашев И. 20, 22, 23
Балуев Ф. 20, 22, 23
Баскаков И. 30
Батурич Б. 21
Белов М. И. 63
Белоусов П. 160
Беляев А. А. 16
Беляев Г. 38
Берг Л. С. 63, 68, 72, 145
Беринг В. 5, 24, 26, 29, 40, 41, 49, 58, 65, 82, 92, 93, 95—98, 100, 103, 115, 120, 122, 123, 127, 132—134, 137, 139, 145, 146, 147, 155
Берх В. Н. 43, 143, 144, 146, 147
Бильцов П. 13
Бичи Ф. 144
Бобовский И. 112, 114, 160
Болтин И. 37
Боньер 145
Борисов М. 90
Бородавкин К. 11, 22, 30
Браунер П. 114
Бриль А. 130
Буслаев Е. 65, 68, 69, 74
Бутурлин П. 94
- Бухарин Я. 13
Быков И. 12
- Вальтон В. 99, 100
Ваксель С. 103, 127, 128
Васильев М. Н. 155
Васко да Гама 6
Ведрин Я. 20
Верещагин И. 115
Вертлюгов Ф. 141, 151
Визе В. Ю. 71
Вильбрехт А. 143, 146, 154
Винсгейм Х.-Н. 13
Воинов В. 130
Волков М. Я. 9, 10, 21, 22, 156
Воронов Ф. 126, 127
Врангель Ф. П. 155
Вульф 130
- Гардеболь С. 56, 84—86, 92, 114, 120, 121
Гвин С. 11
Гвоздевы 8
Гвоздев И. 8
Гейнзиус И.-Г. 13
Генс М. 93, 95
Генс Я. Я. 28, 29, 36, 37, 39, 40, 43, 45—50, 52—61, 63, 64, 80, 82—89, 91—97, 134, 158
Герасимов А. 11, 21
Герасимов И. 51
Герасимов Т. 51, 114
Гинтер Э. 115, 124, 127
Голдер Ф. 63, 73, 97, 132
Головниц В. М. 143
Гоман И. 26, 27, 136, 148

- Грейс Р. 11
 Греков В. И. 69, 74, 75, 119
 Григорьев П. 124, 126
- Давыдов 22
 Дасаев Я. 115, 117
 Дауркин Н. 137, 151, 153
 Девиер А. 50, 75, 98—103, 105, 112, 119, 159
 Дежнев С. 70
 Делиль Ж.-Н. 133, 136, 137, 146
 Дивин В. А. 64, 122
 Добрынский И. 91, 92
 Дюфур А. 145
 Дягилев И. 114
 Дьяков С. 30
- Евреинов И. М. 30
 Ежевский Ф. К. 22
 Екатерина I 23
 Екатерина II 142
 Елизавета Петровна 112, 117, 131, 160
 Ефимов А. В. 63, 65, 67, 73, 74, 101, 118, 119, 122
- Жадовский** 82
 Жихманов А. 18
- Заборовский А. 94
 Загоскин Л. А. 145, 155
 Залевин И. 77
 Захаров И. 30
 Зиновьев К. 20
 Знаменский С. В. 97
 Зубов Ф. А. 20
 Зуров В. М. 20
 Зуев А. 93
 Зуев И. 48
 Зыбин А. 74, 101, 103, 111, 113, 115—117, 120, 122
 Зырян В. 77
- Ивашкин С. 114, 124, 126
 Игнатъев М. 20
 Игнатъев С. 21
 Измайлов Л. 20
 Исаков И. 20
 Исаков Л. 20
 Исупов А. 14
- Казанцев В. И. 75, 79, 81—86
 Каташевцов И. 80
 Кашинцов С. 22, 30
 Кирилов И. К. 22, 26, 27, 35, 37, 137
 Клерк Ч. 153
 Кобелев И. 69, 70, 143, 146, 153
 Козин М. 105
 Козлов Ф. 41
 Козыревский И. П. 36—38
 Колумб 6
 Коростелев Д. 112, 113, 115, 128, 160
 Косточкин Н. 20
 Костюрин П. 13
 Коцебу О. Е. 144, 146, 154
 Крапивин И. 21
 Красильников А. Д. 18, 20
 Крафт Г.-В. 13
 Креницын П. К. 140
 Кривов В. 13
 Криков И. 54, 84
 Кротков А. Я. 22
 Крузенштерн И. Ф. 144
 Крупышев Т. 44, 45, 90
 Кудрин Г. 20
 Кузьмин А. 97, 115, 124
 Кузнецов М. 93
 Кузнецов С. 115, 126
 Кук Д. 142—144, 153
 Кучин С. 21
 Кучин Ф. Ф. 20, 21
- Лавров Ф. Д. 22
 Лаг Л. 50, 100, 101, 103, 104
 Лебедев И., геодезист 30

- Лебедев И., пятидесятник 43
 Левашов М. Д. 140
 Леушинский В. 11
 Линденау Я. И. 50, 100, 137, 149
 Литке Ф. П. 145, 155
 Ловиц Г. М. 146, 149
 Лодыженский Т. 11, 18, 21
 Ломоносов М. В. 18, 142
 Лужин Ф. Ф. 30
 Лупандин П. 32
 Лыков С. 20
 Львов И. 137, 148
- Магеллан 6
 Магницкий Л. Ф. 11, 13, 18
 Макаров В. 41, 49
 Макаров Г. 30
 Малышев А. 77
 Меншиков А. Д. 82
 Меркатор 11
 Мерлин В. Ф. 81, 82, 91, 92
 Миллер Г. Ф. 8, 35, 44, 101, 132, 136, 139, 146, 150, 152
 Молчанов Ф. А. 12, 20
 Мордвинов Д. А. 20
 Мошков К. 62, 63, 65, 66, 78
 Мышецкий А. 20
 Мятлев В. А. 141
- Назаров А. 83
 Нехороших Г. 77
- Овцын М. 130
 Окулов Г. 30
 Орликов С. 21
 Остафьев И. 43
- Павлуцкий Д. И. 6, 7, 9, 35—37, 39—41, 44—53, 56—59, 62, 64, 77—82, 89, 92, 95, 96, 101, 104, 117, 131—134, 156, 158, 159
 Паллас П. С. 143
- Парацци Ф. 53, 54, 77
 Перевалов Т. 50, 137, 142, 146, 150—152
 Пермьяков Е. 60, 69, 77
 Петр I 8, 10, 11, 12, 16, 18, 19, 23, 82
 Петр Федорович 112
 Петров Л. 37, 39, 42—44, 46, 47, 54, 58, 60, 67, 68, 84—87, 90, 92, 94—96, 120, 133
 Петров М. 112, 114
 Петухов И. 131
 Плениснер Ф. 75, 140, 152
 Плещеев А. 94
 Покровский А. А. 24, 63
 Полежаев К. 52
 Полонский А. С. 63, 73, 101, 102, 118
 Полуэктов И. 39
 Полуяновский М. 112, 160
 Поляков Л. 54, 60, 77
 Портнягин И. 60
 Похвиснев Д. 20
 Пустышкин И. 20
- Радищев Я. 20
 Ратмапов М. И. 144
 Ребров И. 77
 Рогачев 97
 Родичев Е. 112, 115, 121—123, 126, 127, 134, 136—138, 157, 160
 Ромодановский Ф. Ю. 15, 16, 19
 Ртищев В. А. 105—109, 112—115, 124, 127, 138, 141, 147, 159, 160
 Рытхэу Ю. 70
- Салтанов С. 14
 Сарычев Г. А. 144, 146, 154
 Сафонов Е. Ф. 20
 Свистунов И. С. 19, 30, 109

- Сгибнев А. С. 29, 35, 39, 46, 49, 60
- Селиванов С. 44, 46
- Семенов-Тянь-Шанский П. П. 145
- Серебряков С. 93
- Сипягин А. А. 22, 30
- Скобельцын П. Н. 19, 20, 30, 109, 128
- Скорняков-Писарев Г. Г. 21, 79, 81, 82, 85, 87, 88, 90, 92, 93, 95, 97, 98, 119, 142, 158
- Скурихин И. Ф. 42, 48, 62, 69, 74, 76, 77, 87, 92, 100—104, 116, 118
- Сметанин Л. 53, 54, 76, 77, 91, 93
- Соймонов Ф. И. 11, 69, 129, 131—133, 137, 141, 142, 146, 150
- Соколов А. 62—65, 101, 118
- Солдатов И. 78, 90
- Сомов В. 32
- Софья Алексеевна 16
- Спешнев И. 35, 37, 39, 40, 42, 45—53, 55, 56, 58, 60, 83, 85—94, 156, 158
- Стромилин М. 23
- Ступин О. 84
- Стыжнев 46
- Сумароков Н. 11, 18, 22, 30
- Суровцев В. 30
- Тарабыкин А. 44—46
- Татаринов М. 69, 70
- Теглев Ф. И. 20, 30
- Тибалов Ф. 62
- Толубеев А. 20, 30
- Транезников Ф. 141
- Треска Н. 42, 46, 53
- Трускотт И. Ф. 139, 146, 152
- Турнаев М. 38
- Ушаков В. 13
- Фарварсон А. 9, 11, 12, 13, 19, 20, 22
- Федоров И. 7, 28, 29, 36—40, 42, 45—52, 56, 58, 60, 62—65, 67, 70, 71, 74, 75, 77—80, 101, 116, 119—122, 127, 134, 135, 158, 160
- Фенев А. 126, 127
- Филисов Я. К. 21
- Фондезин П. 134, 140
- Ханыков И. Ф. 20
- Харчин Ф. 55
- Хитрово С. 92
- Хмылев О. 43
- Хрущов И. 12, 21
- Чаплин П. 41
- Чекин Н. 130
- Черкасский А. М. 25
- Четвериков М. 13
- Чириков А. И. 113, 124, 127, 134, 138, 140, 147
- Чичагов П. И. 11, 18, 30
- Чичагов С. 18
- Чичерин И. 11, 30
- Шаганов А. 112, 160
- Шадрин Д. 77
- Шалауров Н. П. 141
- Шананыкин П. 126
- Шангин И. 60
- Шарыпов И. 77
- Шергин П. 42, 60
- Шестаков А. Ф. 6, 9, 23—26, 28, 44—49, 52, 62, 80, 89, 96, 101, 133, 134, 137, 156, 158, 159
- Шестаков В. А. 42, 53, 133
- Шестаков И. 42, 45, 47, 50, 53, 96, 133
- Шестаков П. 46, 49
- Шельтинг А. Е. 105—109, 111,

- 112, 114—116, 124, 127, 138,
147, 157, 159, 160
- Шетилов В. Д. 30
- Шехонский И. 12, 21
- Шипицын В. 38
- Шишков А. 13
- Шишмарев Г. С. 144
- Шмалев Т. 101
- Шпанберг М. П. 8, 66, 71, 72,
75, 82, 93, 95—99, 101, 105,
107—109, 111—118, 120—127,
133—141, 149, 157, 160
- Штинников А. 90
- Шубинский А. 114
- Эверстов И. 84, 88, 90
- Эйзельберг А. 115
- Юренив С. 20
- Юшин Х. 112, 113, 115, 121,
122, 123, 127, 134, 136, 137,
138, 157, 160
- Яковлев В. 11, 18, 21
- Яцкой В. 48

Содержание

От автора	5
Солдатский сын Михаил Гвоздев	8
В экспедиции на Северо-Восток Азии	35
Во главе морского похода 1732 г. к Большой земле	56
Командир Камчатской партии	81
Картограф Охотского порта и Второй Камчатской экспедиции	97
Отставка	124
Первооткрыватели Аляски со стороны Тихого океана	131
Основные даты жизни и деятельности М. С. Гвоздева	156
Документы М. С. Гвоздева	158
Литература	162
Список сокращений	166
Указатель имен	167

Леонид Аркадьевич Гольденберг
Гвоздев Михаил Спиридонович
(Начало XVIII в. — после 1759)

Утверждено к печати
Редколлегией серии
научно-биографической литературы
Академии наук СССР

Редактор издательства **Б. С. Шохет**
Художественный редактор **Л. В. Кабатова**
Технические редакторы
Н. А. Типикина, М. Н. Комарова
Корректоры
М. В. Борткова, Л. Р. Мануильская

ИБ № 29156

Сдано в набор 05.02.85
Подписано к печати 06.05.85
Т-02776. Формат 84×108 1/32

Бумага книжно-журнальная импортная
Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр. отт. 9,45. Уч.-изд. л. 9,5

Тираж 10 900 экз. Тип. зак. 1133

Цена 60 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6